ISSN 2412-6039 (Online) ISSN 2076-6297 (Print)

Journal of Institutional Studies

ЖУРНАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 7 НОМЕР 2 2015

Журнал издается при поддержке
Международной ассоциации институциональных исследований

Journal of Institutional Studies

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36310

Журнал издается с 2009 г., выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» **82295.**

Учредитель:
ООО «Гуманитарные перспективы»

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Нуреев Р. М. *(Финансовый университет при Правительстве РФ; НИУ ВШЭ)*

Заместители: **Дементьев В. В.** *(ДонНТУ),* **Вольчик В. В.** *(ЮФУ)*

Члены редакционной коллегии:
Аузан А. А. *(МГУ),* **Белокрылова О. С.** *(ЮФУ),*
Барсукова С. Ю. *(НИУ ВШЭ),* **Кирдина С. Г.** *(ИЭ РАН),*
Клейнер Г. Б. *(ЦЭМИ РАН, ГУУ),* **Латов Ю. В.** *(Академия управления МВД РФ),*
Левин С. Н. *(КемГУ),* **Литвинцева Г. П.** *(НГТУ),*
Малкина М. Ю. *(Нижегородский ГУ),* **Лемещенко П. С.** *(БГУ)*
Мау В. А. *(Академия народного хозяйства при Правительстве РФ),*
Полищук Л. И. *(НИУ ВШЭ),* **Сидорина Т. Ю.** *(НИУ ВШЭ),*
Розмаинский И. В. *(СПб. филиал НИУ ВШЭ),*
Шаститко А. Е. *(МГУ).*

Международный редакционный совет:
Андрефф В. *(University of Paris 1, France),*
Гриценко А. А. *(Институт экономики и прогнозирования НАН, Украина),*
Кохен С. *(Erasmus School of Economics, Holland),*
Леонард К. *(University of Oxford, UK),*
Маевский В. И. *(ИЭ РАН),* **Мизобата С.** *(Kyoto University, Japan),*
Цвайнерт Й. *(Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany).*

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Наш сайт: www.hjournal.ru
Тел. +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru;
info@hjournal.ru

Journal of Institutional Studies

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Date of registration: 20th May, 2009.
Registration certificate PI № FS 77-36310.

Founded: 2009. Quarterly Journal.
Included in the Russian Science Citation Index (RSCI).
Subscription Index in «Russian Press» catalogue: **82295**.

Founder:
Ltd. «Humanities Perspectives»

Editor in Chief

Nureev R. M. *(Financial University under the Government of the Russian Federation, HSE)*

Deputy Editors: ***Dementyev V. V.*** *(Donetsk National Technical University),*
Volchik V. V. *(Southern Federal University)*

Editorial Staff:
Auzan A. A. *(Moscow State University),* ***Belokrylova O. S.*** *(Southern Federal University),*
Barsukova S.Yu. *(HSE),* ***Kirdina S. G.*** *(IE of Russian Academy of Sciences),*
Kleiner G. B. *(Central Economic Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences),*
Latov Yu. V. *(Academy of Management of the Interior Ministry of Russia),*
Levine S. N. *(Kemerovo State University),* ***Litvintseva G. P.*** *(Novosibirsk State Technical University),*
Malkina M. Yu. *(Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University),*
Lemeschenko P. S. *(Belarusian State University),*
Mau V. A. *(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration),*
Polischuk L. I. *(HSE),* ***Sidorina T. Yu.*** *(HSE),* ***Rozmainsky I. V.*** *(HSE in Saint Petersburg),*
Shastitko A. E. *(Moscow State University).*

International Editorial Board:

Andreff V. *(University of Paris 1, France),*
Gritsenko A. A. *(Institute for Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine),*
Cohen S. *(Erasmus School of Economics, Holland),* ***Leonard C.*** *(University of Oxford, UK),*
Majewski V. I. *(IE of Russian Academy of Sciences),* ***Mizobata S.*** *(Kyoto University, Japan),*
Tsvaynert J. *(Hamburg Institute of International Economics (HWWI), Germany).*

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at http://hjournal.ru. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

Pushkinskaya St., 43, office 10,
Rostov-on-Don, Russia, 344082.
http://hjournal.ru
Phone: +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru;
info@hjournal.ru

ИСТОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Кирдина С. Г. Институционализм в России в 1930-2010-е гг.: инверсионный цикл? 6

Барышников М. Н. Г. И. Бененсон и А. Д. Голицын: деловое партнерство в институциональном контексте российской действительности начала XX века 38

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ермишина А. В., Зализский М. В. Оценка институциональных альтернатив организации коммунальной экономики 58

Сидорова А. М. Влияние экономической ментальности на становление интеграционных процессов 68

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВА

Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Земельная реформа в России в 1990-2000-е годы, или как в ходе ведомственных реорганизаций «реформировали» земельную реформу 84

Круглова Е. А. «Государство» устарело: потребность в новом определении государства 99

Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян 109

СОВРЕМЕННАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Иванова Л. Н., Терская Г. А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий 120

HISTORY OF INSTITUTIONAL ECONOMIC THOUGHT

Kirdina S. G. Institutionalism in Russia in 1930-2010s: an inversion cycle? …….. 6

Baryshnikov M. N. G. I. Benenson and A. D. Golitsyn: business partnership in the institutional context of Russian reality early twentieth century 38

INSTITUTIONAL ECONOMIC THEORY

Ermishina A. V, Zalizsky M. V. Evaluation of alternative institutional arrangements in public utilities 58

Sidorova A. M. Impact of informal institutions on the development integration processes 68

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE STATE

Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. Land reform in Russia in 1990-2000-ies, or how land reform was "reformed" during the departmental reorganization 84

Kruglova E. A. The "state" is out of date: the need for a new definition of the state 99

Mareeva S. V. Social justice and inequalities in views of Russians 109

MODERN INSTITUTIONAL THEORY

Ivanova L. N., Terskaya G. A. Spots growth and growth drivers: the question of the contents concepts 120

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ В 1930-2010-Е ГГ.: ИНВЕРСИОННЫЙ ЦИКЛ?*

КИРДИНА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА,

доктор социологических наук,
ФБГУН Институт экономики РАН. г. Москва,
e-mail: kirdina@bk.ru

В статье представлено отношение к экономическому институционализму в СССР и постсоветской России, начиная с 30-х гг. XX века и до настоящего времени. Показано наличие инверсионного цикла с фазой критического отрицания старого и нового институционализма до 1990-х гг. и наступившей затем фазой масштабной, зачастую некритической абсорбции (впитывания) идей институциональной экономики. Показаны доктринально-идеологические причины негативного отношения к институционализму в годы после образования СССР в рамках «критики буржуазной политэкономии». Проанализированы особенности проявления институционалистского подхода в трудах советских политэкономов и в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы в 1980-х гг. Особое внимание уделено развитию институционализма в постсоветской России. Также обсуждаются перспективы формирования «российского институционализма» на основе оригинальных институциональных концепций отечественных ученых, опирающихся на обновленные методологические принципы.

Ключевые слова: *история экономической мысли; институционализм; гетеродоксная экономика; Россия; Советский Союз; Торстейн Веблен.*

INSTITUTIONALISM IN RUSSIA IN 1930-2010S: AN INVERSION CYCLE?

KIRDINA SVETLANA, G.,

Doctor of Sociological Sciences (PhD),
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: kirdina777@gmail.com

This inquiry explores and details the slowed and often thwarted development of institutional thought in Russia, and then its later flourishing. I use Alexandr Akhiezer's term of "inversion cycles" as a way to frame the inquiry, and relatedly, I divide the arrival and advancement of the institutional field of inquiry into two distinct phases, with the first defined as a Thwarted Phase that becomes evident in the 1930s. At the first phase (1930-80-s) there was a complete negation of both the old institutionalism and the new institutionalism. The Flourishing Phase commences with the start of the1990s and continues up to the present. At that stage we can see a broad and uncritical absorption of institutional economics ideas. I draw relationships with how some of the long term effects stemming from the October Revolution of 1917, the founding of the USSR in 1921, and the tradition of dialectical materialism derived

* Статья подготовлена на основе доклада «Институционализм в России: XX – начало XXI вв.», представленного на научном семинаре «Теоретическая экономика» в Институте экономики РАН 23 апреля 2015 г. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-02-00422.

© Кирдина С. Г., 2015

from Karl Marx and Frederick Engels, effectively thwarted the institutional approach to Economic Science for almost all of the Soviet era. The Flourishing Phase can be distinguished by the start of the transition to market economy, the emergence of independent presses, and the translation of key institutionalist documents, plus the dissemination of articles and books authored by Russian scholars¾with some reaching into university curriculums. Relatedly, and in conclusion, I offer insights into the prospects for the emergence of a distinct "Russian Institutionalism" and based upon original contributions from Russian scholars relying upon contemporary methodological principles.

Keywords: *Russian economic thought; institutional economics; Marxist political economy; Russia; Soviet Union; Thorstein Veblen.*

JEL: *B4; B15; B25, B31, B52.*

Введение

В начале 1990-х гг. российский культуролог Александр Ахиезер представил оригинальную концепцию России как «расколотого общества», чье развитие осуществляется посредством «инверсионных циклов», т.е. маятниковых колебаний между биполярностями (*Ахиезер, 1997*). В ходе этих колебаний необходимая для прогресса любого общества критика исторического опыта становится у нас настолько уничижительной, а отрицание предыдущих ценностей - столь катастрофическим, что вместо положительной роли они несут в себе «разрушительный потенциал дезорганизации» (*Матвеева, 1997. С. 20*) и создают повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленных знаний и практик. Господство инверсии означает преобладание готового опыта над рождением новых культурных смыслов и образцов, преобладание простого типа воспроизводства над более сложным интенсивным типом воспроизводства (*Матвеева, 1998. С. 36*). Если медиация представляет собой способ заполнения пространства между биполярностями, наращивание культурного богатства между полюсами оппозиций и развивается через углубление диалога, то при решениях инверсионного типа происходит отталкивание от предыдущего как противоположного в рамках перебора альтернатив «либо-либо»[1]. Для инверсионной логики характерен монолог.

Наличие таких инверсионных циклов Ахиезер связывал со слабостью медианной (утилитаристской) культуры[2] и соответствующих ей диалогичных форм мышления в российском обществе. В связи с этим каждый новый поворот выступает отрицанием предыдущего, сопровождается обрывом культурного опыта и традиций, настолько нарушая единство и преемственность, что дальнейшее развитие становится почти невозможным или чрезвычайно затратным.

Подход Ахиезера, применяемый им на макроуровне социально-исторического анализаз, на мой взгляд, является весьма плодотворным и для микроуровня, в частности, при распространении институционализма в России. Его идея инверсионных циклов одновременно служит и методологией данного исследования, и находит свое подтверждение в его результатах .

В статье будет показано, что отношение к институционалистам среди отечественных политэкономов в начале 1930-х гг., когда это направление экономической мысли оформилось в США и мировой науке, было исключительно негативным. Институционализм относили к вульгарным направлениям буржуазной политической экономии, а институционалистов (несмотря на характерную для них критическую направленность) полагали апологетами капиталистического общества. Неприятие институционального подхода в официальном экономическом сообществе

[1] Как отмечает С. Я. Матвеева, идеи инверсии и медиации были введены Клодом Леви-Строссом при анализе мифов, но переосмыслены Ахиезером для анализа социокультурного опыта в духе воспроизводственной теории (*Матвеева, 1998. С. 34*).

[2] Одними из первых исследований, обосновывающих слабость медианной культуры в России, были труды Николая Бердяева (*Бердяев, 1915*).

СССР продолжалось вплоть до 1980-х гг. Но с началом перестройки (1985-1991 гг.) ситуация кардинально меняется. В 1990-е гг. наиболее значительные работы зарубежных институционалистов переводятся на русский язык и издаются немалыми тиражами, российские авторы формируют и издают учебники по институциональной экономике, открываются специализированные кафедры в университетах, создаются ассоциации исследователей, работающих в этом направлении, а также соответствующие журналы, проходят конференции и симпозиумы и т.д. Не будет преувеличением сказать, что на постсоветском пространстве институционализм уже не одно десятилетие является весьма популярным течением среди экономистов, даже среди тех, кто не причисляет себя к лагерю институционалистов.

Можно видеть, что в хронологии восприятия институциональных идей российским научным сообществом находят свое отражение закономерности инверсионных циклов, исследованные Ахиезером. На первом советском этапе отрицание идей институционалистов было настолько глубоким, что блокировались любые попытки позитивного использования институционального подхода для анализа экономических и социальных феноменов в тогдашнем СССР. На втором постсоветском этапе, наоборот, институционализм как возможная замена предыдущего отечественного мейнстрима - марксистской политической экономии, - воспринимается практически без критики, а, наоборот, «на ура!». Сформированные его представителями концепции, терминология, методы анализа полагаются непреложно справедливыми и полезными для изучения современного российского общества. Можно увидеть, как из одной крайности - полного отрицания - мы перешли в другую - к массовому насаждению современного зарубежного институционализма «как он есть» в научной литературе, университетах, исследовательских лабораториях и т.д. Критический анализ в отношении того, насколько правомерно использовать развитый применительно к изучению иной социально-экономической реальности научный подход в исследованиях современного российского общества, нынче не принят.

Отмечая выявленный инверсионный цикл в развитии институционализма в России, следует, тем не менее, выделить попытки утилитаристского отношения российских ученых к институциональному направлению, включая как применение его категориального аппарата к анализу российской истории и современности, так и конструирование самостоятельных исследовательских схем и теорий в рамках институционально-эволюционной парадигмы. В своих работах Ахиезер считал развитие «срединной культуры» (*Ахиезер, 1997. С. 79*), направленной на поиск синтеза и меры противоположностей через диалог, важнейшим фактором развития российского социума и преодоления его «расколотости». Размышляя о перспективах институционализма в России, я также полагаю, что поиск медиации традиций российской экономической мысли и заимствуемого институционального подхода означал бы один из наиболее плодотворных путей его развития в нашей стране. Разработанные на основе этого диалога утилитарные, т.е. полезные для страны концепции и теории, которые позволят лучше понимать происходящее и использовать полученные знания как основания массовых решений – не в этом ли могла бы состоять цель развития институционализма в России в XXI веке?

Прежде чем представить хронологию восприятия и развития институциональных идей в России, кратко охарактеризуем исследуемое направление.

Здесь и далее будем называть институционализмом[3] то, что по-английски обозначается как Institutional Economics. Другими словами, за пределами рассмотрения остается институционализм в политических науках, правоведении и социологии, где он исторически возник задолго до того, как в этом направлении

[3] Термин «институционализм» с его окончанием на «*изм*» имеет отчетливо выраженный «идеологический привкус». Корректнее, на мой взгляд, говорить об институциональном подходе. Но в русскоязычной литературе по экономической теории этот термин устойчиво закрепился, поэтому он используется в настоящей статье.

начали думать экономисты[4]. Также не рассматривается так называемое институционалистское направление российской школы экономической мысли начала XX в. в эмиграции[5].

Институциональная школа в экономических исследованиях берет свое начало в основном[6] в американской интеллектуальной традиции. Принято считать, что институциональное направление (Institutional Economics) стало складываться в США на рубеже XIX-XX вв. как противопоставление неоклассической экономике. Введя в 1916 г. понятие «институциональная политическая экономия», Уолтон Гамильтон (*Hamilton, 1916*) имел в виду необходимость анализировать рынки и рыночное поведение (основной предмет неоклассики) не только сами по себе, но с учетом разнообразных влияющих на них факторов – от технологических до социально-психологических и политических. В 1919 г. он же вводит термин *институционализм,* обособляя новое направление уже не только от неоклассической экономической теории, но и от политической экономии (*Hamilton, 1919*).

Наиболее отчетливо специфика нового взгляда на экономику, как отмечал Гамильтон, была представлена в работах Торстейна Б. Веблена (1857-1929), признанного затем одним из отцов-основателей институционализма в США и, соответственно, в мире. Институциональная экономика фокусируется на понимании развития экономики как эволюционного процесса и изучает роль институтов в формировании экономического поведения. Вот как определял предмет этой дисциплины Веблен в своих работах. В 1898 г. он писал, что

> «эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» (*Веблен, 2006 (1898). С. 28*).

Еще более определенно он выразил свое понимание в известной работе «Теория праздного класса»:

> «Эволюция общественного устройства является процессом естественного отбора социальных институтов. … Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие и господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (*Веблен, 1984 (1899). С. 200*).

Именно на идеях Веблена и его единомышленников, среди которых наиболее известны Джон Коммонс, Уэсли Митчелл, Джон М. Кларк, Кларенс Эйрес, Джон Гэлбрейт (*International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968. P. 462–467*), основано направление, называемое сегодня *старый институционализм* (он же традиционный, классический или оригинальный институционализм). Старый институционализм в вебленовской традиции является в настоящее время одним из доминирующих подходов в *гетеродоксной экономике*[7]. Это направление институционализма отличается междисциплинарностью, являясь в определенном смысле продолжением философских, социологических, культурологических и правовых исследований в приложении к экономическим проблемам.

Новая институциональная экономика, или *новый институционализм* (New

[4] В 1962 г. Дэвид Гамильтон в своей статье «Почему институциональная экономика не институциональна?» писал о том, что «институт» является одним из основных концептов, исследуемым практически во всех социальных науках. В этой связи он активно возражал против выделения «институционального направления» в экономической науке как бессмысленного «умножения сущностей» (*Hamilton, 1962*).

[5] Об этом см., например, в работах М. Г. Покидченко (*Покидченко, 2005*) и др.

[6] К раннему институционализму за пределами США относят англичанина Джона Гобсона (1858-1940), а также французских институционалистов Франсуа Симианда (1873-1935), его учеников Гаэтана Пиру Бертрана Ногаро и др. (*Ипполитов, 2008*).

[7] Гетеродоксная экономика, в отличие от ортодоксии, или неоклассики, составляющей современный mainstream economics (*Colander at al., 2004. P. 490*), включает направления, «не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии» (*Dequech, 2007. P. 295*). Общим для гетеродоксной экономики является явно или неявно разделяемый «взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную» (*Lawson, 2006. P. 497*).

Institutional Economics), является вариантом, основанным на более поздних работах американских институционалистов 1920-30-х гг. Причиной становления данного направления в институциональных исследованиях стала неудовлетворенность преимущественно описательным характером оригинального институционализма, а также его неспособностью предложить строгую математизированную теорию для организации массы эмпирических и исторических данных. Считается, что новый институционализм[8] начинается с работы Рональда Коуза «Природа фирмы» (*Coase, 1937*). За свой вклад в новую институциональную экономику Коуз стал Нобелевским лауреатом в 1991 г. Среди известных представителей данного направления еще трое лауреатов Нобелевской премии по экономике - Дуглас Норт, Оливер Уильямсон и Элинор Остром, - все они также из США.

Если оригинальный институционализм базировался на критике неоклассических постулатов (среди них методологический индивидуализм, рациональность и максимизация прибыли, равновесие, устойчивость предпочтений экономических агентов), то новый институционализм интегрирован в неоклассику и представляет сегодня одно из направлений ее развития[9].

Данное утверждение об интеграции неоинституционализма в экономический мейнстрим еще несколько лет назад надо было специально доказывать (см. *Кирдина, 2008*), ссылаясь на авторитет таких знатоков экономической мысли, как А. Н. Нестеренко, М. Блауг и др. Сегодня об этом можно прочесть даже в Википедии (http://en.wikipedia.org/wiki/New_institutional_economics).

Анализ показывает, что новый институционализм несколько смягчил исходные предпосылки мейнстрима, адаптировав их к изучаемой реальности, но не изменил его методологическое ядро. Так, вместо полной рациональности принята предпосылка ограниченной рациональности, вместо «просто экономического поведения» анализируются влияющие на него когнитивные и психологические факторы, расширился состав изучаемых издержек – к ним добавились издержки трансакций, и т.д. Поэтому как сами представители нового институционализма (например, Оливер Уильямсон, написавший, что «институциональная экономика инкорпорирована в ортодоксию» (*Williamson, 2000. P. 596*)), так и исследователи данного направления (например, Петер Кейзер, утверждающий, что «методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории» (*Keizer, 2007. P. 5*)), согласны в трактовке нового институционализма как одной из современных версий экономического мейнстрима – неоклассической теории.

Различие между оригинальным (старым) и новым институционализмом необходимо иметь в виду при анализе восприятии и развития институциональных идей в России в XX и начале XXI вв.[10].

Статья, кроме введения, состоит из трех частей и заключения. В первой части рассматривается критическое отношение к институционализму в советской экономической науке с 1930-х до 1980-х гг. Во второй части представлены институционалистские идеи в трудах советских ученых. В третьей части показано распространение и развитие институционализма в постсоветской России. В заключении сделаны основные выводы.

[8] Термин “New Institutional Economics” предложен Оливером Уильямсоном в 1975 г. в работе «Рынки и иерархии…» (*Williamson, 1975*).

[9] Сегодня в новый институционализм входят трансакционная экономика, которая изучает сделки и издержки, с ними связанные; контрактная теория, рассматривающая организации как пучки контрактных отношений; экономическая теория прав собственности, анализирующая права собственности и издержки, связанные с их спецификацией, и т.д. (см. *История экономических учений, 2000. С. 653-687*).

[10] Наряду с этими двумя наиболее распространенными институциональными течениями в экономической теории существуют и другие, например, исторический институционализм (*Fioretos, 2011*), новый французский институционализм (*Розманский* и *Холодилин, 2000*), сравнительный институциональный анализ (*Aoki, 2013*) и т.д. Детальная классификация современных институциональных исследований в мире, также как и выявление внутренней структуры старого и нового институционализма, не входит в задачи настоящей статьи.

1. Критика институционализма в советской экономической науке, 1930-1980-е гг.

Институционализм (оригинальный институционализм) оформился как самостоятельное течение в мировой экономической науке в 1920-1930 гг. (*Нуреев, 2007. С. 73*). Поэтому первые упоминания и анализ этого направления можно найти в работах отечественных экономистов уже в 1928 и 1930 гг.[11]. С тех лет и вплоть до середины 1980-х гг. восприятие институционализма в СССР было сугубо критическим. Объяснение этому следует искать в особенностях развития экономической теории в стране в тот период.

Контекст экономической науки 1920-30-х гг. определялся, на мой взгляд, тремя наиболее важными внутренними причинами. Во-первых, он был связан с идеями победившей в 1917 г. Великой Октябрьской социалистической революции, прежде всего, с марксизмом. Еще в Российской империи работы Карла Маркса были известны, пожалуй, как нигде за пределами Германии. Первый перевод великого труда Маркса *Das Kapital, Band I* (1867) на иностранный язык был выполнен в России и опубликован в 1872 г. тиражом в 3000 экз. (при тираже «Капитала» в самой Германии в 1000 экз.), став весьма популярным в среде российских интеллектуалов и общественной мысли в целом. После революции идеи Маркса легли в основание официальной идеологии нового российского государства. Таким образом, взгляды Маркса, в том числе и в экономической теории, получили дополнительную поддержку на государственном уровне.

Другой особенностью послереволюционных лет стала адаптация марксистских идей Владимиром Ульяновым-Лениным и его соратниками к российским условиям. В 1924 г. вышла брошюра Иосифа Сталина «Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете». В ней он говорит о ленинизме как о «марксизме эпохи империализма и пролетарской революции», подчеркивая его особенность как «теории и практики диктатуры пролетариата». Сформированный таким образом слоган «марксизм-ленинизм» предъявлял к экономическим доктринам требование «служить интересам рабочего класса», более того, это требование становилось одним из главных критериев для их оценки. Если же, например, политическая экономия «служит интересам буржуазии», которая воспринимается как реакционный класс в эпоху социальных революций, а тем более в стране победившего пролетариата, то такая политическая экономия маркируется как «вульгарная», которая исследует только лежащие на поверхности явления без проникновения в их суть, без поиска объективных (в данном случае марксистских) законов.

Третья причина, связанная с двумя предыдущими, состояла в осознании отечественными экономистами после победы социалистической революции необходимости разработать собственное экономическое учение. Марксистская политическая экономия занималась преимущественно исследованием капиталистических обществ. Поэтому она не была достаточной в российских условиях, где «капитализм был побежден». Исследование нового типа социалистического накопления, социалистических форм собственности и соответствующих производственных отношений при изменении старой материально-технической основы в готовящейся к индустриальному рывку стране привело к развитию «политической экономии социализма» (понятие введено Николаем Вознесенским в 1931 г.), как пишет (*Дафермос, 1995*). В основу экономической теории социалистического общества также положено учение о диктатуре пролетариата, под руководством Коммунистической партии призванного обеспечить «победу социалистических элементов» (*Островитянов, 1972. С. 83*). Новая наука заявила о себе как практически необходимая и идеологически полезная, поскольку она была направлена на изучение особенностей того способа

[11] Взгляды некоторых российских экономистов 1920-х гг., причисляемых к последователям социально-институционалистского направления, но находившихся в эмиграции, прежде всего П. Б. Струве (*Ипполитов, 2008. С. 46*), в настоящей статье не анализируются.

производства, который формировался в молодой советской стране.

Политическая экономия социализма становится мейнстримом в СССР, а другие экономические науки, не изучающие советский строй, составляют необходимую, но периферию. Среди них находились так называемая «буржуазная политическая экономия», объединявшая в те годы основные направления западной (прежде всего) экономической теории, а также «история экономической мысли». Первоначально (традиционный) институционализм был представлен в СССР именно в рамках этих направлений.

Как же в этих условиях воспринимались идеи институционального направления в экономической теории?

Одно из первых упоминаний об американском институционализме Т. Веблена можно найти в работах Израиля Блюмина, советского экономиста и историка экономических учений. В своей фундаментальной работе «Субъективная школа в политической экономии» (*Блюмин, 1928*), посвященной иным концепциям, он, тем не менее, зафиксировал рост влияния институционализма после Первой мировой войны как теоретической альтернативы маржинализму. При этом в одной из сносок он причисляет институционализм к «эмпирическим школам». Однако в своей работе 1930 г., посвященной характеристике социального направления в буржуазной теоретической экономии (*Блюмин, 1930*), автор уже не просто упоминает, а отчетливо клеймит буржуазного экономиста Веблена за его «оправдание частной собственности и апологию капитализма» (цит. по: *Блюмин, 1961. С. 172*). Блюмин полагал, что американский институционализм родственен «социальному направлению»[12], которое «является таким же реакционным направлением, как и другие вульгарные направления буржуазной политической экономии» (*Блюмин, 1961. С. 173*).

В дальнейшем Блюмин подверг взгляды американских институционалистов, прежде всего Т. Веблена и Дж. Коммонса, более тщательному, но не менее критическому рассмотрению. Основная полемика с их взглядами велась Блюминым по следующим двум направлениям. Во-первых, по поводу отказа институционалистов от важнейших марксистских аналитических категорий, описывающих развитие общества, и замене их иными «ненаучными» категориями. Во-вторых, институционалистам вменялась апологетика (защита) американского монополистического капитализма под флагом реформизма, то есть «возможность разрешения мирным путем антагонистических противоречий капитализма» (*Блюмин, 1962. С. 342*) и построение «разумного капитализма» (по выражению Коммонса).

Несовпадение и даже противоречие институционализма с марксизмом[13], который в СССР был парадигмальным образцом анализа общественного и экономического развития, Блюмин усматривал по следующим позициям:

- трактовка социальных отношений в идеалистическом духе (когда решающая роль принадлежит праву, сложившимся привычкам и моральным факторам, политике «буржуазного государства»), а не в материалистическом, связанном с изменениями в базисе, т.е. в средствах производства (*Блюмин, 1962. С. 339*). Так, он указывал, что Коммонс относит право, которое в марксистской терминологии является надстройкой (*Блюмин, 1962. С. 348*), к решающему звену экономического развития (а сделку - исходно юридическую категорию, - рассматривает в качестве элементарной формы экономической деятельности), в то время как марксизм ведущую роль отводит экономическому базису и преобразованиям непосредственно в сфере производства;

- недооценка сознательного фактора в социальных действиях (прежде всего в действиях рабочего класса) и подчеркивание роли инстинктов, привычек, обычаев,

[12] К «социальному направлению» И. Г. Блюмин относил германских экономистов Р. Штаммлера, Р. Штольцмана, А. Аммана и К. Диля, а также австрийского экономиста О. Шпанна.

[13] Блюмин иронически отнесся к попыткам американского экономиста А. Харриса причислить К. Маркса к институциональному направлению, а именно, к его разновидности, «основанной на учении о классовой борьбе» (*Блюмин, 1962. С. 337*).

подсознательных мотивов и др., т.е. замена марксизма социальным дарвинизмом (например, теория о роли инстинктов Веблена);

- представления о том, что не рабочий класс, а интеллигенция призвана играть руководящую роль в общественном развитии (со ссылкой на работу Веблена «Инженеры и система цен», в которой он призывает к созданию «совета техников» из инженеров и экономистов-производственников для освобождения от господства бизнесменов), т.е. отрицание роли диктатуры пролетариата;

- призыв к правительственному контролю над экономикой, что фактически скрывало реальное подчинение органов государственных структур капиталистическим монополиям: «основной смысл институционализма Коммонса состоит в подведении «теоретической базы» под требования монополистического капитала о максимальном использовании в своих интересах подчиненного ему буржуазного государственного аппарата» (*Блюмин, 1962. С. 347*);

- противопоставление марксистской диалектике «плоского и вульгарного эволюционизма», который отрицает революционные скачки в историческом процессе. Используя эволюционный метод, институционалисты «пытаются утешить рабочих иллюзиями, что современный капитализм совершенно не похож на капитализм в прошлом,… он свободен от недостатков и противоречий, свойственных старому капитализму» (*Блюмин, 1962. С. 341*);

- отрицание институционалистами теории классов и классовой структуры (выделение социальных групп не по месту в общественном производстве, а по «видам деятельности»), соответственно, игнорировалась роль классовых интересов и классовой борьбы; цель институционализма – «отвлечь народные массы от борьбы за их подлинные классовые интересы, затуманить их классовое самосознание» (*Блюмин, 1962. С. 343*).

Если отмеченные возражения Блюмина носили отчетливо выраженный идеологический характер, а потому могут восприниматься как недостаточно убедительные, то иные из его оценок институционализма оказались весьма точными и сохранили свое значение до сих пор. Среди них, во-первых, указание на расплывчатость самого понятия «институт» и то, что разные представители институционализма вкладывают в него неодинаковое содержание (*Блюмин, 1962. С. 337*). Это, как отмечал Блюмин, затрудняло теоретическую классификацию и обработку множества собираемых институционалистами эмпирических данных (позже именно этот факт привел к развитию нового институционализма, как уже было отмечено выше). Во-вторых, Блюмин подчеркивал историческую взаимосвязь между изменившимися условиями и потребностью в новом их осмыслении. Справедливо его указание на связь институционального направления с новыми тенденциями в развитии капиталистического общества: ростом концентрации капитала и роли монополий, изменением роли банковского сектора, ростом профсоюзного движения, относительным усилением роли коллективных (социальных) интересов по сравнению с индивидуальными. На мой взгляд, этот факт обусловленности теорий обстоятельствами времени их возникновения весьма полезно иметь в виду, заимствуя те или иные концепции.

Работы институционалистов не были переведены в то время на русский язык. Их критика Блюминым не содержала полного изложения взглядов критикуемых авторов и не имела целью обогатить отечественную науку новыми на то время экономическими разработками или отдельными идеями. В этом нашла свое выражение, на мой взгляд, недостаточность той самой «срединной утилитаристской культуры», о чем, вслед за Н. Бердяевым, писал А. С. Ахиезер.

Блюмин отмечал, что период наибольшего влияния (старого) институционализма включал период 1920-30-х гг. Затем ему на смену как доминирующей за пределами маржиналистской экономики доктрины приходит кейнсианство - основная книга Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» вышла в 1936 г.

Общий негативный фон восприятия идей институционализма в нашей

стране сохранялся несколько десятилетий. Показательной является характеристика зарубежных институционалистов в Большой советской энциклопедии 1953 г. как «наиболее злобных врагов рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии» (*Большая советская энциклопедия, 1953. С. 239*). В посмертном издании работ И. Г. Блюмина начала 1960-х гг. также сохранены сделанные им ранее критические оценки и подтверждено неприятие для СССР институционального направления в экономической теории. Основная причина была связана с тем, что это направление теоретически обосновывало и обеспечивало дальнейшее развитие капитализма (*Альтер, 1948*), т.е. состояло «на службе империалистической экспансии» (*Альтер, 1961; 1971*). Поэтому и в последующем издании Большой советской энциклопедии 1969-1978 гг. институционализм продолжали называть «вульгарным течением в американской буржуазной политической экономии» (*Афанасьев, 1972. С. 296*).

Тем не менее, советские исследователи продолжали следить за развитием институционального направления за рубежом в рамках учебной и научной дисциплины «критика буржуазной политической экономии». Среди них, кроме упомянутых И. Г. Блюмина, Л. Б. Альтера и В. С. Афанасьева, отметим К. Б. Козлову (*Козлова, 1987*), В. Д. Сикору (*Сикора, 1983*), а также С. Г. Сорокину. Сорокина стала автором первой монографии, посвященной исключительно анализу институционализма и его эволюции. Ее книга «Сценарии будущего или иллюзии прошлого?: Об институционализме как направлении буржуазной политической мысли» вышла в 1981 г.[14] и содержала в себе наиболее полное изложение институциональных концепций и их критический разбор на тот период. Кроме того, в 1984 г. Сорокина написала объемную вступительную статью к первой вышедшей на русском языке работе Веблена «Теория праздного класса»[15], где также подробно характеризовала современный ей институционализм. Именно поэтому тексты Сорокиной выбраны мною в качестве опорных для характеристики отношения советских экономистов к институционализму в 1970-1980-е гг.

Сорокина отмечала начавшийся в 1960-е гг. рост значимости институционального направления среди экономистов в мире (но не в СССР). Дополнительную роль в распространении, точнее, ренессансе институциональных идей сыграл экономический кризис 1974-1975 гг., поскольку он показал недостаточную эффективность кейнсианских концепций государственно-монополистического регулирования экономики. Поэтому популярность идей Кейнса, как и неоклассического направления в целом, падала, а идеи институционалистов приобретали новых сторонников: «институционализм стал одним из главных направлений современной буржуазной экономической науки» (*Сорокина, 1981. С. 3*). При этом объектом ее анализа, наряду с традиционным, становится новый институционализм, и именно с ним она связывает рост популярности институционального направления в экономической теории в целом. Также было отмечено, что институционализм вышел далеко за рамки США – кроме известных американских институционалистов Сорокина указывала на шведского экономиста Гуннара Мюрдаля, французского экономиста Франсуа Перру и многих других.

Советские читатели могли судить о распространении институциональных идей за рубежом и по другим фактам, приводимым в книге Сорокиной. Ею были отмечены создание в 1965 г. специальной ассоциации институционалистов в США со своим печатным органом, проведение международных специализированных конференций, издание фундаментальных трудов, посвященных новому институционализму и его вкладу в современную экономическую мысль, и т.д. Кроме

[14] К моему удивлению, книга Сорокиной с характерной для советского периода критикой институционального направления была практически в том же виде дважды переиздана в 2011 г. (изд. 2-е. М.: Либроком, ЛКИ, КомКнига и изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС). По-видимому, выполненный автором анализ сохранил свое значение, и издатели ориентировались на наличие спроса на такого рода работу.

[15] Как известно, полное название этой работы Веблена, вышедшей в США в 1899 г., таково: «The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions». В русском переводе вторая часть названия не фигурировала – экономические исследования институтов еще не были приняты в СССР.

того, в книге гораздо полнее, чем когда-либо ранее, были представлены взгляды и теоретические достижения наиболее важных и популярных на тот момент представителей институционализма – от Веблена, Коммонса и Митчелла до Джона К. Гэлбрейта и Роберта Л. Хейлбронера.

Анализируя институционализм как эволюционное направление в экономической теории, Сорокина смещает ранее поставленные акценты. В ее изложении эволюционизм выступает скорее как позитивная особенность институционализма. В то же время она отмечает и недостаток только эволюционного подхода, что наглядно видно из следующей цитаты:

> «Институционализм выступает как эволюционное направление; его представители акцентируют социально-экономические изменения, "феномен развития", стремятся к динамическому анализу. Эволюционный характер теории наглядно проявляется в анализе механизма общественного развития. Институционалисты констатируют противоречие между постоянно изменяющейся средой и обладающей значительной инерцией, консервативной институциональной структурой общества, сформированной в результате развития в условиях прошлого… Но институционалисты не рассматривают специфику собственно экономического развития; они исключают из анализа революционные изменения и игнорируют важнейший источник общественного развития - противоречие между двумя сторонами способа производства» (*Сорокина, 1981. С. 7*)[16].

Можно видеть, что, как и ранее, непризнание революционных скачков в общественном и экономическом развитии (т.е. отрицание социалистической революции в странах капитализма) оставалось важнейшей причиной неприятия институциональных идей в СССР.

Судя по обобщающей монографии Сорокиной, в 1980-е гг. критический анализ институционализма продолжился и по другим ранее обозначенным направлениям, хотя риторика при этом была существенно смягчена, а отрицание тех или иных позиций сопровождалось указаниями на некоторые их положительные стороны. Институционалистов по-прежнему упрекали в

- неопределенности понятия институт и в связи с этим «аморфности теоретических установок идеологов институционализма»;
- идеалистической трактовке общественных и экономических структур, т.е. игнорировании базисной роли экономических производственных отношений;
- «технологическом детерминизме», когда недооценивается специфика отношений собственности;
- защите капитализма, пусть и при условии «социального контроля»; в утопических взглядах на возможную благотворную трансформацию капитализма в соответствии с современными потребностями буржуазии посредством различных реформ: поскольку «все эти варианты предполагали сохранение капиталистической формы собственности на средства производства, то рекомендации институционалистов следует охарактеризовать как буржуазно-реформистские» (*Сорокина, 1981. С. 10*);
- недооценке роли рабочего класса и рассмотрении интеллигенции и технократов как основных субъектов общественного развития и др.

В результате вновь был подтвержден вывод о том, что «институционализм явился одним из течений вульгарной политической экономии» (*Сорокина, 1981. С. 8*). Таким образом, в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС (1981 г.) усилия в области общественных наук по-прежнему были сосредоточены на «критике антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачении фальсификаторов марксизма-ленинизма» (*Материалы XXVI съезда КПСС, 1981*), что сдерживало возможности плодотворного обмена идеями между советскими и зарубежными экономистами.

[16] Мне трудно судить о том, была ли убеждена ли автор в том, что это действительно «порок» институционализма, или ей было необходимо «сделать реверанс» в сторону продолжающей доминировать официальной марксистской идеологии.

Тем не менее, в работах советских исследователей западной экономической мысли 1980-х гг. уже обнаруживается уменьшение негативной тональности в отношении к институционализму. На представленном рисунке это отражается в восходящем характере траектории отношения к институционализму от его агрессивно-негативного восприятия к более нейтральному.

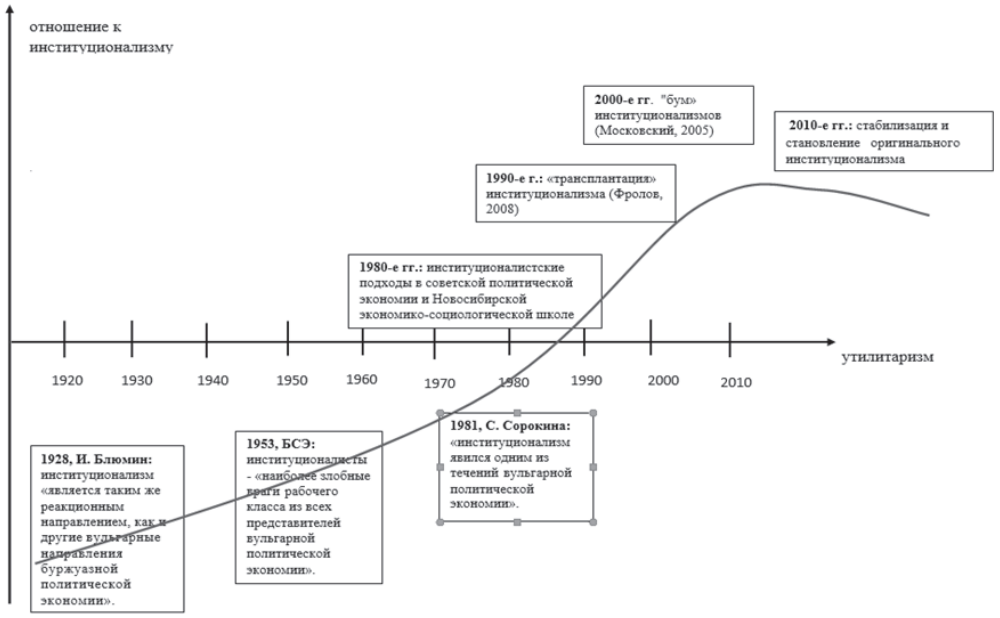

Рис. 1. *Инверсионный цикл отношения к институционализму*

Это выразилось не только в более сбалансированном анализе взглядов зарубежных институционалистов, но также в издании в СССР важнейших работ представителей данного направления. Одной из первых стал выход уже упомянутого издания книги главного теоретика старого институционализма Веблена «Теория праздного класса» в 1984 г.[17]. В аннотации к этой работе отмечалось, что взгляды Веблена противоречивы и содержат в себе «мелкобуржуазное прожектерство и утопизм». Тем не менее, акцент был сделан на том, что «автор выступал с резкой критикой капитализма, финансовой олигархии, праздного класса». Такая констатация оправдывала перевод его работы для знакомства с нею не только «специалистов в области буржуазных экономических теорий», но и иных «научных работников и преподавателей общественных наук».

2. Институционалистские подходы в трудах советских ученых 1980-х гг.

Работа по вычленению институциональных идей в трудах советских политэкономов была в свое время проделана Олегом Иншаковым и Даниилом Фроловым в их объемном труде «Институционализм в российской экономической мысли» (*Иншаков* и *Фролов, 2002*). Основная мысль, развиваемая авторами, состояла в том, что институциональный подход всегда был характерен для российской экономической науки и даже донаучных форм общественного мышления. Для обоснования своей идеи Иншаков и Фролов анализируют «концепции и взгляды мыслителей, проекты и документы государственных деятелей, а также их влияние на совершенствование практики российского хозяйствования» (*Иншаков* и *Фролов, 2002. Т. 2. С. 3*). В своей интерпретации изучаемых трудов и событий, в том числе и

[17] Интересно, что если перевод работы институционалиста Веблена был осуществлен лишь через 85 лет после выхода оригинала, то основополагающий труд Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» был впервые переведен и опубликован в СССР всего через 12 лет после выхода в издательстве "Palgrave Macmillan" - уже в 1948 г.

советского периода, они каждый раз вычленяют то, что полагают возможным отнести к институционализму, пусть даже сами разработчики тех или иных концепций никогда не связывали свои взгляды с институциональным направлением в экономической мысли. Посредством проведенного анализа, как полагают Иншаков и Фролов, им удалось восстановить преемственность «этапов развития российского институционализма» (*Иншаков* и *Фролов, 2002. Т. 2. С. 4*).

С такой точкой зрения трудно соотнестись, поскольку корректного, на мой взгляд, определения того, что представляет собой «российский институционализм», авторы не дают. Кроме того, в тот период, о котором идет речь в настоящем разделе статьи (и который также проанализирован в работе Иншакова, Фролова), в СССР отсутствовала самоидентификация каких-либо ученых или научных школ в качестве институционалистов. Поэтому, на мой взгляд, ситуация была не столь однозначной, как указывают Иншаков и Фролов в своей кропотливой работе.

Во-первых, отметим, что сам термин «институционализм» в экономической теории (несмотря на постоянную критику расплывчатости и нечеткости используемых в нем категорий) является достаточно определенным. Эта определенность состоит в том, что очерчен круг изучаемых в рамках направления тем, обозначен предмет исследования, представлена оригинальная методология и разработаны получившие популярность и поддержанные в научном сообществе институциональные концепции и теории. Также, - и это один из важнейших признаков для характеристики того или иного направления, - известен круг конкретных персон, относимых к институционализму, и действуют профессиональные ассоциации, объединяющие сторонников институционализма. В мировой экономической науке сложился определенный консенсус по поводу всех отмеченных элементов, составляющих содержание данного направления, объединяющего в себе старый и новый институционализм, а также иные его разновидности, и это отражено не только в обширной научной литературе, но также в курсах лекций и в специализированных словарях по экономической теории. То, что авторы называют российским «институционализмом», не соответствует этим общепринятым критериям.

Во-вторых, особенность экономической науки в СССР состояла в разделении направлений не только по изучаемым предметам, но и по степени взаимодействия с мировой наукой. Так, «окно во внешний мир» было открыто прежде всего для специалистов, изучающих образцы буржуазной политической экономии. Но эти исследования носили описательный и преимущественно критический характер[18]. Возможно, некоторых из этих исследователей, изучавших институциональное направление в экономической теории, можно было бы условно отнести к «институционалистам», точнее «критическим институционалистам», но и то с большей долей условности. Основная же масса советских теоретиков работала в сфере политической экономии социализма и в силу своей специализации не была достаточно осведомлена о критикуемых, и соответственно, не годящихся для внутреннего использования, достижениях мировой экономической мысли. Институционализм, как было показано ранее, был среди них.

В-третьих, - и это представляется наиболее важным с методологической точки зрения, - развитие институционального подхода в советской политэкономии наталкивалось на специфические концептуальные трудности[19]. Как известно, принятая в СССР аналитическая модель общества как общественно-экономической формации, предложенная Марксом и адаптированная Лениным, базировалась на категории способа производства. Последний представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. Именно их взаимодействие обеспечивает развитие, а затем смену общественно-экономических формаций в ходе

[18] В данном случае мы не говорим о «страновых» исследованиях экономик социалистических стран, которые, в соответствии с поставленными перед ними целями, имели в основном описательный и аналитический характер.

[19] Такого рода трудности в меньшей степени препятствовали обмену идеями между представителями, например, отраслевых экономик или экономико-математических исследований, начавших развиваться в СССР еще в 1920-е гг.

революций. При этом примат определенно закреплялся за производительными силами, которые, развившись, меняют отжившие производственные отношения на новые, соответствующие их новому качеству. То есть по Марксу в основе смены одной формации другой, более прогрессивной, лежит несоответствие развивающихся производительных сил – играющих роль локомотива истории, движущих сил исторического развития, - характеру устаревающих производственных отношений. Это положение было закреплено во всех советских учебниках по политической экономии социализма, начиная с первого. «На известной ступени своего развития производительные силы перерастают рамки данных производственных отношений и вступают с ними в противоречие. …В силу этого старые производственные отношения раньше или позже сменяются новыми производственными отношениями, соответствующими достигнутому уровню развития и характеру производительных сил… Экономическим законом развития общества является закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил» (*Политическая экономия, 1953. С. 10*).

Эта базовая категория экономического анализа создавала препятствия для развития институционального подхода как в рамках самой политэкономии социализма, так и для заимствования и абсорбции идей старого институционализма[20], развиваемых извне. Дилемма производительных сил и производственных отношений не оставляла институтам места, поскольку неясно было, относить их к базису или надстройке, или к обоим одновременно, - но последнее означало бы ревизию марксистского подхода.

Тем не менее, с начала 1980-х гг. некоторые советские ученые стали осторожно предлагать новые понятия, не вписывающиеся в «прокрустово ложе» конструкции производительных сил и производственных отношений. Например, такой категорией выступили организационно-экономические отношения, предложенные Леонидом Абалкиным в его работе «Диалектика социалистической экономики» (*Абалкин, 1981*). Как полагают Иншаков и Фролов, это была одна из попыток встроить в категориальный аппарат политической экономии социализма понятия институционализма. Они отмечают, что Л. И. Абалкин «фактически вводил в свою концепцию хозяйственного механизма некоторые институциональные элементы (например, роль конкретных форм институциональной организации, специфику принятия решений хозяйственными субъектами, правовых норм, принятых в данном обществе, менталитета и др.), отражавшие специфический характер хозяйственной системы … социализма» (*Иншаков* и *Фролов, 2002. Т. 2. С. 206*). Интерпретируя тексты Абалкина, Иншаков и Фролов утверждают, что в его понимании институты выступают интегральным звеном экономического базиса общества. Включая институты в предмет политэкономического анализа, Абалкин отмечал, что «происходит абстрагирование от надстроечных сторон или аспектов в их деятельности, вычленение их базисного содержания и функций» (*Абалкин, 2000. Т. 1. С. 307*).

На мой взгляд, сложная внутренняя структура организационно-экономических отношений как своего рода института была Абалкиным лишь намечена. Тем не менее, в этой классификации «первого приближения», как он сам ее называл, уже были обозначены некоторые важные положения. Так, Абалкин предложил разделять социальные и хозяйственные отношения, с одной стороны, и организации, - с другой. Годы спустя такое разделение, предложенное и тщательно проанализированное нынешним Нобелевским лауреатом по экономике Д. Нортом, было воспринято в мировой науке как важное продвижение в понимании институциональной структуры.

Однако, насколько можно судить по дальнейшим публикациям Л. И. Абалкина, он не стал развивать институционалистский подход (на мой взгляд, этот термин лучше соответствует тому, что пытался делать Абалкин) в своих

[20] Неприятие идей нового институционализма было связано с тем, что он в явном виде оперировал категориями функционирования рынков, которые советской политэкономией социализма не изучались.

работах, хотя позже активно поддерживал развитие институциональных исследований в постсоветской России[21].

Если политическая экономия социализма в силу отмеченных выше особенностей была «закрыта» для идей институционализма, то советская социология обладала большей методологической свободой. В 1971 г. в журнале «Коммунист», который являлся официальным органом ЦК КПСС, была опубликована статья, определившая степень возможной автономии социологических исследований по отношению к доминировавшим марксистским подходам в советском обществоведении. В статье «Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия» (*Глезерман, Келле* и *Пилипенко, 1971*) была представлена трехуровневая концепция социологии, которая была официально признана. В соответствии с этой концепцией верхним уровнем социологического знания являлась общесоциологическая теория как философская наука (исторический материализм); на втором уровне были частные социологические теории, полагавшиеся тогда разделами научного коммунизма, т. е. также частью советской философии; на третьем уровне располагались конкретные социологические исследования.

В результате сформировался определенный компромисс, позволивший советским ученым заниматься социологическими исследованиями «на нижнем уровне» без жесткой привязки к официальным доктринам. Как много позже писал Владимир Ядов, целью этой (и не только этой) статьи, в частности, было доказать, что социология не находится в противоречии с марксистской философией и марксистским мировоззрением (*Ядов, 1990. С. 3*). Поэтому такое разделение способствовало развитию социологических исследований на всех трех отмеченных уровнях, но, прежде всего, на уровне конкретной социологии. Именно тогда наметилось определенное «разделение труда» между «социологами от философии», которые работали преимущественно на верхних уровнях социологического знания, связанного с доминировавшими философскими подходами - историческим материализмом и научным коммунизмом, - и социологами, занимавшимися конкретными социологическими исследованиями «на нижнем уровне», среди которых значительную долю стали составлять экономисты. «Конкретные социологи», сконцентрировавшиеся не на теоретических дискуссиях, а на полевых исследованиях, статистическом анализе и социологических опросах, были ближе к жизни и дальше от официально господствовавших доктрин, что давало им определенные простор и свободу. Эта свобода выражалась как в поиске и конструировании необходимых концепций для обобщения собираемых эмпирических данных и анализа результатов, так и в «проверке на прочность» доминирующих концепций советского обществоведения, т.е. их соответствию реально наблюдаемым фактам.

Об уровне этой свободы можно судить по так называемому «Новосибирскому манифесту»[22] 1983 г.

[21] Так, Л. И. Абалкин был ответственным редактором монографии А. Н. Нестеренко «Экономика и институциональная теория», вышедшей в изд-ве «Едиториал УРСС» в 2002 г. Он выступил одним из учредителей Московской региональной общественной организации «Центр эволюционной экономики», обеспечившей перевод и издание в России работ крупнейших представителей институционального направления. Также с 1994 г. и до конца своих дней Абалкин был одним из основных организаторов пущинских симпозиумов, многие годы бывших главной площадкой в России для обсуждения результатов институциональных исследований в стране и за рубежом, и т.д.

[22] «Новосибирским манифестом» был назван доклад Т. И. Заславской «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии». Он был подготовлен для состоявшегося в новосибирском Академгородке 8-10 апреля 1983 г. всесоюзного семинара, где обсуждался исследовательский проект «Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)» отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭиОПП СО АН СССР). Заславская много лет была руководителем этого отдела. Доклад был издан ограниченным тиражом в 100 экз. с грифом «Для служебного пользования» и роздан участникам семинара. Позже несколько экземпляров доклада неизвестным образом попали за рубеж. Там доклад, получив название «Новосибирский манифест», был переведен на английский и другие языки, опубликован в «Washington Post» в США, регулярно транслировался радиостанциями ФРГ на советскую аудиторию и т.д. Мне тогда довелось не только послушать выступления самой Татьяны Ивановны и участников, но и по мере сил поучаствовать в подготовке семинара, куда меня привлекли как аспирантку Заславской, включенную к тому же в исследования отдела социальных проблем.

Его автор Татьяна Заславская[23], известный к тому времени социолог, действительный член Академии наук СССР (избранная по отделению экономики) и руководитель отдела социальных проблем в ИЭиОПП СО АН СССР, написала: «сложившаяся в СССР система производственных отношений отстала от роста производительных сил и начала тормозить их дальнейшее развитие» (*Заславская, 2007. С. 525*). Данный вывод, марксистский по форме и содержанию, но идеологически неприемлемый в советских условиях, был тщательно обоснован материалами многочисленных социологических экспедиций, результатами анализа социально-экономической информации с помощью разнообразных количественных и качественных методов обработки данных, статистическими сопоставлениями и др. Именно этот вывод, как вспоминала позже Заславская, руководство Сибирского Отделения АН СССР настоятельно просило ее удалить из доклада, чего она не сделала (*Заславская, 2007. С. 525*).

Руководимый Заславской научный коллектив социологов, известный позже под именем Новосибирской экономико-социологической школы, или НЭСШ (*Davydova, 1997; Иванов, 2003*), часто называли «социальными экономистами»[24]. Здесь с 1982 г. институты стали элементом развиваемой в коллективе концепции «социального механизма развития экономики» (*Заславская, 1985; Заславская* и *Рывкина, 1991*), а также базирующихся на ней исследований. Анализ этих разработок дает основания считать их одной из первых реальных и осознанных попыток применения элементов институционалистского подхода в СССР.

В исследованиях коллектива НЭСШ под социальным механизмом развития экономики понималась устойчивая система поведения социальных групп, регулируемая, с одной стороны, социальными институтами, а с другой - социально-экономическим положением этих групп в социальной структуре. Данное определение разворачивалось в теоретическую схему (*Заславская* и *Рывкина, 1991. С. 59-61*), блоки и элементы схемы конкретизировались в системах индикаторов, которые затем использовались для аналитического описания исследуемого явления. «На выходе» авторы концепции стремились представить целостный и внутренне структурированный взгляд на развитие экономики как подсистемы общества, опираясь на данные эмпирических исследований, «обработанных» в русле предложенной теоретической схемы. Концепция социального механизма развития экономики использовалась и до сих пор продолжает использоваться как ее авторами (*Заславская, 1995*) и другими представителями НЭСШ (*Шабанова, 2001*), так и за пределами коллектива (*Урбан, 2014*).

Таким образом, для советских социологов, в отличие от экономистов, институты не были «запретной темой», поскольку изначально составляли ее предмет[25]. Поэтому применение институционалистского подхода в рамках экономико-социологического коллектива не является случайным.

Также необходимо отметить оригинальный, не заимствованный характер институционалистского подхода Новосибирской школы. В тот период, когда в мировой экономической теории все явственнее проявлялись тенденции расширения сфер экономического анализа при убеждении, что «экономическая теория – это универсальная грамматика общественной науки» (*Hirshleifer, 1985. P. 53*), в НЭСШ, наоборот, для изучения экономических процессов использовались категории и методы анализа из других наук. Это были социология и философия[26]. С этой точки

[23] Т. И. Заславская получила образование по специальности «политическая экономия» в Московском государственном университете, который окончила «с отличием». До переезда в Новосибирск (1963 г.) она работала в Институте экономики АН СССР, кандидатскую и докторскую диссертации также защитила по экономической специальности, позже занявшись социологическими исследованиями. Ее научная биография напоминает биографии зарубежных традиционных институционалистов, также сочетавших экономические и социальные научные интересы.

[24] Старый американский институционализм также, как известно, «обозначал направление, идейно близкое исторической школе (в ее современном для конца XIX века варианте), социологическим направлениям, а в некоторых моментах пересекающееся с тем, что принято называть социальной экономией» (*Макашева, 2006. С. 419*).

[25] Как писал Эмиль Дюркгейм еще в 1901 г., социологию «можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании» (*Дюркгейм, 1990. С. 20*).

зрения институционалистский подход Новосибирской школы 1980-х гг. тяготеет к старому институционализму, хотя и произрастает из собственных корней. Хронология и сопоставление работ членов НЭСШ показывают, что концепция социального механизма развития экономики стала естественным развитием предыдущих работ Т. И. Заславской и ее коллектива по системному исследованию социальных объектов.

Могу также предположить, что развитию институционалистских научных взглядов на «географической периферии» в Сибири, в новосибирском Академгородке, способствовали не только внутренние причины, такие как приверженность системному подходу, академический уровень научной квалификации сотрудников, свободная атмосфера в коллективе, стимулировавшая обмен идеями, и упорная работа «в поле», формирующая широкий «незашоренный» взгляд, позволявший улавливать следы действия институтов. Благоприятное значение имели и внешние факторы. Прежде всего, это активные контакты с зарубежными исследователями в ходе заграничных командировок - как вспоминала Заславская, ее московские коллеги удивлялись и говорили, что «у нас и доктора-то никуда не ездят, а у вас ездят менэээсы» (*Заславская, 2007. С. 480*), непосредственное знакомство с оригинальной зарубежной литературой и приглашение западных ученых. Свою роль сыграла территориальная удаленность от центров политического контроля, а также особенности преимущественно «горизонтальной» организации научной и культурной жизни всего Академгородка в целом.

Однако рассмотренные примеры развития институционалистского подхода в трудах московских политэкономов или новосибирских эконом-социологов не меняют общей картины: институционализм в том виде, как он был известен в мировой науке того периода, не получил в СССР своего признания и, тем более, развития.

3. Современное состояние институциональных исследований в России, 1990-е - 2010-е гг.

Говоря о современном состоянии институциональных исследований в России, я буду иметь в виду постсоветский период. Его можно охарактеризовать как противоположную фазу инверсионного цикла распространения институционализма, когда знак «минус» резко сменился на «плюс», и это наглядно продемонстрировано на рисунке выше. В 1990-е гг. произошел резкий переход от критики и неприятия институционализма в экономической теории к взрывному распространению его идей в сообществе отечественных экономистов и университетских курсах как аподиктических, т.е. безусловно достоверных и неопровержимых. «Развитие отечественной экономической науки в начале XXI в. можно с полным основанием охарактеризовать как "бум" институционализма», - отмечает Фролов (*Фролов, 2008. С. 130*), посвятивший изучению данного направления не менее десятка своих работ.

В 2015 г. на запрос «институционализм» российская электронная база данных (научная библиотека) elibrary.ru выдает более 5 с половиной тысяч русскоязычных упоминаний в названиях публикаций, в аннотациях, ключевых словах, полных текстах публикаций и списках цитируемой литературы (см. табл. 1)[27]. Первое десятилетие XXI в. характеризуется пока наиболее высокой частотой упоминания (46,3% от общего числа за весь проанализированный период) данного термина.

Кроме того, в последние годы «институционализм» все чаще выносится в названия и ключевые слова публикаций (см. табл. 2).

[26] Розалина Рывкина, многолетний соавтор Заславской и относимая, наряду с ней, к лидерам-основателям Новосибирской школы (*Бессонова* и *Шабанова, 2000*), была философом. Ее подходы значительно обогатили своеобразный социологический институционализм НЭСШ.

[27] Для сравнения: на запрос «политэкономия» выдавалась всего 121 публикация.

Таблица 1

«Институционализм» в названиях публикаций, в аннотациях и ключевых словах, в полном тексте публикации (включая статьи, книги, материалы конференций, депонированные рукописи, диссертации, отчеты, патенты), а также в списках цитируемой литературы

Период	Количество упоминаний	Доля упоминаний, %
До 2001	2005	35,7
2001-2009	2591	46,3
2010 – 10 марта 2015	1013	18,0
Всего	5609	100,0

Таблица 2

«Институционализм» в названиях публикаций, в аннотациях и ключевых словах

Период	Количество упоминаний	Доля упоминаний, %
До 2001	297	25,0
2001-2009	383	32,2
2010 – 10 марта 2015	510	42,8
Всего	1190	100,0

Данные табл. 2 показывают, что в период с 2010 г. упоминание этого термина в названиях, аннотациях и ключевых словах составляет почти 43%, что существенно выше, чем в предыдущие годы.

Если мы сопоставим не относительные, но также абсолютные данные табл. 1 и 2, то увидим подтверждение этой тенденции - число публикаций в последние несколько лет (с 2010 г.) с упоминанием «институционализма» составляет 1013, при этом в 510 случаях «институционализм» выносится в заглавие и ключевые слова (более половины). Для более ранних периодов это соотношение составляло не более 15%.

Это простое сопоставление показывает, что институционализм в России становится не только популярным направлением, но также объектом специальных исследований, и это выносится в заголовки посвященных ему работ. Поэтому в настоящей статье я не стану детально описывать уже проанализированные коллегами тенденции в развитии идей институционализма в России, ограничившись лишь общей схемой и адресуя читателя к известным работам, а сосредоточусь на относительно мало исследованных направлениях.

Пожалуй, общепризнанно, что основными причинами распространения институциональных идей в постсоветской России являются следующие. Во-первых, крах «реального социализма», наиболее четко обозначившийся после распада СССР, как и соответствующих ему экономических доктрин, спровоцировали поиск новых экономических теорий, адекватных развитию «российского постперестроечного капитализма». Поэтому изучающие капиталистическое общество институционалисты оказались в новых условиях не идеологическими противниками, но потенциальными теоретическими донорами. Во-вторых, открытость постсоветской России по отношению к глобальным рынкам, включая информационные рынки идей, обеспечила новые каналы, по которым достижения мировых экономистов, в том числе и в области институциональной теории, «пришли» в нашу страну. В-третьих, популярности институциональных теорий способствовало начало активного институционального строительства в нашей стране.

Поэтому в 1990-е годы институты, наконец, становятся «законным» объектом научного интереса для российских экономистов. Но институциональный подход был заимствован ими не из отечественной политэкономии или экономической социологии, где он был лишь намечен, а пришел на волне активного освоения теоретических концепций институционалистов западных стран.

Основными способами распространения институционализма в России стали, во-первых, перевод и издание на русском языке монографий и сборников зарубежных институционалистов, во-вторых, разработка курсов по институциональной экономической теории и внедрение их в программы высших учебных заведений, что сопровождалось подготовкой необходимых учебных пособий и учебников. Здесь, как можно видеть, проявилось естественное разделение труда между академическими учеными, с одной стороны, и представителями вузовской науки и преподавания, - с другой.

Так, издание трудов известных к тому времени мировых институционалистов сначала осуществлялось в основном «с подачи» членов академического сообщества. Одной из первых была переведена и издана книга Д. Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1997), что было осуществлено командой сотрудников Института экономики РАН (наиболее важную роль сыграли Л. И. Абалкин, А. Н. Нестеренко, В. И. Маевский и Б. З. Мильнер). Эта работа Норта многие годы была настольной книгой для большинства отечественных экономистов. Затем Центр эволюционной экономики, созданный по инициативе крупнейших экономистов-академиков РАН, организовал совместно с издательством «Дело» выпуск серии «Современная институционально-эволюционная теория» для популяризации наиболее известных в этой области зарубежных работ. Были изданы сборник «Природа фирмы» под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера (2001); книга Ричарда Нельсона и Сиднея Дж. Уинтера «Эволюционная теория экономических изменений» (2002)[28]; работа Джеффри Ходжсона «Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной теории» (2003), классические работы Фрэнка Найта «Риск, неопределенность и прибыль» (2003) и Т. Веблена «Теория делового предприятия» (2007) и т.д. Позже перевод и издание трудов институционалистов продолжились уже в рамках университетов, где стали работать многие представители академической науки. Отмечу сборник «Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса» (М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006), где впервые была опубликована на русском языке классическая работа Т. Веблена 1898 г. (!) «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной».

Что касается разработки учебных пособий и учебников, то в этом направлении наиболее активными были представители вузовского (университетского) сообщества. В своей статье 2007 г. «Как учат институционализму в России» Фролов указывает лишь на одно учебное пособие (2001) и один учебник (2005), подготовленные в рамках Российской академии наук – оба под ред. академика Д. С. Львова (*Львов, 2001*). Остальные учебные материалы разрабатывались преподавателями образуемых с 1999 г. кафедр институциональной экономики. Решение о создании сети таких кафедр было принято на Общем собрании РАН от 25 марта 1999 г. (*Сеть кафедр…, 1999*). Первое серьезное учебное пособие (*Литвинцева, 1999*), как и первый словарь по институциональной экономике (*Литвинцева, 2001*), были изданы в Новосибирске. Также уже в 1999 г. журнал «Вопросы экономики» стал публиковать главы учебно-методического пособия «Институциональная экономика», подготовленного Антоном Олейником (г. Москва).

В эти годы, кроме переводов и учебников, стали также выходить статьи российских авторов по институциональной экономике в научных журналах, проводиться конференции и симпозиумы, были созданы специализированные

[28] Эта работа, являющаяся сегодня классикой в области институционально-эволюционной теории, в 2000 г. была также издана в издательстве «ЗАО «Финстатинформ», г. Москва.

профессиональные ассоциации и т.п. (подробнее см. *Иншаков* и *Фролов, 2002; Макашева, 2006; Нуреев* и *Дементьев, 2005; Фролов, 2002; 2003; 2008; Левин, 2014; Кирдина, 2004* и др.).

Если для большинства российских экономистов институционализм стал «открытием» или модой, то историки экономической мысли продолжали исследования зарубежного институционализма в рамках своего предмета. Что же они констатировали? Во-первых, на новом уровне были обозначены ограничения старого институционализма: «намеченную исследовательскую программу Веблену и его последователям выполнить не удалось» (*Ананьин, 1999. С. 61*). Это связывалось, прежде всего, с размытостью понятия «институт» и неразработанностью методов, позволяющих однозначно вычленять институты для их последующего изучения (*Ананьин, 1999. С. 61*). Во-вторых, были подчеркнуты методологические различия старого и нового институционализма. В частности, старый не был столь близок к эволюционной парадигме, как второй, несмотря на заявленные амбиции (*Ананьин, 1999. С. 61*). Кроме того, новый институционализм базировался на принципе методологического институционализма и рациональности экономических агентов (*Макашева, 2006. С. 420*), что определило его родство с ортодоксией и обеспечило, в конечном счете, интеграцию с неоклассическим мейнстримом. Поэтому «вряд ли есть смысл говорить о какой-то общей институциональной парадигме» (*Макашева, 2006. С. 422*). В-третьих, после старого и нового институционализма в зарубежных исследованиях была зафиксирована его «третья волна», связанная с когнитивно-культурным поворотом (подробнее см. *Ананьин, 2013. С. 33-36*). Этот мировой контекст необходимо иметь в виду при анализе развития институционализма в постсоветской России.

Также важно подчеркнуть, что становление институционального направления в нашей стране отличалось от того, как это имело место в странах его происхождения. Если в США и Европе институционализм наследовал традиции исторической школы и был направлен первоначально на преодоление внеисторической и механистической трактовки экономической деятельности в ортодоксальной теории (*Ходжсон, 1997*), то в постсоветскую Россию институционализм пришел уже вместе с экономическим мейнстримом как его органическая часть. Кроме того, он пришел на поле, «расчищенное» от господствовавших ранее марксистских политэкономических концепций. Происходило не «выращивание» (если воспользоваться образной терминологией Виктора Полтеровича из его работ по анализу институтов) институционализма, а его «трансплантация», как охарактеризовал начальный этап распространения институционализма в постсоветской России Фролов (2009), подробно рассмотревший связанные с этим проблемы. В дополнение к его анализу имеет смысл указать также на следующие факты.

Не секрет, что «трансплантации» институционализма содействовали различные международные, американские и европейские структуры. Так, на первом этапе в 1990-е гг. значительную финансовую поддержку изданию на русском языке работ зарубежных институционалистов и подготовке первых университетских учебников на всей территории России оказывали зарубежные фонды и организации (Фонд Сороса, Агентство международного развития США, Мировой банк, европейские научные фонды и др.). Они также активно финансировали контакты российских ученых с их зарубежными коллегами, включая участие россиян в заграничных конференциях, международные стажировки, проведение на территории России и стран СНГ научных мероприятий по институциональной проблематике. Ими финансировались десятки образовательных, исследовательских и издательских проектов, куда привлекались сотни специалистов из России и других постсоветских государств.

В те годы российская наука и образование, как и другие сегменты бюджетной сферы, вместе со всей страной переживали кризис недофинансирования. Поэтому материальная поддержка из-за рубежа была существенным подспорьем в

деятельности первых пропагандистов институционализма в нашей стране и в ряде случаев помогала выживать как научным коллективам, так и отдельным ученым. Однако такого рода спонсорство институционализма в России задавало вектор восприятия и приложения его основных идей, направляя наших ученых скорее на «догоняющий путь развития», чем на творческое развитие институционального подхода, в том числе и в рамках присущих российской экономической мысли традиций. Это – первая из особенностей «трансплантации» институционализма на новом этапе инверсионного цикла распространения его идей в России.

Во-вторых, эффект трансплантации выражался в том, что реципиенты институциональных идей – за исключением небольшого числа специалистов в области истории и методологии зарубежной экономической мысли – не обладали необходимыми знаниями и находились вне «институционалистской традиции». Это объясняет отмеченные специалистами фрагментарность и поверхностность восприятия институциональных идей в России и, соответственно, некритический характер заимствования новой привлекательной терминологии. «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе» (*Евангелие от Иоанна, 15, 4*), так и научные исследования малопродуктивны, если отсутствуют необходимые преемственность и кумулятивный эффект. Поэтому «бум» институционализма не мог не сопровождаться вульгаризацией его идей и даже привел, как полагают некоторые исследователи, к девальвации статуса институционализма как научного направления (*Московский, 2005; Фролов, 2008*) на определенном этапе.

В-третьих, идеи, концепции и инструментарий институционализма пришли в Россию такими, какими они были разработаны в других, отличных от наших, условиях. И если в СССР институционализм подвергался постоянной обструкции, при которой «вместе с водой выплескивали и ребенка», то в постсоветской России имела место другая крайность. Новые заимствованные теории и подходы часто стали использоваться напрямую и «в готовом виде», без необходимого освоения и анализа того, насколько они адекватны специфике России и характеру социально-экономического развития страны. Таким образом, третья особенность трансплантации состояла в том, что новая институциональная методология некритически применялась к анализу самого широкого круга явлений. Сложилась ситуация, при которой «метод анализа является определяющим по отношению к предмету» (*Макашева, 2006. С. 420*), что было характерно как для теоретических, так и прикладных работ в области институционального анализа[29].

Интересно отметить, что когда речь идет о трансплантации конкретных институтов, то добросовестные российские ученые обращают внимание на необходимость изучения их адекватности национальным условиям и возможным ограничениям применения в России. Наиболее глубокие разработки в этом направлении проводят В. М. Полтерович (*Полтерович, 2001; 2007*) и его коллеги (*Полтерович* и *Старков, 2007; Полтерович, Попов* и *Тонис, 2007*). Когда же речь идет о «трансплантации институционализма» с его теоретическими и аналитическими схемами, подобные вопросы практически не обсуждаются.

Наиболее распространенным аргументом в пользу целесообразности прямых теоретических заимствований является расхожее утверждение о том, что «наука универсальна и интернациональна». Однако, если для естественных наук это в большинстве случаев справедливо, то для социальных наук это утверждение постоянно дискутируется. Одним из недавних примеров является известная полемика об универсальной и национальных социологиях между двумя президентами (разных лет) Мировой социологической ассоциации Петром

[29] Использование «чужих» схем и методик приводит, как правило, к негативным выводам относительно характеристик институциональной среды в России. Так, по показателям международного проекта Governance Matters, использующего исключительно субъективные (perception-based) оценки институтов, «в последние два десятилетия качество институтов в России оставалось невысоким, а в ряде случаев продолжало ухудшаться» (*Polishchuk, 2013; Баранов и др., 2015*).

Штомпкой и Майклом Буравым (*Битва гигантов…, 2011*), которая продолжается уже на уровне глобального дискурса.

Моя позиция в таких спорах является компромиссной. Я полагаю, что социальные и экономические (в т.ч. и институциональные) теории в их функции нового *vision*, т.е. нового взгляда на изучаемое общество и его подсистемы, являются вполне универсальными, полезными и, как правило, идеологически нейтральными. Так, в институциональной экономике атрибутами этого нового взгляда являются такие универсальные категории, как институты, институциональный обмен, эффекты блокировки, рутины, демонстративное потребление, path dependence, cumulative causality и др. Они позволяют увидеть традиционные объекты исследования в ином ракурсе. Однако когда этот новый взгляд определенным образом фокусируется, чтобы улавливать конкретные закономерности и особенности, он не может не быть социально обусловленным. С этой точки зрения развитые, т.е. наполненные конкретным содержательным смыслом, теории и аналитические схемы теряют свою универсальность. Становится необходимым анализ релевантности их использования в изучаемых социальных контекстах и обсуждение того, в какой мере и насколько полно они отражают особенности тех социальных и экономических феноменов, для изучения которых применяются.

На нынешней фазе инверсионного цикла, характеризующего отношение к институционализму в нашей стране, такого рода критический анализ практически отсутствует. Он требует отдельного специального исследования, здесь же ограничусь одним соображением.

Рискну предположить, что современный институционализм из стран Большой четверки (США, Великобритания, Германия и Франция)[30] представляет собой последовательное продолжение «рыночного фундаментализма», угроза которого в экономической теории уже не одно десятилетие осознается все более широким кругом ученых. Среди них отмечают нобелевских лауреатов Лоуренса Клейна, Джеймса Тобина, Джозефа Стиглица и др. (*Ольсевич, 2004*). В этом смысле справедливо утверждение Роберта Хейлбронера о том, что экономическая наука западных стран с момента своего зарождения и по сию пору соответствует социальному порядку капитализма, она представляет собой свод знаний и убеждений прежде всего о нем (*Heilbroner, 1989, ch. 8*). О том же ранее писал американский отец-основатель экономической советологии Абрам Бергсон: «Современная наука взращена главным образом в Западной Европе и Соединенных Штатах, и, несмотря на тенденцию к универсальности, она несет на себе печать институтов и проблем, присущих именно этим регионам» (*Bergson at al., 1964*. Цит. по (*Эллман, 2009. С. 5-6*)). Сошлюсь также и на Карла Поланьи. Опираясь на результаты многочисленных исследований, он еще 40 лет назад в жесткой форме утверждал, что созданная Адамом Смитом теория экономики, в основании которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса - предложения - цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей самого автора <в данном случае Смита – С.К.> реальности (*Polanyi, 1977. P. 6-7*). Таким образом, и неоклассические, и институциональные теории с мирового рынка идей предназначены преимущественно для описания одного типа экономической системы, при которой жили и живут их создатели.

Однако в структуре экономики России, как и многих других незападных стран, институты рынка не имеют столь же доминирующего значения. В них существенная роль принадлежит институтам, которые исследователи обозначают как редистрибутивные (К. Поланьи, Н. Стариков, С. Кирдина), как институты государства в роли выразителя общественного интереса (Р. Гринберг, А. Рубинштейн), институты раздаточной экономики (О. Бессонова), институты Х-экономики (Кирдина), институт централизованной власти-собственности (Р. Нуреев, Н. Стариков, Н. Плискевич, Ю. Латов) и т.п. Очевидно, что перечисленный набор

[30] Термин предложил Грегори Сандстром для обозначения стран-лидеров, доминирующих на глобальном рынке экономических и социальных идей.

объединяет неоднородные институты и включает взгляды ученых с несовпадающими теоретическими позициями. Но их объединяет то, что они направляют свои исследования не столько на анализ доминирующих в западных обществах институтов рынка, сколько на изучение институтов иной природы. В странах Большой четверки отмеченные институты не находятся в фокусе институциональных теорий[31], в то время как в нашей стране накоплен значительный опыт в их изучении. Анализ этих институтов мог бы стать спецификой «российского институционализма», если иметь в виду такого рода перспективу. Процитирую в этой связи Олега Ананьина, который связывал неуспехи первой и второй волн зарубежного институционализма с трудностями выбора исследуемых институтов:

> «Чтобы снизить уровень сложности бесконечно разнообразного мира экономических институтов, необходимо осуществить отбор тех из них, которые существенны с точки зрения рассматриваемой проблемы - теоретической или практической. У Веблена не было определенной стратегии такого отбора, и его исследовательская программа потерпела неудачу. Неоинституционалисты делают такой отбор на базе гипотез *ad hoc,* то есть без какой-либо теории в его основе, именно поэтому у них мало шансов создать внятную теорию институциональных изменений» (*Ананьин, 1999. С. 60*).

В нашем случае отбор исследуемых институтов диктуется самой природой российского общества. Доминирующие в его структуре институты «другой экономики» формируют специфическое исследовательское поле, на котором образованные и слаженно работающие российские институционалисты могли бы собрать хороший «научный урожай». Поэтому я склонна согласиться с Фроловым, призывающим к развитию институционализма «не за счет некритического копирования зарубежных концепций, а путем их переосмысления, адаптации и выдвижения новых оригинальных идей с учетом богатых традиций российской экономической мысли» (*Фролов, 2007. С. 162*). Развернутая полемика упомянутых выше исследователей (как и других российских ученых) между собой, а не только с зарубежными коллегами, возможно, могла бы содействовать развитию оригинального российского институционализма, о котором пока еще не приходится говорить[32].

Такого рода диалог российских ученых, заинтересованных как в развитии теоретических концепций, так и в познании законов развития страны, где мы живем, мог бы составить основу медиации традиций российской экономической мысли и заимствуемого институционального подхода. В свою очередь, это могло бы способствовать формированию утилитарных концепций с тем, чтобы преодолеть, хотя бы в экономической науке, присущий «расколотому» обществу России инверсионный путь развития.

Росту зрелости институциональных исследований в России содействует, на мой взгляд, выпуск специализированного Журнала институциональных исследований (Journal of Institutional Studies), выходящего 4 раза в год и публикующего статьи на русском и английском языках. Также отмечу развернувшуюся на страницах журнала «Общественные науки и современность» методологическую дискуссию о перспективах «экономического империализма» и противостоящего ему «социального либерализма» (2011-2015 гг.): основную часть включенных в дискуссию авторов составляют специалисты, так или иначе «причастные» к институциональным исследованиям в экономике. Аналогичные вопросы ставятся на страницах журналов «Вопросы экономики», «Экономическая

[31] Это не значит, что такого рода институты не изучаются. Во всех учебниках рассматривается регулирующая роль государства для заполнения «провалов рынка», институционалисты проводят посвященные им специальные исследования, например, «Рынки и иерархии» О. Уильямсона (*Williamson, 1985*) и др. Однако изучение подобных институтов не составляет «мейнстрим экономического мейнстрима».

[32] В этой связи я не могу согласиться с Фроловым и его коллегой Иншаковым в их утверждении о том, что можно говорить об «эволюции российского институционализма» (*Иншаков* и *Фролов, 2002; Фролов, 2003*). На мой взгляд, в России не сложился пока оригинальный российский институционализм и, соответственно, не было его эволюции. Хотя, возможно, это несогласие обусловлено различием между нами в понимании содержания самих терминов.

наука современной России», «Экономист» и др. Такого рода дискуссии свидетельствует о рефлексии методологических оснований проводимых исследований и, соответственно, осознанию специфики используемых подходов.

Известно, что «лицо» научных направлений определяется, помимо исследуемого предмета, особенностями используемой методологии. Разделяемая все большим числом российских исследователей неудовлетворенность принципом методологического индивидуализма, лежащим в основе экономических, в том числе институциональных концепций, способствует поиску альтернативных (иных, дополнительных) постулатов. На страницах отечественных изданий уже представлены и тестируются такие исходные предпосылки, как «методологический реализм» (*Фролов, 2009*), «методологический релятивизм» (*Рубинштейн, 2012*) и «методологический институционализм» (*Кирдина, 2013*). Дальнейшие дискуссии и время покажут их релевантность. В перспективе именно разработки оригинальных институциональных концепций отечественных ученых, опирающихся на обновленные методологические принципы, позволят, на мой взгляд, сформировать для российского институционализма «лица необщее выраженье» (Евгений Баратынский).

4. Выводы и дискуссия

В 2000 г. Дэвид Коландер, говоря об экономической политике третьего тысячелетия, заметил, что на смену политики «правильных цен» пришел «современный подход к политике, построенный на принципе «правильных институтов»» (*Коландер, 2006. С. 390*)[33]. Другими словами, институциональные исследования в экономике давно перестали быть «чистой наукой», осознана их практическая необходимость. Поэтому так важно развивать это направление исследований в нашей стране.

Современные российские институционалисты, преодолев советское наследие жесткого неприятия институционального подхода в экономике, стали работать в нескольких основных направлениях (подробнее см. *Кирдина, 2004*). Первое направление, которое можно назвать просветительско-аналитическим, представляет отечественной аудитории важнейшие достижения мировой институциональной экономики – от теоретических концепций до аналитических схем и инструментов институционального анализа. Второе направление, тесно с ним связанное, - разработка учебных материалов по институциональной экономике, базирующихся, как правило, на мировых достижениях. Третье направление имеет преимущественно прикладной характер, когда категориальный аппарат и инструментарий институционального подхода используется для анализа феноменов российской экономики. Эти направления, которые составляют сегодня доминирующую группу современных институциональных исследований в России, объединяет опора на достижения зарубежных институционалистов. Основным результатом работы исследователей в трех отмеченных направлениях стало признание институционализма как конвенционального и перспективного раздела современного экономического анализа (в теории и на практике) в нашей стране, в отличие от его отрицания в период с 1930-х до 1990-х гг.

Также среди отечественных институционалистов представлена другая группа исследователей. В той или иной мере опираясь на мировые достижения, они пытаются творчески развивать институциональный подход и генерировать новые понятия, исходя из анализа преимущественно российской экономики. Некоторые из этих результатов уже отражены в словарях и энциклопедиях (например, *Institutional Trap, 2008; Институциональных матриц теория, 2010*). Другие становятся настолько популярными, что уже переходят из научного дискурса в медийный, как например, «экономика физических лиц» (*Клейнер, 1996*) или термин

[33] Не оправдались предсказания Элвина Тоффлера, разрабатывавшего теорию деинституционализации современных обществ (*Toffler, 1971*).

О. Э. Бессоновой (1997) «раздаточная экономика» (*Выбор ясен. Раздаточная экономика России, 2015*). Образуют ли исследования данного направления оригинальное лицо «российского институционализма»?

Свои ответы на этот вопрос уже дают представители формирующейся группы исследователей институционализма в нашей стране, ряд из которых процитированы в настоящей статье. Конечно, достижения российских институционалистов пока еще не привлекли внимания столь же широкого круга зарубежных авторов, как, например, течения старого или нового институционализма в США и Европе. Тем не менее, постоянно возрастает количество ссылок из западных и восточных стран на работы российских коллег-институционалистов, а разрабатываемые российскими учеными концепции становятся объектом специального анализа (*Zweynert, 2008; 2010*) за рубежом.

На мой взгляд, именно на пути осмысленного сотрудничества российских институционалистов друг с другом и с их зарубежными коллегами достигается возможность формирования диалогичной утилитаристской культуры, способной преодолеть, как писал Ахиезер, череду инверсионных циклов «расколотого» российского общества. Развитию необходимых стране институциональных исследований не помогут ни огульная критика «чужого» с призывом опоры «исключительно на собственные силы», ни бессмысленное подражание и постоянные «трансплантации» теоретического знания. Как писал в свое время Абалкин, «решается вопрос о возрождении российской школы экономической мысли как органической части мировой науки. И речь идет не о возврате к старому, а об умении осознать реалии наступающего века. Есть основание полагать, что завтрашний день принадлежит тем, кто активно включится в создание новой парадигмы обществознания, кто определит место страны в системе альтернативных вариантов ее будущего развития, кто сумеет сочетать анализ глобальных изменений в мире с сохранением уникальности российской цивилизации» (*Абалкин, 2000б. С. 73*). Я очень надеюсь, что институционалисты России смогут содействовать решению этой действительно важной задачи[34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абалкин Л. И. (2000а). Избранные труды в IV томах. М: ОАО «НПО «"Экономика"». Т. 1

Абалкин Л. И. (2000б). Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М: Институт Экономики РАН.

Альтер Л. Б. (1948). Буржуазные экономисты США на службе империалистической реакции. М.: Госпланиздат.

Альтер Л. Б. (1961). Буржуазная политическая экономия США. Изд-во Социально-экономической Литературы.

Альтер Л. Б. (1971). Избранные произведения. Буржуазная политическая экономия США. М.: Наука.

Ананьин О. (1999). Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // *Вопросы экономики*, № 11, с. 49-62.

Афанасьев В.С. (1972). Институционализм. В: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 10. М.: Советская энциклопедия.

Ахиезер А.С. (1997). Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему.

Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М. и *Сюняев Г.* (2015). Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*, № 2, с. 69-103.

Бердяев Н. (1915). Душа России. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина.

[34] *В заключение хочу выразить благодарность своему коллеге проф. Джону Холлу из университета Портланда (Орегон, США), стимулировавшему мою работу над этой темой и помогавшему в осмыслении специфики восприятия идей американского институционализма в России.*

Бессонова О. Э. (1997). Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.

Бессонова О. Э. и *Шабанова М. А.* (2000). Новосибирская экономико-социологическая школа // *Социологические исследования*, № 8, с. 79-88.

Битва гигантов: дебаты о международной социологии (от редакционной коллегии) // С*оциологический ежегодник*. / Ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2011.

Блюмин И. Г. (1928). Субъективная школа в политической экономии. М.: Издательство Комакадемии.

Блюмин И. Г. (1930). Очерки современной буржуазной теоретической экономии (К характеристике социального направления). М.: Изд-во Коммунистической академии.

Блюмин И. Г. (1961). История экономических учений (очерки теории). / Под ред. Ф. Я. Полянского. М.: Государственное издательство «Высшая школа».

Блюмин И. Г. (1962). Институционализм. В: Критика буржуазной политической экономии (в 3 томах), т. II. Критика современной английской и американской политической экономии. М: Изд-во АН СССР, с. 336-352.

Большая советская энциклопедия (1953). 2-е изд. Т. 18. М.: Советская энциклопедия.

Веблен Т. (1984 [1899]). Теория праздного класса. М.: Прогресс.

Веблен Т. (2006 [1898]). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной. В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Выбор ясен. Раздаточная экономика России. 20 января 2015 г. (http://echo.msk.ru/programs/vyboryasen/1477056-echo/ - Дата обращения: 08.05.2015)

Глезерман Г. Е., Келле В. Ж. и *Пилипенко Н. В.* (1971). Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // *Коммунист*. № 4, с. 60-70.

Дафермос М. (1995). Политическая экономия социализма: история и реальность. М.: Вып. 2, с. 91-118. (http://ilhs.narod.ru/vip26.htm - Дата обращения: 01.03.2015).

Дюркгейм Э. (1990). О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.

Заславская Т. И. (1985). О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР.

Заславская Т. И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*, № 3, с. 5-21.

Заславская Т. И. (2007). Избранное: в 3 т. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».

Заславская Т. И. и *Рывкина Р. В.* (1991). Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука.

Иванов Н. В. (2003). Новосибирская социологическая школа (НСШ) // *Социологическая энциклопедия*. Т. 2. М: Мысль.

Институциональных матриц теория (2010). Социологический словарь. / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М.

Иншаков О. В. и *Фролов Д. П.* (2002). Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.). В 2 т. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Ипполитов Л. М. (2008). Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х гг.) // *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 4, с. 43-57.

История экономических учений (2000). / Под ред. В. С Автономова, О. И. Ананьина, Н. А. Макашевой. М: ИНФРА-М.

Кирдина С. Г. (2004). Постсоветский институционализм в России: попытка обзора // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т.

2, № 2, с. 40-53.

Кирдина С. Г. (2008). Теория и практика современного развития отрицают методологию индивидуализма // *Экономист*, № 8, с. 58-77.

Кирдина С. Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*, № 10, с. 66-89.

Клейнер Г. Б. (1996). Современная экономика России как экономика физических лиц // *Вопросы экономики,* № 4, с. 86-93.

Козлова К. Б. (1987). Институционализм в американской политэкономии. М.: Наука

Коландер Д. (2006/2000). Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Левин С. Н. (2014). О перспективах развития сообщества ученых-институционалистов на постсоветском пространстве // *Журнал институциональных исследований*, № 2, с. 6-9.

Литвинцева Г. П. (1999). Введение в институциональную экономическую теорию: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Литвинцева Г. П. (2001). Словарь терминов по институциональной экономике. (http://vocable.ru/dictionary/96 - Дата обращения: 02.03.2013).

Львов Д. С. (2001). Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М.

Макашева Н. (2006). Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания. В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, с. 400-426.

Матвеева С. (1997). Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера. Вступ. статья в: А.С. Ахиезер. Россия: Критика исторического опыта. Том 1.Социокультурная динамика России. / 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: «Сибирский хронограф», с. 4-60.

Матвеева С. Я. (1998). Предисловие. Как возможно утопическое общество: опыт социокультурного словаря-монографии. В: А. С. Ахиезер. Россия: Критика исторического опыта. Том 2. Социокультурный словарь. / 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: «Сибирский хронограф», с. 4-62.

Материалы XXVI съезда КПСС (1981). М.: Политздат. (http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#026 – Дата обращения: 20.03.2015).

Московский Л. (2005). Пределы институционализма // *Экономист*, № 6, с. 74-81.

Нуреев Р. (2007). Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // *Вопросы экономики*, № 7, с. 73-58.

Нуреев Р. М. и *Дементьев В. В.* (2005). Формирование постсоветского институционализма. / Постсоветский институционализм / Под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, с. 446-479.

Ольсевич Ю. Я. (2004). Трансформация хозяйственных систем. Курс лекций. М.: Московский государственный университет.

Покидченко М. Г. (2005). Социально-экономическая мысль России середины XVIII – начала XX в. В: Покидченко М. Г., Сперанская Л. Н., Дробышевская Т. А. Пути развития экономики России: теория и практика. М.: ИНФРА-М.

Политическая экономия (1953). Учебник. Второе, дополненное издание. М: Госполитиздат, Академия наук: Институт экономики.

Полтерович В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, № 3, с. 24-50.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Полтерович В. М. и *Старков О. Ю.* (2007). Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации». М.: Наука.

Полтерович В., Попов В. и *Тонис А.* (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ГУ-ВШЭ.

Розмаинский И. В. и *Холодилин К. А.* (2000). История экономического анализа на Западе. СПб.: СпбГУ.

Рубинштейн А. Я. (2012). Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 13-34.

Сеть кафедр институциональной экономики в университетах России // *Экономическая наука современной России*, 1999, № 3, с. 172-173.

Сикора В. Д. (1983). Анти-ортодоксальные экономические теории (критический анализ). Киев: Вища школа.

Сорокина С. Г. (1981). Сценарии будущего или иллюзии прошлого?: Об институционализме как направлении буржуазной политической мысли. М.: Изд-во «Мысль».

Урбан О. А. (2014). Социальный механизм институциональной трансформации хозяйства в монопродуктовом регионе. Диссертация на соискание ученой степени д-ра социолог. наук. Новосибирск: ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Фролов Д. П. (2002). Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // Материалы научной сессии. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Фролов Д. П. (2003). Эволюция российского экономического институционализма, IX-XX вв. Автореф. дис... кандидата эконом. Волгоград: ВолГУ.

Фролов Д. П. (2007). Как учат институционализму в России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 5, № 3, с. 155-164.

Фролов Д. П. (2008). Институциональная эволюция постсоветского институционализма // *Вопросы экономики*, № 4, с. 130-139.

Фролов Д. П. (2009). Перспективы развития российской институциональной экономики. Доклад на Первом экономическом конгрессе, 10 декабря 2009. (http://www.econorus.org/consp/d21.html - Дата обращения: 12.05.2015).

Шабанова М. А. (2001). Институциональные изменения и неправовые практики // В кн.: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред.: Т. И. Заславская. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, с. 319-326.

Эллман М. (2009). Каков вклад исследовательских работ по советской экономике в экономическую теорию мейнстрима? М.: Институт экономики РАН.

Ядов В. А. (1990). Размышления о предмете социологии // *Социологические исследования* № 2, с. 3-16.

Aoki M. (2013). Comparative Institutional Analysis: Theory, Corporations and East Asia. Edward Elgar Publishing Ltd.

Bergson A. et al. (1964). Foreword. In: Schultz T.W. (ed.) Transforming Traditional Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press.

Coase R. H. (1937). The Nature of the Firm // *Economica, New Series*, vol. 4, no. 16. Nov., pp. 386-405.

Colander D., Holt R. and *Rosser J. B., Jr.* (2004). The Changing Face of Mainstream Economics // *Review of Political Economy*, no. 16 (4), pp. 485-499.

Davydova I. (1997). "Die Nowosibirsker Soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums" // Oswald Ingrid, Possekel Ralf, Stykow Petra, Wielgolis Jan (Hg.) Socialwissenschaft in Rusland. Bd 2. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Wählerverhalten, Regionalentwicklung, ethnischen Konflikten, Geopolitik, nationalen Interessen und Sowjetgeschichte. Berlin: Berliner Debatte, pp. 151-172.

Dequech D. (2007). Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics // *Journal of Post Keynesian Economics*, no. 30 (2), pp. 279-302.

Fioretos O. (2011). Historical Institutionalism in International Relations // *International Organization*, vol. 65, Issue 02, April, pp. 367-399.

Hamilton D. (1962). Why is Institutional economics not institutional? // *The*

American Journal of Economics and Sociology, vol. 21, no. 3, July, pp. 309-317.

Hamilton W. H. (1916). The Development of Hoxie's Economics' // *Journal of Political Economy, no.* 24(9), November, pp. 855-883.

Hamilton W. H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*, no. 9(1), Supplement, pp. 309-318.

Heilbroner R. (1989). Behind the Veil of Economics. New York: Norton.

Hirshleifer J. (1985). The Expanded Domain of Economics // *American Economic Review*, December, vol. 75, pp. 53-68.

International Encyclopedia of the Social Sciences (1968). Ed. by David L. Sills and Robert K. Merton, vol. 4. A. Economic Thought: The Institutional School. New York: The Macmillan Company & The Free Press.

Institutional Trap (by V. Polterovich) (2008). The New Palgrave Dictionary of Economics, Second Edition. Ed. by S. N. Durlauf, L. E. Blume. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute - Utrecht School of Economics, Utrecht University

Lawson T. (2006). The Nature of Heterodox Economics // *Cambridge Journal of Economics*, no. 30 (4), pp. 483-505.

Polanyi K. (1977). The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc.

Polishchuk L. (2013). Institutional Performance. In: Weber S., Alexeev M. V. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford: Oxford University Press, pp. 189-220.

Toffler A. (1971). Future shock. London: Macmillan.

*Williamson O. E. (*1985). Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York: Free Press.

Zweynert J. (2008). Russian Economic Ideas since Perestroika: Between Path Dependence and Paradigm Shift // *The History of Economic Thought. Series: The History of Economic Thought in Transitional Countries*, vol. 50, no 1, pp. 1-22.

Zweynert J. (2010). Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition: 2003-2007 // *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 4, pp. 547-569.

REFERENCES

*Abalkin L. I. (*2000a). Selected works in IV volumes. Moscow, JSC "NPO "Economy"", vol. 1. (In Russian).

*Abalkin L. I. (*2000b). Russian school of economic thought: a search for identity. Moscow, Institute of Economics, RAS. (In Russian).

Afanas'ev V. S. (1972). Institutionalism. In: Great Soviet Encyclopedia. 3-e ed., vol. 10. Moscow, Soviet Encyclopedia. (In Russian).

Akhiezer A. S. (1997). Russia: a critique of historical experience (social and cultural dynamics of Russia). Novosibirsk, Siberian Chronograph, vol. 1. From Past to Future. (In Russian). (In Russian).

Alter L. B. (1948). Bourgeois economists in the USA in the service of imperialist reaction. Moscow, Gosplanizdat. (In Russian).

Alter L. B. (1961). Bourgeois political economy of the United States. Publ. House of the Socio-Economic Literature. (In Russian).

Alter L. B. (1971). Selected works. Bourgeois political economy of the United States. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Ananyin O. (1999). Thorstein Veblen's Research Programme: 100 Years after. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 49-62. (In Russian).

Aoki M. (2013). Comparative Institutional Analysis: Theory, Corporations and East Asia. Edward Elgar Publishing Ltd.

Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M. and *Syunyaev G.* (2015). Measuring Institutions in Russian Regions: Methodology, Sources of Data, Analysis.

Voprosy Ekonomiki, no. 2, pp. 69-103. (In Russian).

Battle of Giants: a Debate on International Sociology (Editorial Board). *Sociological Yearbook*. / Ed. and comp. by N. E. Pokrovskii, D. V. Efremenko. Moscow, INION RAS, 2011. (In Russian).

Berdyaev N. (1915). The soul of Russia. Moscow, Printing House of I. D. Sytin's Association. (In Russian).

Bergson A. et al. (1964). Foreword. In: T. W. Schultz (ed.) Transforming Traditional Agriculture. New Haven, CT, Yale University Press.

Bessonova O. E. (1997). The handout institutions of the Russian economy: a retrospective analysis. Novosibirsk, IEOPP SB RAS. (In Russian).

Bessonova O. E. and *Shabanova M. A.* (2000). The Novosibirsk economic-sociological school. *Sociological Studies*, no. 8, pp. 79-88. (In Russian).

Bloomin I. G. (1928). Subjective school in political economy. Moscow, Publ. House of The Communist Academy. (In Russian).

Bloomin I. G. (1930). Essays on modern bourgeois theoretical savings (To the characteristics of the social aspect), Moscow, Publ. House of the Communist Academy. (In Russian).

Bloomin I. G. (1961). History of economic thought (essays on the theory). / Ed. by F. Y. Polyanskiy. Moscow, State Publ. House "High School". (In Russian).

Bloomin I. G. (1962). Institutionalism. In: Critique of bourgeois political economy (3 volumes), vol. II. Criticism of modern English and American political economy. Moscow, Publ. House of The Communist Academy, pp. 336-352. (In Russian).

Coase R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, New Series*, vol. 4, no. 16. Nov., pp. 386-405.

Colander D. (2006/2000). Economic science of the new Millennium: how she found her path and what is it? In: Origins. From the Experience of Studying Economics as Structure and Process. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

Colander D., Holt R. and *Rosser J. B. Jr.* (2004). The Changing Face of Mainstream Economics. *Review of Political Economy*, no. 16 (4), pp. 485-499.

Dafermos M. (1995). The political economy of socialism: history and reality. Moscow, vol. 2, pp. 91-118. (http://ilhs.narod.ru/vip26.htm - Access Date: 01.03.2015). (In Russian).

Davydova I. (1997). "Die Nowosibirsker Soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums" // Ingrid Oswald, Ralf Possekel, Stykow Petra, Wielgolis Jan (Hg.) Socialwissenschaft in Rusland. Bd 2. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Wählerverhalten, Regionalentwicklung, ethnischen Konflikten, Geopolitik, nationalen Interessen und Sowjetgeschichte. Berlin, Berliner Debatte, pp. 151-172.

Dequech D. (2007). Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics. *Journal of Post Keynesian Economics*, no. 30 (2), pp. 279-302.

Durkheim E. (1990). About the division of labor in society. The method of sociology. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Ellman M. (2009). What is the contribution of research works on the Soviet economy into the economic mainstream theory? Moscow, Institute of Economics, RAS. (In Russian).

Fioretos O. (2011). Historical Institutionalism in International Relations. *International Organization*, vol. 65, Issue 02, April, pp. 367-399.

Frolov D. P. (2002). Institutionalism in metaconcert economic theory // *Proceedings of the Scientific Session*. Vol. 1: Economics and Finance. Volgograd, Publ. House of the Volgograd State University. (In Russian).

Frolov D. P. (2003). The evolution of Russian economic institutionalism, IX-XX centuries. Dissertation... of Candidate of Economic Sciences. Volgograd, Volgograd State University. (In Russian).

Frolov D. P. (2007). How to teach the institutionalism in Russia. *Economic Herald of the Rostov State University*, vol. 5, no. 3, pp. 155-164. (In Russian).

Frolov D. P. (2008). Institutional evolution in the post-Soviet institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 130-139. (In Russian).

Frolov D. P. (2009). Prospects of development of Russian institutional Economics. Report on the First Economic Congress, December 10, 2009. (http://www.econorus.org/consp/d21.html - Access Date: 12.05.2015). (In Russian).

Glezerman G. E., Kelly V. J. and *Pilipenko N. V.* (1971). Historical materialism – the theory and methodology of scientific cognition and revolutionary actions. *Communist*, no. 4, pp. 60-70. (In Russian).

Great Soviet Encyclopedia (1953). 2-nd ed., vol. 18. Moscow, Soviet Encyclopedia. (In Russian).

Hamilton D. (1962). Why is Institutional economics not institutional? *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 21, No. 3, July, pp. 309-317.

Hamilton W. H. (1916). The Development of Hoxie's Economics'. *Journal of Political Economy*, no. 24(9), November, pp. 855-883.

Hamilton W. H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory. *American Economic Review*, no. 9(1), Supplement, pp. 309-318.

Heilbroner R. (1989). Behind the Veil of Economics. New York, Norton.

Hirshleifer J. (1985). The Expanded Domain of Economics. *American Economic Review*, December, vol. 75, pp. 53-68.

History of Economic Thought (2000). / Ed. by V. S. Avtonomov, O. I. Anan, N. A. Makasheva. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Inshakov O. V. and *Frolov D. P.* (2002). Institutionalism in Russian economic thought (IX-XXI centuries). 2 vol. Volgograd, Publ. House of the Volgograd State University. (In Russian).

International Encyclopedia of the Social Sciences (1968). Ed. by David L. Sills and Robert K. Merton, vol. 4. A. Economic Thought: The Institutional School. New York, The Macmillan Company & The Free Press.

Institutional Matrices Theory (2010). Sociological Dictionary. / Ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Institutional Trap (by V. Polterovich) (2008). The New Palgrave Dictionary of Economics, Second Edition. Ed. by S. N. Durlauf, L. E. Blume. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230226203.0809.

Ippolitov L. M. (2008). The origin institutionalists economic theory in Russia (about one methodological discussion of the 1920s). *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 4, pp. 43-57. (In Russian).

Ivanov N. V. (2003). Novosibirsk sociological school. *Sociological Encyclopedia*, vol. 2. Moscow, Thought [Mysl] Publ. (In Russian).

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers Series. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute Utrecht School of Economics, Utrecht University

Kirdina S. G. (2004). Post-Soviet institutionalism in Russia: an attempt of survey. *Economic Herald of the Rostov state University*, vol. 2, no. 2, pp. 40-53. (In Russian).

Kirdina S. G. (2008). Theory and practice of modern development methodology deny individualism. *Economist*, no. 8, pp. 58-77. (In Russian).

Kirdina S. G. (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 66-89. (In Russian).

Kleiner G. B. (1996). Russia's Economy of Today as "the Economy of Physical Entities". *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 86-93. (In Russian).

Kozlova K. B. (1987). Institutionalism in American political economy. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Lawson T. (2006). The Nature of Heterodox Economics. *Cambridge Journal of Economics*, no. 30 (4), pp. 483-505.

Levin S. N. (2014). On the prospects of institutional economics community in the post-Soviet space. *Journal of Institutional Studies*, no. 2, pp. 6-9. (In Russian).

Litvintseva G. P. (1999). Introduction to institutional economic theory: Textbook. allowance. Novosibirsk, Publ. House of NSTU. (In Russian).

Litvintseva G. P. (2001). Glossary of institutional economics. (http://vocable.ru/dictionary/96 - Access date: 02.03.2013). (In Russian).

Lvov D. S. (2001). Institutional Economics. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Makasheva N. (2006). Economic science in Russia during the transformation period (late 1980s-1990s): revolution and the growth of scientific knowledge. In: Origins. From the Experience of Studying Economics As Structure and Process. Moscow, Publ. House of HSE, pp. 400-426. (In Russian).

Matveeva S. (1997). A divided society: the path and the fate of Russia in the sociocultural theory of Alexander Akhiezer. Preface. article in: A. S. Akhiezer. Russia: a Critique of Historical Experience, vol. 1. Social and Cultural Dynamics of Russia. / 2-nd ed., Rev. and advanced. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., pp. 4-60. (In Russian).

Matveeva S. Y. (1998). Preface. As a possible utopian society: the experience of social and cultural dictionary of the monograph. In: A. S. Akhiezer. Russia: a Critique of Historical Experience, vol. 2. Socio-Cultural Dictionary. / 2-nd ed., Rev. and advanced. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., pp. 4-62. (In Russian).

Moscowsky L. (2005). The limits of institutionalism. *Economist*, no. 6, pp. 74-81. (In Russian).

Nureev R. (2007). Thorstein Veblen: a view from the XXI century. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 73-58. (In Russian).

Nureev R. M. and *Dementyev V. V.* (2005). The formation of post-Soviet institutionalism. / Post-Soviet institutionalism / Ed. by R. M. Nureev, V. V. Dementyev. Donetsk, Chestnut [Kashtan] Publ., pp. 446-479. (In Russian).

Olsevich Y. Y. (2004). Transformation of economic systems. A course of lectures. Moscow, Publ. House of Moscow State University. (In Russian).

Pokydchenko M. G. (2005). Socio-economic thought in Russia in the middle of the XVIII – beginning of XX century: Pokydchenko M. G., Speranskaya L. N., Drobyshevskaya T. A. Ways of Development of Russia's Economy: Theory and Practice. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Polanyi K. (1977). The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y., Academic Press, Inc.

Polishchuk L. (2013). Institutional Performance. In: Weber, S., Alexeev, M. V. (eds.). The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford, Oxford University Press, pp. 189-220.

Polterovich V. M. (2001). Transplantation of economic institutions. *Economic Science of Modern Russia*, no. 3, pp. 24-50. (In Russian).

Polterovich V. M. (2007). Elements of the theory of reforms. Moscow, Economics [Ekonomika] Publ. (In Russian).

Polterovich V. M. and *Starkov O. Y.* (2007). The formation of the mortgage in catching-up economies: the problem of transplantation. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Polterovich V., Popov V. and *Tonis A.* (2007). Economic policy, quality of institutions and mechanisms of resource curse. Moscow, Publ. House of SU-HSE. (In Russian).

Rozmainsky I. V. and *Holodilin K. A.* (2000). History of economic analysis in the West. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State University. (In Russian).

Rubinstein A. (2012). Social liberalism: economic methodology. *Social Studies and Modernity*, no. 6, pp. 13-34. (In Russian).

Shabanova M. A. (2001). Institutional change and non-legal practice // In: Just Who Strives to Russia? Actors Macro, Meso and Micro Levels of the Modern Transformation / Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow, Moscow School of Social and Economic Sciences, pp. 319-326. (In Russian).

Sikora V. D. (1983). Anti-Orthodox economic theory (critical analysis). Kiev,

High School Publ. (In Russian).

Sorokina S. G. (1981). Future scenarios or the illusions of the past: About the institutionalism as the direction of bourgeois political thought. Moscow, Publ. House "Thought [Mysl]". (In Russian).

The Choice Is Clear. Handout Russia's Economy. January 20, 2015. (http://echo.msk.ru/programs/vyboryasen/1477056-echo/ - Access Date: 08.05.2015). (In Russian).

The Materials of the XXVI Congress of the CPSU (1981). Moscow, Politizdat. (http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#026 – Access Date: 20.03.2015). (In Russian).

The Network of Institutional Economics Departments in the Universities of Russia. *Economic Science of Modern Russia*, 1999, no. 3, pp. 172-173. (In Russian).

The Political Economy. (1953). Tutorial. Second, Supplemented ed. Moscow, Gospolitizdat, Academy of Sciences: Institute of Economics. (In Russian).

Toffler A. (1971). Future shock. London, Macmillan.

Urban O. A. (2014). The social mechanism of the institutional transformation of a mono-product economy in the region. The dissertation on competition of a scientific degree of Dr. of Sociological Sciences. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University. (In Russian).

Veblen T. (1984 [1899]). The theory of the leisure class. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

Veblen T. (2006 [1898]). Why is Economics not an evolutionary discipline. In: Origins. From the experience of studying Economics as structure and process. Moscow, Publ. House of HSE.

Williamson O. E. (1985). Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York, Free Press.

Yadov V. A. (1990). Reflections on the subject of sociology. Sociological Studies, no. 2, pp. 3-16. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (1985). On the social mechanism of economic development // Ways to Improve the Social Mechanism of Development of the Soviet Economy. Novosibirsk, IEOPP SB as USSR. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (1995). The social mechanism of transformation of the Russian society, *Sociological Journal*, no. 3, pp. 5-21. (In Russian).

Zaslavskaya T. I. (2007). Selected works: in 3 volumes Volume 3. My life: recollections and reflections. Moscow, Publ. House "Economy [Ekonomika]". (In Russian).

Zaslavskaya T. I. and *Ryvkina R. V.* (1991). The sociology of economic life: essays on the theory. Novosibirsk, Science [Nauka] Publ. (In Russian).

Zweynert J. (2008). Russian Economic Ideas since Perestroika: Between Path Dependence and Paradigm Shift. *The History of Economic Thought. Series: The History of Economic Thought in Transitional Countries*, vol. 50, no. 1, pp. 1-22.

Zweynert J. (2010). Conflicting Patterns of Thought in the Russian Debate on Transition: 2003-2007. *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 4, pp. 547-569.

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.038-057*

Г. И. БЕНЕНСОН И А. Д. ГОЛИЦЫН: ДЕЛОВОЕ ПАРТНЕРСТВО В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

БАРЫШНИКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории
РГПУ им. А. И. Герцена,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: barmini@list.ru

Статья посвящена истории участия Г. И. Бененсона и А. Д. Голицына в формировании финансово-промышленной группы Русско-Английского банка. Следует подчеркнуть, что в начале XX века акционерные общества занимали господствующее положение в ведущих промышленных и финансовых сферах российской экономики.

Удельный вес производимой ими продукции во многих отраслях промышленности был доминирующим, составляя 70-80, а иногда и более, процентов. Учреждение и успешное функционирование интегрированных компаний и, прежде всего, финансово-промышленных структур (групп), являлось, несомненно, одним из наиболее важных факторов в повышении эффективности и устойчивого роста в производственном секторе.

Анализ участия Бененсона и Голицына в деятельности Русско-Английского банка и акционерных компаний позволяет выявить наиболее значимые для ведущих отраслей российской экономики институциональные показатели промышленного предпринимательства в начале XX века, в том числе: а) большую или меньшую самостоятельность собственников в тех или иных видах бизнеса; б) наличие деловых и социокультурных связей среди деловых партнеров; в) эффективность используемого баланса индивидуальных и групповых интересов; г) руководство фирмами, обладавшими более открытым (акционерные структуры) или закрытым (паевые структуры) характером деятельности.

Процесс вхождения компаний в финансово-промышленные группы имел порой противоречивое содержание, подвергался воздействию как положительных, так и негативных экономических, социокультурных и общественно-политических факторов (экономические кризисы, революции, войны, этнические и религиозные конфликты и т.д.). Однако общая тенденция в развитии интегративной составляющей российского бизнеса носила в начале XX века в целом благоприятную направленность, потенциально способствуя крупным изменениям в социально-экономической структуре российского общества в этот период.

Ключевые слова*: Россия; история; Г. Бененсон; А. Голицын; финансово-промышленная группа; коммерческий банк; акционерная компания; баланс интересов; собственность; управление.*

© Барышников М. Н., 2015

G. I. BENENSON AND A. D. GOLITSYN: BUSINESS PARTNERSHIP IN THE INSTITUTIONAL CONTEXT OF RUSSIAN REALITY EARLY TWENTIETH CENTURY

BARYSHNIKOV MIKHAIL, N.,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg,
e-mail: barmini@list.ru

This paper is devoted to the research of the history of participation Benenson and Golitsyn in the formation of financial and industrial group Russian-British bank in the Russian Empire. It is necessary to emphasize, that in the beginning of the 20 century joint -stock companies have occupied a prevailing situation in the main industrial and financial spheres of the Russian economy already. The densities of production, made by them, was dominant in many industries, making 70-80%, and sometimes more. The formation and successful operation of the integrated companies and, above all, financial and industrial structures (groups) is undoubtedly the most important factor in improving the efficiency and sustained growth in industrial production. The analysis of participation of G. Benenson and A. Golitsyn in the activity of the Russian-English bank and joint-stock company allows to reveal most important for leading branches of the Russian economy institutional parameters of industrial business in the beginning of the 20 century, including: a) Larger or smaller independence owners in those or other kinds of enterprise activity; b) Availability business and socio-cultural connections among other businessmen; c) Efficiency to achieve a balance of individual and group interests; d) A management of the firms having more open (joint-stock structures), or closed (share structures), kind of activity. The process of the company involving in the financial-industrial groups had, sometimes, inconsistent contents, was exposed to influence both positive, and negative economic, sociocultural and political factors (economic crisises, revolution, wars, ethnic and religious conflicts etc.). However general tendency in the development of a integrated component of the Russian business carried in the beginning of the 20 century in the whole favorable orientation, potentially promoting large changes in socio economic structure of the Russian society in this period.

***Keywords**: Russia; history; G. Benenson; A. Golitsyn; financial and industrial group; commercial banks; joint stock company; the balance of interests; ownership; management.*

***JEL**: N80.*

Введение

Перспективы экономического переустройства России в конце XIX – начале XX века в значительной мере определялись изменениями в социокультурном облике империи. Тенденции к межэтнической и межконфессиональной интеграции, преодолению региональных, сословных и семейно-клановых ограничений в деловых отношениях при сопутствующем росте значимости индивидуальных и частно-государственных инициатив в промышленной деятельности, складыванию единого институционального пространства бизнеса на фоне проводимых правительством реформ в аграрной, налоговой и финансово-денежной сферах становились ключевыми в процессе обновления хозяйственной жизни страны. Инвестиционная активность в сочетании с ростом интереса к технологическим и организационным инновациям, проявлявшиеся в частности при создании финансово-промышленных групп, накладывали особый отпечаток на развитие отечественной экономики в предшествующее Первой мировой войне пятилетие. При этом открытость

российского бизнеса к использованию разнообразных ресурсов, в том числе в их социокультурном выражении, все в большей степени характеризовала его отношения с общественными и властными структурами в контексте обретения новых возможностей для реализации стратегических и оперативных целей. Достигаемый в этих условиях баланс интересов обеспечивал необходимый уровень доверия на индивидуальном и групповом уровне, выражавшийся в конкретных моделях ценностного взаимодействия с соответствующим использованием наиболее оптимальных форм институционального партнерства.

Пример совместной деятельности еврейского предпринимателя Бененсона Г. И. и русского аристократа Голицына А. Д. в финансовой и промышленной областях подтверждал наличие в отечественном деловом мире готовности к сотрудничеству независимо от имевшихся различий в этнической или религиозной принадлежности, способности использовать разнообразные формы институционального взаимодействия (как правового, так и неформального) в целях результативного согласования индивидуальных и групповых предпочтений. Накануне и в годы Первой мировой войны Бененсону и Голицыну удалось выстроить эффективный организационный механизм делового партнерства, преодолевающий давление со стороны консервативных элементов социокультурной среды и способный в исторически краткий период обеспечить необходимые стимулы и, как следствие, результативность инвестиционных решений в их отраслевом и региональном выражении. Подобный подход сопровождался последовательными и масштабными изменениями в сфере корпоративного управления и организации производства, и на этой основе – согласованием потребностей и соответствующих целей хозяйственной деятельности, обусловивших формирование нового, более качественного и в этом смысле устойчивого баланса внутри- и межгрупповых интересов. В конечном счете, заинтересованная в сотрудничестве с Бененсоном и Голицыным группа инвесторов смогла консолидировать необходимые ресурсы в условиях даже чрезвычайно неблагоприятной (в условиях мировой войны) внешней среды, поскольку получившие ассоциированное оформление частные предпочтения в меньшей степени оказались подвержены влиянию экзогенных (прежде всего военно-политических и этнокультурных) факторов.

В статье, на опыте деловых отношений Г. И. Бененсона и А. Д. Голицына, выявляется потенциал изменений социокультурного облика отечественного предпринимательства, возможностей взаимодействия представителей различных в этническом и конфессиональном плане групп собственников, представленных в Русско-Английском банке и ряде промышленных компаний, в процессе формирования финансово-промышленной группы. С учетом привлечения прежде всего архивного материала, предпринимается попытка актуализировать исследование проблем, связанных с поисками качественно новых путей развития российского бизнеса в преддверии революционных потрясений 1917 года.

Семейный бизнес Г. И. Бененсона в начале XX века

Рубежным событием в предпринимательской деятельности Григория Иосифовича Бененсона[1] стало прошение в Министерство торговли и промышленности в ноябре 1906 году об учреждении товарищества на паях. Целью деятельности компании объявлялась торговля нефтепродуктами на внутреннем рынке империи и за ее пределами, а также устройство и эксплуатация нефтеперерабатывающих заводов. На первый взгляд, некоторая странность заявки заключалась в том, что Бененсон уже около десяти лет активно вел операции в данной сфере, не изъявляя особого желания использовать ассоциированную форму делового партнерства. Еще в конце 1897 г. он принял участие в реорганизации нефтепромышленного хозяйства бакинского предпринимателя Г. З. Тагиева, перешедшего в результате под контроль английской фирмы «Общество для

[1] В отдельных случаях, связанных с публичным заключением и реализацией деловых контрактов, Г. Бененсон использовал отчество «Осипович».

добывания русской нефти и жидкого топлива» (Олеум). Сам Бененсон приобрел одно из керосиновых предприятий Тагиева, что стало первым шагом в создании крупного семейного бизнеса. С конца 1899 г., на фоне ухудшающейся экономической ситуации в России, последовала скупка им целого ряда бакинских нефтеперерабатывающих заводов. В ноябре 1903 г. Бененсон заключает четырехлетний договор с «Олеум», в соответствии с которым компания обязывалась ежегодно поставлять на его предприятия 25 млн. пудов нефти для переработки (из расчета выработки 1 пуда керосина и 2 пудов мазута из 3 пудов нефти). При этом фирма гарантировала своему партнеру выручку в 1,2 млн. рублей (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.205. Л.27, 39*).

К концу 1906 года Г. Бененсон испытывал большие сомнения по поводу перспектив развития бакинских предприятий в условиях сохраняющегося сложного положения в российской нефтяной отрасли. Последствия экономического кризиса начала 1900-х гг., сопровождавшиеся социальными и политическими потрясениями в стране, требовали переосмыслить будущее семейного бизнеса. Проблема заключалась в выборе направления диверсификации рисков и поиска новых финансовых ресурсов для активизации промышленной деятельности, сохраняя при этом завязавшиеся связи с английскими деловыми кругами. С другой стороны, планы расширения предпринимательских операций предполагали достижение нового уровня доверия с возможными партнерами как за рубежом, так и в самой Российской империи. Речь шла о выработке таких организационных решений, которые позволили бы усовершенствовать институциональную базу функционирования промышленного дела, прежде всего в его социокультурном содержании. В данном отношении переход к ассоциированной форме бизнеса, не отрицавший при этом его фамильный характер, представлялся наиболее оптимальным решением, в том числе с учетом будущих потребностей в налаживании отношений с потенциальными российскими инвесторами, а также расширении контактов с правительственными учреждениями.

С учетом данных обстоятельств Г. Бененсон решил учредить не акционерное общество, а товарищество на паях. В этой форме в России действовали обычно компании со сравнительно узким и устойчивым составом собственников. Чаще всего они создавались для развития деятельности предприятий, ранее находившихся в индивидуальном или семейном владении. Их пайщиками выступали или родственники, или близко знакомые друг другу лица. Соответственно выпускались паи высокого номинала (в 1 тыс. руб. и более), которые обычно оставались именными, что затрудняло их переход в посторонние руки. При этом преимущественным правом покупки паев пользовались другие пайщики этой же фирмы, а порядок определения продажной цены специально оговаривался уставом паевого товарищества.

Именно такой облик носило Торгово-промышленное товарищество «Григорий Бененсон» (ТПТГБ), открывшее свои действия 31 января 1907 года. Компания была учреждена с уставным капиталом 1 млн. руб. (1 тыс. паев по 1 тыс. руб.). Правда паи могли быть не только именными, но и на предъявителя – по желанию самих владельцев. В число крупнейших собственников ТПТГБ вошли Г. Бененсон (500 паев) и его жена Софья Борисовна (200); другими совладельцами, приобретшими от пяти до тридцати паев, стали 11 человек. К товариществу отошли все нефтепромышленные активы Бененсона, включая договор с «Олеум». Членами правления (разместилось в Петербурге, на Невском пр., 19) ожидаемо были избраны три пайщика: Г. Бененсон, его супруга и их родственник М. М. Бененсон. Другими словами, этноконфессиональный облик собственников фирмы являл собой достаточно прогнозируемую картину, хотя с точки зрения организационного и хозяйственного потенциала отнюдь не являлся препятствием для ведения Бененсоном широких деловых операций.

В последующие два года Г. Бененсон разворачивает масштабную деятельность ТПТГБ сразу по нескольким направлениям, включая не только выпуск нефтепродуктов, но и лесопереработку, целлюлозно-бумажное производство

и поставки сахара. Начинается строительство деревообрабатывающего завода и бумажной фабрики в г. Буй Костромской губернии, а также направляется заявка на приобретение лесных площадей в Тотемском уезде Вологодской губернии. Однако в последнем случае возникли серьезные трудности. Покупка фирмой, во главе которой находились лица иудейского вероисповедания, земельной собственности вызвала у правительственных чиновников откровенное неприятие (в Российской империи действовали ряд запретов на операции подобного рода вне черты оседлости для евреев). Здесь лишь отметим, что выход из этой ситуации Бененсон найдет спустя несколько лет. В целом основной доход Товарищества за 1907-1910 гг. обеспечивали операции с нефтепродуктами, лесом и сахаром. К концу этого периода годовая чистая прибыль компании возросла до вполне весомых 100 тыс. руб., из которых более 2/3 поступало в дивиденд пайщикам (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.205. Л.79-109*).

К началу 1910-х гг., одновременно с усилением экономического «веса» Товарищества Г. Бененсона, менялось отношение к фирме со стороны властных, общественных и деловых учреждений. В феврале 1910 г. Русско-английская палата поясняла, что Бененсон уже «известен как человек весьма предприимчивый, имеет значительное состояние, приобретенные преимущественно в последние годы» (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.205. Л.75-76*). В свою очередь в ноябре того же года управляющий петербургской конторой Государственного банка констатировал, что Бененсон считается «человеком весьма деятельным, способным и обладающим в данный момент значительными средствами (до 2 млн. руб.)» (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.205. Л.115*). В декабре правление петербургского Азовско-Донского банка подтверждало: ТПТГБ «является солидным коммерческим предприятием и имеет хорошую репутацию в деловых кругах», в «отношении своей кредитоспособности пользуясь полным доверием банка» (*РГИА, Ф.23, ОП.12, Д.205, Л.70*). По своему закономерным стало затем заключение Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи в отношении заявки Бененсона на лесные угодья в Вологодской губернии. В частности, министерство констатировало, что деревообрабатывающий завод Товарищества в г. Буй оборудован «по правилам новейшей техники», а саму его деятельность «следует признать полезной в отношении местного населения, которому он дает постоянный, хорошо оплачиваемый заработок при заготовке и перевозке леса». В связи с этим чиновники заявили о снятии возражений по поводу приобретения фирмой лесных площадей (8300 десятин) в Тотемском уезде (*РГИА, Ф.23, ОП.12, Д.205, Л.136*) (подробнее об этой покупке ниже).

В течение 1911-1912 годов Г. Бененсон постепенно избавляется от убыточного нефтепромышленного направления в деятельности Товарищества, постепенно увеличивая рентабельность активов с 1,6 до 2,2%, при одновременном росте рентабельности собственного капитала с 7,3 до 8,6%. Высвобождающиеся средства используются для ряда инвестиционных проектов, в том числе покупки недвижимости в Петербурге. Одним из первых приобретений стало здание на углу Садовой и Итальянской улиц (№ 12/23), проданное Министерством финансов за 1,1 млн. руб. (*РГИА, Ф.23, ОП.12, Д.205, Л.141-144, 192-205*) Затем оформляется в собственность дом, располагавшийся на Невском проспекте (№ 98). Еще одно обширное строение – на углу Невского пр. и наб. Екатерининского канала (№ 27/18-20), известное в то время в качестве одного из крупнейших в городе доходных домов, покупается у Н. И. Глазуновой (на первом этаже Глазуновы сохранили за собой обширный книжный магазин). Арендная плата, выплачиваемая здесь за съемные квартиры, достигала накануне мировой войны значительных сумм (до 18 тыс. рублей в год) (*РГИА Ф.1102, ОП.1, Д.333, Л.3, 5-8*).

1911 год стал для Г. Бененсона значимым в силу еще одного обстоятельства, сыгравшего важную роль в институционализации его дальнейших деловых начинаний. Речь идет о знакомстве с несколькими влиятельными общественными и политическими деятелями, поддержка которых помогла обрести новые возможности для развития операций как в промышленной, так и финансовой сфере. В числе этих

лиц выделим князя А. Д. Голицына. История его приобщения к сфере деловых операций Г. Бененсона и последующего участия на этой основе в обширной промышленной и финансовой деятельности заслуживает отдельного освещения.

Осенью 1907 года А. Д. Голицын был избран депутатом III Государственной думы от партии «Союз 17 октября» (Харьковской губернии) (*3-й созыв…1910*). Ранее сфера его хозяйственных предпочтений была очерчена сельскохозяйственным производством. В этом смысле логичным являлось участие князя в предприятиях спиртовой промышленности, обернувшееся вскоре избранием председателем правления Российского общества винокуренных заводчиков. Впрочем, работа на этом посту не стала для Голицына определяющей. Большую заинтересованность вызывала у него общественно-политическая деятельность: в ноябре 1905 года он выступил одним из основателей «Союза 17 октября», оценивая эту политическую организацию как «прогрессивно-либеральную партию конституционно-монархического направления» (*Голицын, 2008. С. 323*). В последующее десятилетие Голицын активно отстаивал необходимость широкого развития местного самоуправления в России, видя в соответствующих институциональных и хозяйственных реформах залог спасения страны от надвигающихся революционных потрясений (применительно к его конкретному участию в экономической жизни Уральского региона речь пойдет далее). Отметим также прекрасное знание Голицыным английского языка и явные симпатии к Британии, что в немалой мере будет способствовать его сближению с англофилом Г. Бененсом. В 1908 году, когда князь с головой окунулся в думскую работу, произошло еще несколько важных событий. Центральным из них, ставшим затем переломным в складывании качественно нового социокультурного пространства деловых операций Бененсона, стала попытка создать в Петербурге еще один коммерческий банк.

Учреждение Русско-Английского банка

Инициаторами этой идеи выступили два лица: профессор финансового права П. П. Мигулин (зять председателя бюджетной комиссии III Государственной думы М. М. Алексеенко) и экономист правого толка, кандидат прав Г. П. Сазонов. В тот период отношения между министерством финансов и бюджетной комиссией переживали «медовый месяц» (*Коковцов, 1992. С. 278*). При поддержке Алексеенко учредителям удалось получить согласие министерства на открытие Всероссийского банка для хлебной торговли. Как пояснял А. Д. Голицын, при занимавшем в это время пост министра финансов В. Н. Коковцеве утверждение уставов новых банков было крайне затруднено, поэтому обладание таким уставом уже являлось «крупной материальной ценностью». Целью банковских операций должно было стать сосредоточение финансового контроля за хлебной торговлей в стране, с последующей поддержкой строительства элеваторов и защитой интересов соответствующей категории сельхозпроизводителей (*Голицын, 2008. С. 311*).

В состав учредителей вошли, помимо П. П. Мигулина и Г. П. Сазонова, ряд влиятельных общественных деятелей: А. А. Бобринский (депутат III Государственной думы), А. Д. Голицын, А. И. Мосолов (член Государственного совета), князь А. П. Урусов (депутат III Государственной думы) и его младший брат Н. П. Урусов (сенатор, екатеринославский губернский предводитель дворянства), князь Н. Б. Щербатов (полтавский губернский предводитель дворянства). Голицын по этому поводу пояснял, что в «смысле привлечения общественности и декоративности мы, конечно, способствовали украшению намеченного к открытию Банка, но в финансовом отношении мы представляли собой несомненный ноль». Даже те из основателей банка, которые были известны как крупные землевладельцы, практически не имели сколько-нибудь значительных свободных средств, способных участвовать в формировании уставного капитала. Исключением в этом отношении был девятый учредитель – российский предприниматель английского происхождения Джемс (Яков) Вишау. Накануне мировой войны, помимо экспортных поставок зерна, он занимался масштабной промышленной

деятельностью, состоя акционером и членом правлений 13 российских компаний (*Боханов, 1992. С. 201*).

В конечном счете П. П. Мигулин и Г. П. Сазонов, «отчаявшись» найти необходимые средства для открытия банка, принимают решение продать устав Г. Бененсону. К этому времени покупатель не скрывал желания изменить стратегию развития своего бизнеса, располагая для этого значительными финансовыми ресурсами и связями в российских и британских деловых кругах. Не менее значимым являлось и то обстоятельство, что все заявленные ранее высокопоставленные учредители не возражали против такого решения, даже с учетом возможного изменений в социокультурном облике большинства акционеров. По словам Голицына, тогда всем было известно, что «денежный рынок находится в руках еврейских кругов», а само это сообщество «держится крепко рука об руки за свои интересы». В данном случае перспективы делового проекта явно перевешивали этноконфессиональные предпочтения как прежних учредителей, так и самого покупателя и близких к нему лиц. В итоге Бененсон сумел не только приобрести устав, но и получить согласие на переименование банка в Русско-Английский. В сферу операций финансово-кредитного учреждения, открытых в 1911 году, входила кроме обычных банковских операций «задача привлечения английских капиталов в русские промышленные предприятия» (*Голицын, 2008. С. 312*). Помимо видных русских общественных деятелей в число собственников банка приглашаются британские подданные, в том числе известные политики – лорд Бальфур и Остин Чемберлен. В Англии была собрана примерно половина уставного капитала в 5 млн. руб. Но уже последующий выпуск акций в 1913 году на 5 млн. руб. реализуется на три четверти в России (*Беляев* и *Петров, 2005. С. 480*). Председателем правления единогласно избирается Г. Бененсон. В соответствии с уставом этот пост давал ему возможность заниматься самостоятельными деловыми операциями (в отличие от должности исполнительного директора). Что касается кандидатов в члены правления и наблюдательного совета, то они обязывались быть собственниками не менее 50 акций (*Устав…, 1915. С. 23-30*).

Важно отметить, что в состав акционеров вошел Е. Ф. Давыдов – богатый русский предприниматель, состоявший в руководстве ряда акционерных обществ. Помимо прочего его особое место среди собственников банка определялось деловым статусом братьев: В. Ф. Давыдов занимал пост члена правления Русско-Азиатского банка (одного из крупнейших в стране), а также совладельца нескольких промышленных фирм; Л. Ф. Давыдов являлся директором кредитной канцелярии Министерства финансов, затем (с 1915 г.) председателем правления другого крупного отечественного банка – Русского для внешней торговли. В промышленной области интересы всех трех братьев отчасти перекликались со сферой деятельности Г. Бененсона, хотя на практике в большей мере дополняли друг друга, не сопровождаясь при этом конфликтными точками пересечениями. В качестве примера отметим здесь создание осенью 1916 года Урало-Сибирского акционерного общества по добыче и обработке благородных металлов, выкупившего около трех десятков золотых приисков. Учредителями компании выступили Леонид и Виктор Федоровичи Давыдовы, в то время как значительная часть работы по организации компании легла на плечи компаньонов Г. Бененсона – И. А. Лосева и С. Н. Хлебникова (*РГИА, Ф.1102. ОП.2. Д.6. Л.21*).

Среди других собственников Русско-Английского банка выделим фигуру еврейского промышленника М. А. Варшавского, еще при жизни отца развернувшего активную деятельность в сфере лесопереработки, а к началу мировой войны вошедшего в число совладельцев нескольких фирм. В качестве акционера был приглашен также видный русский предприниматель Б. П. Сизов, занимавший пост председателя правления текстильной компании «В. А. Таратин» и известный своим влиянием среди торговцев петербургского Гостиного двора (на территории последнего банк откроет свое первое отделение). Наконец, самостоятельными деловыми операциями занимался князь М. Л. Оболенский. Накануне мировой

войны он участвовал, в партнерстве с английскими инвесторами, в создания в Петербурге акционерного общества «Аргус», специализировавшегося на издательской деятельности (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.2123. Л.51-59*). Добавим, что Варшавский, Сизов и Оболенский чаще всего избирались в состав ревизионной комиссии, занимавшейся в преддверии очередных собраний акционеров проверкой деятельности банка за отчетный год.

Значительное развитие операций Русско-Английского банка, выступавшего средним по размеру финансово-кредитным учреждением, наблюдалось в годы Первой мировой войны. В 1915 году его собственный капитал составил 11,7 млн. руб., чистая прибыль (с учетом прежних остатков) – 1,7 млн. руб. Для сравнения, четверка крупнейших из 40 российских банков – Петроградский международный коммерческий, Азовско-Донской, Русский для внешней торговли и Русско-Азиатский – имела соответственно следующие показатели: 100 млн. и 5,8 млн., 92,8 и 11 млн., 83,4 и 6,7 млн., 80,8 и 8,7 млн. руб. Отметим также общие для России банковские суммы по двум этим показателям: 597 и 52 млн. руб. (*Русские..., 1916. С. 11, 21*). В целом за период 1914-1916 гг. уставной капитал Русско-Английского банка возрос с 10 до 15 млн. руб., активы – с 33 до 98 млн. руб., текущие счета и вклады – с 14 до 48 млн. руб. К началу 1917 г. рентабельность активов увеличилась до 3,1%, собственного капитала – 16,6% (при его достаточности в 18,9%) (*Акционерно-паевые..., 1914. С. 542; РГИА, Ф.629. ОП.1. Д.1369. Л.36-37*). Спустя четыре года после создания банка российским подданным принадлежало почти 75% акций. Ситуацию с составом акционеров после начала войны проиллюстрируем следующими данными (см. табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие собственники Русско-Английского банка (1915 г.)

Акционер	Кол-во акций	Кол-во голосов	Акционер	Кол-во акций	Кол-во голосов
Бененсон Г. И.	2200	88	Криппс Ф.	500	20
Imperial a Foreign Corporation Limited	1719	68	Гринбаум В. С.	400	16
Шклявер Г. Г.	1550	62	Лорд Бальфур	300	12
Варшавский М. А.	1050	42	Чемберлен О.	300	12
Лорд Пармур	1000	40	Бененсон М. М.	200	8
Бененсон С. Б.	950	38	Давыдов Е. Ф.	200	8
Голицын А. Д.	950	38	Осипов Б. П.	200	8
Идельсон В. Р.	700	28	Сизеев З. М.	200	8
Волков В. А.	600	24	Аничков Ю. В.	150	6
Гольдберг Л. Б.	600	24	Ландсбергер Ф.	100	4
Джумайло Н. И.	600	24	Лурье А. Е.	100	4
Гидалло Г.	550	22	Нецветаева А. М.	96	3
Оболенский М. Л.	550	22	Маврогордато М. С.	50	2
Бернштейн Г. А.	500	20	Урусов Н. П.	50	2
Бобринский А. А.	500	20	Урусова В. А.	50	2

Источник: *(РГИА, Ф.629. ОП.1. Д.1172. Л.1-2).*

Русско-Английский банк разместился в престижном «Доме Зингера» на Невском проспекте (д. 28). А. Д. Голицын вспоминал о первых днях работы финансово-кредитного учреждения: «Англичане остались очень довольны устройством помещения банка, который действительно был оборудован по последним образцам банковской техники, что значительно сокращало время, затраченное клиентом на операции» (*Голицын, 2008. С. 312*). В состав правления вошли, помимо Г. Бененсона, представители британских акционеров Р. Боултон, Г. Гидалла, Ф. Криппс и Д. Монкриф. Председателем наблюдательного совета избирается граф А. А. Бобринский. Последний, на состоявшемся в его особняке

банкете, выразил надежду, что помещением капиталов в российские промышленные предприятия англичане «разовьют их до надлежащих размеров и способствуя, с одной стороны, процветанию обеих стран, с другой стороны будут содействовать дружественному сближению двух великих империй» (*Голицын, 2008. С. 313*).

Скорее всего, эти слова имели для присутствующих двойной смысл, прежде всего в плане перспектив участия главы наблюдательного совета в экономической жизни России. Дело в том, что уже к концу 1911 году среди акционеров существовало устойчивое мнение в отношении перспектив территориальной направленности операций банка. Речь идет об уральском регионе, акционирование промышленных предприятий которого представлялось крайне интересным с точки зрения эффекта от будущего роста местной экономики с учетом существовавшей здесь обширной горнозаводской и горнодобывающей базы. При этом А. Д. Голицын придавал особое значение потенциалу местной рабочей силы: население Урала, не скованное пережитками общины, крепостной зависимости и сословных различий поражало «меня своей сознательностью, прямым смелым характером и смышленостью» (*Голицын, 2008. С 315*). Дальнейшее сближение с Г. Бененсоном позволило князю в значительной мере изменить направленность своей деятельности с политической на предпринимательскую. С «легкой руки» Русско-Английского банка Голицын «втягивается» в масштабные деловые операции и к 1917 году выступает совладельцем целого ряда отечественных промышленных компаний. Остановимся подробнее на истории его приобщения к усилиям Бененсона по формированию финансово-промышленной группы во главе с Русско-Английским банком накануне и в годы мировой войны.

Г. И. Бененсон и А. Д. Голицын в промышленной жизни России накануне и в годы Первой мировой войны

Летом 1913 года Г. Бененсон активизировал усилия по укреплению позиций своего банка в сфере лесопереработки и целлюлозно-бумажного производства. Как отмечалось выше, к этому времени удалось получить принципиальное согласие властей на приобретение лесных площадей в Вологодской губернии. 5 июля полковник в отставке И. А. Лосев, являвшийся деловым компаньоном Бененсона, направляет в правительственные структуры прошение об учреждении Акционерного общества для механической и химической обработки дерева и производства бумаги. В число крупнейших собственников этой компании приглашается А. Д. Голицын.

Любопытным представлялось обоснование необходимости создания акционерного общества, сформулированное в рамках договоренностей с Г. Бененсоном. И. А. Лосев, в частности, пояснял, что быстро «растущая потребность России в бумаге делает необходимым развитие лесопильных и бумажных фабрик в пределах Империи», прежде всего в целях «сокращения потребления иностранной и в особенности финляндской бумаги, каковая, главным образом, потребляется в настоящее время». Заявленный проект подразумевал скорейшее завершение строительства (стоимость – 1,5 млн. руб.) в г. Буй деревообрабатывающего завода и бумажной фабрики, при этом последняя должна была обеспечиваться отходами производства первого. Одновременно предполагалось приобрести более обширные лесные площади на реке Костроме, в совокупности составлявшие 27 тыс. десятин земли. На эти цели Г. Бененсон выделил еще 1,4 млн. руб. (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.2118. Л.37-79*). Уже после начала Первой мировой войны, 29 ноября 1914 года, Николай II дал разрешение на учреждение Общества с уставным капиталом 2,5 млн. руб. (25 тыс. акций по 100 руб.). На следующий день состоялось первое общее собрание акционеров. К этому времени учредитель фирмы И. А. Лосев находился вне пределов Петербурга, будучи призванным в действующую армию. В состав правления избираются три мажоритарных акционера: на пост председателя – Г. Бененсон, двумя членами – А. Д. Голицын и Г. Г. Шклявер (он же юрисконсульт

семьи Бененсон). Еще одним крупнейшим собственником Общества становится Русско-Английский банк (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.2118. Л.105-107*).

Значимость создания Общества для механической и химической обработки дерева и производства бумаги могла быть оценена только с учетом вхождения акционеров Русско-Английского банка в состав собственников еще одной крупной фирмы – Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа (АО НПГО). Эта уральская компания состояла в числе ведущих российских предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности (с третьим по величине уставным капиталом). Использование ее возможностей для укрепления позиций Г. Бененсона и его деловых партнеров не только в области лесопереработки, но и целлюлозно-бумажного производства, становилась чрезвычайно важным направлением в деятельности Русско-Английского банка в годы Первой мировой войны.

Незадолго до реструктуризации горнозаводского округа профессор И. Х. Озеров, избранный членом правления АО НПГО, писал о кризисной ситуации в уральской промышленности. По его мнению, переход местных предприятий от частных владельцев к акционерным обществам представлялся вполне закономерным: местные «магнаты», получая ранее огромные доходы, «не видя при том себе конкуренции, не интересовались своими заводами; они только брали барыши и проживали их за границей или в России. Чудачества их и безумные траты известны. Они ничего не сделали для промышленности: не провели путей сообщения, не специализировали производства, не изучили рынков, и в настоящее время они платятся за свою беззаботность. Теперь, быть может, наступило для них время нести ответственность за свои поступки» (*Озеров, 1910. С. 4*). Впрочем, на практике ответственность за запущенное состояние местного хозяйства чаще всего не выходила за рамки достигнутых договоренностей по условиям акционирования тех или иных предприятий. Что касается АО НПГО, то состав его правления в полной мере отражал изменения в подходе к перспективам развития горного округа. Руководство сосредоточили в своих руках люди, имевшие к тому времени солидный опыт участия в промышленном предпринимательстве. Председателем правления избирается уже упомянутый Е. Ф. Давыдов, входивший в число собственников и директоров нескольких отечественных лесоперерабатывающих компаний.

Со времени своего учреждения в 1912 году АО НПГО владело обширными лесными угодьями, занимавшими почти всю площадь Округа, а также двумя крупными лесопильными заводами, главным рынком сбыта которых выступала Средняя Азия. Как полагало правление компании, из всех горнопромышленных предприятий Урала и Сибири, имеющих лесные площади, АО НПГО «представляется едва ли не единственным, для которого леса его могут и должны послужить материалом для совершенно самостоятельного и притом весьма крупного лесопромышленного и торгового дела». При этом в программу развития Общества должна «входить забота о расширении и более рациональной постановке эксплуатации собственного леса». В конечном счете «сосредоточив в своих руках большое количество готового леса, отличающегося при этом особо выдающимся качеством, Общество может получить в известной степени контролирующее влияние и при установлении цен для заграничного экспорта». По инициативе Г. Бененсона компания принимает решение о постройке крупнейшей в стране фабрики по производству оберточной бумаги (открыта в сентябре 1914 г.). Выпускаемая продукция должна была составить конкуренцию финляндской бумаге, а сырьем для предприятия предполагалось использовать отходы собственных деревообрабатывающих заводов (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.12. Л.4-5*).

Еще одним направлением в деятельности АО НПГО выступала добыча платины, а также эксплуатация медных и железорудных месторождений. Для оценки значимости каждого из этих направлений приведем следующие данные по результативности работы за первый (1912/1913) операционный год: из валовой прибыли в 2,1 млн. руб. заготовка леса дала 854,4 тыс., деревообработка – 226,4 тыс., добыча платины – 560,7 тыс. руб. При этом в отличие от быстро развивающейся

лесопереработки, компании пришлось «ограничивать» себя в расширении работы с платиной, поскольку «в интересах Общества сохранить нынешние условия рынка для платины, благодаря которому цены регулируются существующим соглашением» внутри страны и за ее пределами (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.12. Л.5*) .

К 1914 г. АО НПГО реализовывало на заграничных рынках всю платину (на 750 тыс. руб. в год) и около трети продукции лесопереработки (1 млн. руб.). Крупнейшими кредиторами компании – с суммами более 1 млн. руб. в год – выступали два российских банка – Азовско-Донской и Русско-Английский (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.291. Л.1, 10*). С началом мировой войны Общество предпринимало усилия по перенастройке производственной деятельности в целях обеспечения военных нужд страны. Быстро увеличивались поставки меди, являвшейся, с учетом активно развивающейся российской электротехники, стратегическим сырьем. С другой стороны, имело место перепрофилирование деревообрабатывающего производства. Так, 500 тыс. руб. ассигнуется на постройку завода по изготовлению деревянных ящиков для артиллерийских снарядов. Крупнейшим государственным партнером АО НПГО по выполнению оборонных заказов становится Петроградское окружное артиллерийское управление, частными – Товарищество «Г. Бененсон», общества Сысертского горного округа (об этой фирме речь пойдет ниже), Путиловских заводов, Сименс и Шуккерт, Всеобщая компания электричества и Петроградское лесопромышленное товарищество. В целом, по оценке владельцев Общества, к концу 1914 г. из 15 млн. руб. уставного капитала 7 млн. представляли горнодобывающую сферу деятельности, 5 млн. – лесозаготовку, 2 млн. – деревообработку и 1 млн. – железнодорожное хозяйство. К осени 1915 года состав владельцев АО НПГО демонстрировал ведущие позиции группы акционеров Русско-Английского банка: им принадлежало более 50% акций компании. Из представленных в сентябре к общему собранию 107,3 тыс. акций Г. Бененсону принадлежало 20930, его супруге – 15 тыс. Еще одним крупным собственником выступал Русско-Азиатский банк – 10 тыс. Среди деловых партнеров Бененсона присутствовали М. С. Маврогордато – 15 тыс., М. А. Варшавский – 11850, Товарищество «Г. Бененсон» - 5500 и Г. Г. Шклявер– 5 тыс. В составе правления в группу представителей Русско-Английского банка входили соответственно Г. Бененсон, И. А. Лосев (в то время вернувшийся с фронта) и Г. Г. Шклявер. Председателем правления состоял Е. Ф. Давыдов (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.29. Л.34-35, 47-48, 52; Д.43, Л.14-27*).

В 1916 году АО НПГО удалось значительно увеличить объемы производственной деятельности в условиях получения кредитной поддержки со стороны не только Русско-Английского, но и Азовско-Донского, Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков. Последние три отечественных банка, как уже отмечалось, являлись партнерскими для Г. Бененсона, в том числе в плане сотрудничества с братьями Давыдовыми. Чистая прибыль Общества за год превысила 3 млн. руб., из которой 1,3 млн. дала механическая и химическая обработка древесины, 1,1 млн. – добыча платины, золота и серебра. В дивиденд направлены рекордные 1,8 млн. руб. Рентабельность собственного капитала достигла 20,1%, активов – 8,4%. В октябре того же года принимается решение увеличить уставной капитал компании с 15 до 22,5 млн. руб. (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.51. Л.13, 29*). На общем собрании акционеров, состоявшемся в помещении Русско-Английского банка накануне политического переворота в Петрограде в феврале 1917 года, поддерживается предложение об ассигновании 4,5 млн. руб. на строительство новых и модернизацию действующих предприятий, в том числе 2,8 млн. – на возведение целлюлозной фабрики и техническое переустройство предприятия по выпуску оберточной бумаги. Члены правления надеялись, что в условиях прекращения работ ряда целлюлозно-бумажных предприятий в прифронтовых западных губерниях это решение даст «благоприятную возможность» для расширения производственной деятельности уральских предприятий Общества (*РГИА, Ф.75. ОП.1. Д.51. Л.13*).

По своему ожидаемым событием для того времени стало быстрое укрепление позиций А. Д. Голицына среди собственников АО НПГО. К июлю 1917 г. ему уже принадлежали 3,3 тыс. акций, что позволило войти в число мажоритарных акционеров. Крупнейшим собственником оставался Русско-Английский банк (17065 акций), продолжавший скупать ценные бумаги компании у Товарищества «Г. Бененсон» и самого Г. Бененсона почти до конца 1917 года (*РГИА, Ф.629. ОП.2. Д.264. Л.1-3*). Рост влияния Голицына на принятие решений по уральским предприятиям представлялся уже своего рода закономерностью, учитывая его участие в делах нескольких фирм, которые находились под патронажем банка. Важную роль здесь играли также последовательные попытки Бененсона упрочить в 1912 – 1913 гг. свое влияние на деловую жизнь страны за счет акционирования предприятий, ранее находившихся в индивидуальном или семейном владении.

Одними из ключевых в данном отношении стали события конца 1911 года, когда вслед за созданием Русско-Английского банка Г. Бененсон предложил А. Д. Голицыну занять пост главы правления еще одной уральской компании – Акционерного общества Сысертского горного округа (АО СГО). Переговоры завершились успешно, и в конце февраля 1912 г. компания открыла свои операции с уставным капиталом 6 млн. руб. Перешедшие к ней уральские предприятия принадлежали ранее князю Д. П. Соломирскому. В свою очередь часть акций Общества была вскоре выкуплена лондонской The Sissert Company, Ltd. На британском рынке ею были выпущены однофунтовые акции (на 1 млн. ф.-ст.), которые были реализованы The Russian Trust and Finance Company, Ltd. Со своей стороны правление The Sissert Company, Ltd получило право контролировать производственную, коммерческую и финансовую деятельность русского общества. Предполагалось, в соответствии с мнением английского эксперта А. Симона, что доходность АО СГО возрастет в период 1912 - 1914 гг. (при условии предоставления британской финансовой группой дополнительных оборотных средств) в четыре раза (*РГИА, Ф.86. ОП.1. Д.5. Л.3-4*). Надежды на высокую прибыльность связывались прежде всего с наличием в Округе значительных лесных площадей, многочисленных рудников с действующими при них железоделательными и медеплавильными заводами, золотых приисков и платиновых месторождений.

В том же 1912 г. делается еще один шаг в направлении усиления позиций Русско-Английского банка в промышленной жизни России. Г. Бененсон и Ф. Криппс (агент Русско-Английского банка в Великобритании), а также представители британских Messrs. Boulton Bros & C° и Imperial and Foreign Corporation Limited, учредили новую фирму – The Russian Trust and Finance Company, Ltd (Русская кредитная и финансовая компания). Она была создана с целью «ведения бизнеса в Российской империи», и, «в, частности, формирования и учреждения компаний, ссужения им денег, оказания им помощи и контроля над ними». Большая часть ее акций оказалась в руках владельцев Русско-Английского банка, Imperial and Foreign Corporation Limited и Messrs. Boulton Bros & C°. Одновременно в собственности самой компании оказались 23% акций АО Сысертского горного округа (*Гурушина* и *Поткина, 1997. С. 86-87*).

В правление АО СГО, разместившегося в Петербурге, на Невском пр., 19 (в помещении Товарищества «Г. Бененсон»), вошли Г. И. Бененсон, А. Д. Голицын, Я. Я. Вишау, Л. А. Зиновьев, Д. П. Соломирский и А. П. Урусов (он же будет приглашен в правление АО НПГО). Практически все они, за исключением Соломирского, являлись мажоритарными собственниками компании. Из представленных к общему собранию в апреле 1914 года 56900 акций Русско-Английскому банку принадлежало 20 тыс., Бененсону, Голицыну, Урусову, Зиновьеву и Вишау – по 4 тыс. (*РГИА, Ф.86. ОП.1. Д.7. Л.12*). Накануне мировой войны предметом особой гордости акционеров выступала административная деятельность правления Общества. Как вспоминал Голицын, помещение для директоров было оборудовано «всеми техническими приспособлениями последнего образца, таким образом, например, все письма я диктовал в приемник особого

аппарата, который воспринимал их на особую бабину, а затем, уже в секретариате, она текстуально восстанавливалась и переписывалась, чем устранялась необходимость иметь особую стенографистку» (*Голицын, 2008. С. 315*).

Результаты работы АО СГО за 1912 операционный год оказались достаточно успешными: чистая прибыль составила 416,9 тыс. руб. (в 1913 г. – 428,1 тыс.) (*РГИА, Ф.86. ОП.1. Д.12. Л.11*). Однако с началом мировой войны для компании наступили тяжелые времена, связанные с сокращением британских инвестиций, а также нарастанием трудностей с топливом, рабочей силой и транспортными услугами. В целом, при значительном объеме валовой прибыли, деятельность Общества сопровождалась резким сокращением размеров чистой прибыли и дивидендных выплат (*РГИА, Ф.86. ОП.1. Д.7. Л.3-4, 8, 10*). Тем не менее, предпринятые в этих условиях попытки Азовско-Донского банка выкупить компанию не встретили понимания со стороны Г. Бененсона и его английских партнеров (*Буранов, 1982. С. 197*). В 1917 году А. Д. Голицын продолжал сохранять пост председателя правления АО СГО, оставаясь одновременно в числе его крупных акционеров.

Рассмотренные выше события, связанные с учреждением и деятельностью Русско-Английского банка и ряда подконтрольных ему компаний, могут быть правильно оценены только при учете одного важного обстоятельства. Речь идет о происшествии зимы 1913/1914 года, которое в значительной степени изменит ситуацию с действующей моделью выработки и реализации стратегических и оперативных планов развития финансово-промышленной группы банка. Именно эти изменения, связанные с более активным использованием коллегиальной формы управления предприятиями и дальнейшим укреплением позиций Русско-Английского банка в экономической жизни России, будут определять усиление позиций группы в годы Первой мировой войны. Произошло же со слов А. Д. Голицына следующее: «на почве денежных расчетов» Г. Бененсон оказался вовлечен в конфликтную ситуацию, завершившуюся тем, что некая особа плеснула ему в лицо серной кислотой. Так или иначе, лицо оказалось обезображено, и были основания опасаться за зрение. Бененсону пришлось срочно выехать в Берлин, где в то время практиковал крупный специалист по пересадке кожи. С началом войны ему удалось перебраться в Лондон. Вернуться в Россию он сможет окольными путями лишь в начале 1917 года (*Голицын, 2008. С. 345*).

Незадолго до отъезда Г. Бененсон закрепляет интернациональный состав руководства банка, утвердив членами правления А. Д. Голицына, Г. Г. Шклявера и М. С. Маврокордато; английскую часть директората представляли Г. Гидалло (он фактически подменял Бененсона на посту председателя правления) и Ф. Криппс. Здесь важно пояснить, что отход Бененсона от руководства финансово-промышленной группой в России не стал фатальным: ранее созданная им система корпоративного управления подтвердила в ближайшем будущем свою способность к результативному функционированию и в отсутствие лидера. С другой стороны, деятельность правления приобретет с 1914 года четко выраженный коллегиальный характер, позволивший даже в условиях роста неопределенности социально-экономической и политической ситуации в стране поддерживать эффективность операций как в финансово-кредитной, так и промышленной области. В этом смысле изменения в процессе выработки и реализации стратегических и оперативных планов будут связаны прежде всего с диверсификацией производственной деятельности (одним из важных направлений явятся, например, инвестиционные проекты в топливном секторе). Мнение российского состава руководства банка станет особенно значимым в экстремальной ситуации войны, когда потребовалось искать новые пути для налаживания связей не только с коммерческими, но и государственными структурами. В полной мере это коснулось и уже отмеченных выше взаимоотношений банка с промышленными компаниями, а также реализации инвестиционных решений применительно к новым отраслевым проектам, в том числе оборонного характера.

В 1915 году Русско-Английский банк финансирует строительство в

Петербурге завода по производству бронебойных пуль (способных преодолевать защитные листы неприятельских артиллерийских орудий). Предприятие, оформленное в Акционерное общество гильзовых, трубочных и механических заводов (председателем правления стал А. Д. Голицын), получило от Главного артиллерийского управления заказ на изготовление 120 млн. пуль, аванс под который составил 5,8 млн. руб. Еще один заказ – на 1 млн. пуль, последовал от Главного управления кораблестроения. Для завода, производство которого максимально механизируется, заказываются специальные станки в США, сталь – в Швеции. (*РГИА, Ф.1425. Оп.1, Д.392. Л.6-7*). В годы войны финансовые отношения связывают банк с целым рядом крупных акционерных обществ, работавших на фронт: П. В. Барановского, Ноблесснер, Путиловских заводов, Вагоностроительного завода, Пневматических машин, Для изготовления пороха, Для изготовления снарядов, Металлического завода, Треугольник, Феникс и др. (*РГИА, Ф.629. ОП.2. Д.262, 263, 264*).

В это же время Г. Бененсон инициирует реализацию за границей еще одного инвестиционного проекта, который, как предполагалось, должен был стать важной вехой в утверждении Русско-английского банка в сибирской золотопромышленности. При участии Imperial and Foreign Corporation Limited у другой английской фирмы – Lena Goldfields, покупаются 50 950 акций крупнейшего в своей отрасли российского Ленского золотопромышленного товарищества (Лензото)[2]. Получение акций сопровождалось договорным обязательством о предоставлении покупателям права на приобретение 246 703 акций Lena Goldfields. В 1916-1917 гг. представители финансово-промышленной группы банка (И. Амори, Г. Бененсон и Г. Гидалло) были введены в состав правления этой английской компании (*Гурушина* и *Поткина, 1997. С. 89-97*). К лету 1917 г. больше половины всех акций Лензото в равных долях принадлежало двум лицам – Г. И. Бененсону и А. И. Вышнеградскому (представлял интересы Петербургского международного коммерческого банка). В этом же году Русско-Английский банк продолжил активные операции с ценными бумагами Лензото, в том числе участвуя в банковском консорциуме по реализации дополнительной эмиссии осенью 1917 года (*РГИА, Ф.629. ОП.2. Д.263. Л.49-51, 186-187, 260; Д.264. Л.40-41, 68, 177-180*).

Что касается самого А. Д. Голицына, то для него с отъездом Г. Бененсона открылась «новая эра» в области чисто финансовой и банковской деятельности: «Вместо наблюдающего я перешел на роль действующего. Это дало мне возможность близко познакомиться с самой банковской техникой и научило подходить к вопросам финансирования банком всякого рода коммерческих и промышленных предприятий с точки зрения их рентабельности и обеспечения капитала вложенного через банк в это предприятие. С этого момента моя карьера в области финансовой и промышленной была обеспечена» (*Голицын, 2008. С. 345*). Одним из первых самостоятельных решений Голицына, поддержанных банком, стало занятие поста председателя Лологского лесопромышленного акционерного общества. Компания была создана для ведения лесозаготовок на территории Вологодской и Пермской губерний, с последующей переработкой древесины в Царицыне. Ранее лесные площади принадлежали князю С. М. Голицыну, но были «промотаны» его сыном С. С. Голицыным (*Голицын, 2008. С. 351*). Остается добавить, что А. Д. Голицын возглавлял фирму, но реального участия в руководстве ею не принимал, перепоручив дела исполнительному директору, крупному петербургскому лесопромышленнику Г. Л. Гликману. Подобная позиция объяснялась тем, что Голицын стал одновременно втягиваться в работу по учреждению еще нескольких фирм: «Ко мне, - вспоминал он, - стали приходить либо с предложением создания промышленного общества для эксплуатации готового проекта, либо получения концессии на технически разработанный план

[2] Ранее, в 1915 г., председателем правления Лензото становится профессор, специалист по трудовому праву И. Х. Озеров (о нем речь шла выше в связи с АО НПГО). Его назначение связывалось, в частности, с надеждами акционеров на то, что рабочие приисков увидят в нем «лицо, которое поддерживает, насколько возможно, их интересы» (*Ананьич, 1991. С. 64*).

производства; либо, наконец, просто с целью привлечения меня в состав правления уже созданного промышленного предприятия, большей частью просили стать во главе правления» (*Голицын, 2008. С. 319*).

Пожалуй, одним из наиболее перспективных решений А. Д. Голицына, в котором он оказался непосредственно заинтересован, стало обращение к разработке каменноугольных залежей на юге России (современные восточные угледобывающие районы Украины). В условиях быстрого роста в России в годы войны спроса на топливо, с одной стороны, и попыток Г. Бененсона диверсифицировать финансово-кредитные операции – с другой, деятельность Голицына в этом направлении стала своего рода отражением поиска новых региональных и отраслевых направлений в работе Русско-Английского банка. В мае 1916 года Голицын заключает с областным правлением Войска Донского договор сроком на 30 лет на разработку антрацита в районе Провальской Дачи. В январе 1917 г., уже по согласованию с Бененсоном, он входит в партнерские отношения с влиятельным русским предпринимателем Ю. М. Тищенко, который в свою очередь состоял близким деловым партнером армянских промышленников Гукасовых. В результате учреждается «Товарищество Должанский антрацитовый рудник князя А. Д. Голицына и Ю. М. Тищенко», складочный капитал которого составили две доли Голицына и три – Тищенко. Первый выступал арендатором рудника, второй – обязывался обеспечить финансирование деятельности Товарищества. В мае того же года партнеры преобразуют дело в Александро-Юрьевское акционерное общество каменноугольных копей и рудников с уставным капиталом 2 млн. руб. (*РГИА, Ф.23. ОП.13. Д.1313. Л.1-8*). К началу 1919 г., когда в России развернулась кровопролитная гражданская война, на территории рудника уже действовала железнодорожная ветка с товарной станцией, построена электростанция, завезены из США мощные экскаваторы, развернута масштабная добыча угля (*Голицын, 2008. С. 321*).

Но, пожалуй, самым многообещающим проектом должно было стать освоение угольного рудника под Макеевкой, находившегося ранее в собственности двух лиц – В. Е. Горжковского и Л. М. Хибчинского. С 1906 года месторождение принадлежало им на праве аренды. В октябре 1914 г. предприятие по добыче и торговле углем вступило в период реструктуризации, а спустя еще четыре месяца А. Д. Голицын становится одним из учредителей Акционерного общества «Александровская гора». В апреле 1915 года Николай II разрешил открыть действия компании с уставным капиталом 3 млн. руб. (30 тыс. акций по 100 руб.) и местом размещения правления в Петрограде, на Малой Конюшенной, 7. Заслуживает внимания масштаб дозволенных компании операций: разрешение давалось не только на добычу каменного угля и торговлю им в пределах всей Российской империи и за границей, но также на устройство и содержание заводов, перерабатывающих уголь и «другие продукты горной промышленности» (эта позиция практически повторяла уставные положения акционерной компании А. Д. Голицына и Ю. М. Тищенко). Кроме того, Обществу разрешалось реализовывать собственные инфраструктурные проекты, включая устройство железнодорожных и речных путей доставки грузов, телефонных и телеграфных средств связи (*РГИА, Ф.23. ОП.13. Д.350. Л.43-44, 48*).

В состав правления избираются от Русско-Английского банка А. Д. Голицын, Г. Г. Шклявер и М. А. Варшавский. Они же вошли, наряду с несколькими другими акционерами банка (Л. М. Бененсон, А. А. Борисов, В. А. Волков, Н. И. Джумайло и др.), в число крупных собственников компании[3]. Однако непосредственное управление фирмой было поручено двум другим лицам – В. Е. Горжковскому (как бывший владелец рудника он возглавил техническое руководство) и С. Н. Хлебникову (в качестве преподавателя бухгалтерии на известных

[3] В качестве одной из характеристик демократизации состава собственников АО «Александровская гора» отметим присутствие среди акционеров Д. К. Джиоргули – человека, далекого от бизнеса. Находившийся в дружеских отношениях с предпринимателем греческого происхождения М. С. Маврогордато, он занимал по службе должности заведующего зданием Петербургской консерватории, помощника заведующего ее музеем, казначея Императорского музыкального общества и Общества вспомоществования учащимся консерватории.

петербургских курсах М. В. Побединского ему поручили коммерческий отдел; он же входил в состав пайщиков Товарищества «Г. Бененсон»). Соответственно им было назначено самое крупное жалованье – первому 12 тыс. руб. в год (+3% с чистой прибыли), второму – 6 тыс. руб. (2%) (*РГИА, Ф.23. ОП.13. Д.350. Л.81*). С момента своего учреждения Общество «Александровская гора» было признано властями «работающим на оборону». Компания осуществляла крупные поставки угля государственным железным дорогам и Черноморскому флоту. В мае 1917 года, уже с согласия Временного правительства, уставной капитал увеличивается с 3 до 6 млн. руб. Данная мера объяснялась быстрым расширением операций и в связи с этим «необходимостью покрытия расходов по развитию дел, в целях увеличения добычи угля и дальнейшему оборудованию рудника, на предмет погашения долгов Общества и на увеличение оборотных средств» (*РГИА, Ф.23. ОП.13. Д.350. Л.102*).

К лету 1917 года Русско-Английский банк и патронируемые им предприятия представляли собой финансово-промышленную группу, действовавшую в нескольких основных отраслевых нишах: а) лесозаготовительные операции и деревообработка; б) целлюлозно-бумажное производство; б) горнодобывающее хозяйство (железные, медные, серебряные и платиновые руды) и металлургия; в) эксплуатация золотых приисков; г) добыча угля. По своей организационной структуре объединение приобретало черты холдингового, где владельцы банка имели доминирующее влияние в уставном капитале различных промышленных обществ. Одновременно Бененсон продолжал сохранять за собой ключевые позиции в руководстве семейной паевой фирмой, являвшейся самостоятельной координирующей структурой и с точки зрения ее влияния на выработку стратегии и тактики банка, и в плане контроля над деятельностью входивших в группу предприятий. На общем собрании собственников Товарищества «Г. Бененсон» 6 июля Бененсону и его жене принадлежало по 200 паев из 730 заявленных. Еще 60 находилось в руках М. С. Маврогордато, 30 – М. М. Бененсон (перечень остальных лиц почти полностью перекликался с составом акционеров банка). Единогласным решением пайщиков были одобрены результаты операций фирмы за прошедший отчетный год. При этом констатировалось, что «дела Товарищества расширились», в связи с чем принимается решение об увеличении числа директоров с 3 до 5. Вместе с тем Бененсон так и не решился реализовать идею, одобренную им еще накануне Первой мировой войны: демократизация уставного капитала путем уменьшения номинальной стоимости паев с 1 тыс. до 100 руб. была признана как несоответствующая условиям военной поры (*РГИА, Ф.23. ОП.12. Д.205. Л.220, 263*).

Применительно к этому же времени отметим стремление владельцев Русско-Английского банка закрепиться в сфере страхового бизнеса. На этой почве происходит сближение интересов двух лиц: А. Д. Голицына и члена правления банка М. Д. Брея, занимавшего также пост исполнительного директора на ряде петербургских текстильных предприятий английских промышленников Губбардов. По предложению Брея (действовавшего с согласия Г. Бененсона) и при поддержке нефтепромышленника Э. Л. Нобеля Голицын избирается председателем правления одной из крупнейших российских страховых фирм – «Русский Ллойд». В состав правления этого акционерного общества вошли также Нобель и Брей[4]. Летом 1917 года Голицын возлагал на свое участие в страховом деле большие надежды: «По пословице «не боги горшки лепят» я довольно быстро стал усваивать основной предмет и суть страхового дела, и если бы не чрезвычайные обстоятельства, перевернувшие вверх дном все наши чаяния и надежды, я бы в конце концов быстро освоился с этим новым делом, сулившим, как справедливо утверждал Брей, огромное поле деятельности и материальное благополучие как Обществу, так и руководителям его» (*Голицын, 2008. С. 353-354*). Остается отметить, что участие в деятельности «Русского Ллойда» стало одним из последних в деловом

[4] Заслуживает внимания и региональная близость операций деловых партнеров: если руководство Русско-Английского банка проявляло повышенный интерес к уральской горнозаводской промышленности, то концерн Нобелей активно занимался нефтяными изысканиями на Урале (*Китанина, 2007. С. 258*).

взаимодействии владельцев Русско-Английского банка, так и не сумевших определить для себя перспективу в нарастающем хаосе хозяйственной и общественно-политической жизни страны.

Заключение

Октябрьский политический переворот 1917 года и последовавшие за ним революционные потрясения в России завершили историю Русско-Английского банка и патронируемых им предприятий[5]. В канун этих событий финансово-промышленная группа, начало созданию которой положил Г. Бененсон в преддверии мировой войны, являла собой влиятельную хозяйственную структуру, представлявшую разнообразные групповые и индивидуальные интересы не только в их деловом, но и социокультурном содержании. За прошедшие 1911-1917 гг. банку удалось выстроить прочные отношения с владельцами ряда отечественных промышленных предприятий различной отраслевой принадлежности, обеспечив в значительной мере их дальнейшее развитие при соответствующем обеспечении спроса на выпускаемую продукцию со стороны частных потребителей и государственных учреждений. Но, пожалуй, не менее значимым результатом стал опыт успешного сотрудничества участников финансово-промышленной группы независимо от их профессиональной, религиозной, этнической и региональной принадлежности. В этом отношении пример взаимодействия Г. Бененсона и А. Д. Голицына показывал такую модель деловых отношений, которая в наибольшей степени соответствовала перспективам использования холдинговой формы ведения бизнеса и реализации целей инвестиционной политики применительно к хозяйственной ситуации в России в рассматриваемый период. В связи с этим можно говорить о ряде значимых для ведущих отраслей российской экономики институциональных показателей промышленного предпринимательства в начале XX века, в том числе о готовности собственников жертвовать значительной долей самостоятельности (деловой и социокультурной) в тех или иных видах ассоциированного предпринимательства ради достижения более устойчивого баланса интересов и, соответственно, обретения более разветвленных и крепких связей с партнерами. Иначе говоря, поиск новых институциональных моделей согласования интересов являл собой закономерный этап развития отечественного бизнеса, непосредственно проявлявшийся в совершенствовании акционерных форм делового взаимодействия. В целом институциональная парадигма развития российского общества в начале XX века обеспечивала, при всех сохранявшихся пережитках традиционных форм общественных отношений, потенциальные возможности для достижения предпринимателями поставленных целей в их отраслевом и региональном выражении. Однако проблема заключался в том, что данная тенденция формировалась в условиях поддерживаемого баланса экономических, социокультурных и политических предпочтений мирного времени и не предполагала долгосрочных рисков военной поры, которые обернутся деградацией аграрного и инфраструктурного секторов, нарастанием кризисной ситуации на потребительском рынке и последующим распадом действующей вертикали власти в стране. В годы войны все более отчетливо проявлявший себя дисбаланс предпочтений предпринимательских, властных и интеллигентских групп усиливал общую разбалансировку межгрупповых интересов, обернувшись в конечном счете ростом социально-политической напряженности и, как следствие, нарастанием кризисной ситуации в империи. В этом смысле последовавшие осенью 1917 года революционные катаклизмы поставили точку в истории эволюционных изменений в российской экономике, обусловив крушение сложившегося ранее механизма институционального согласования индивидуальных, общественных и государственных предпочтений.

[5] Уже в эмиграции у Г. И. Бененсона родился внук Питер Джеймс Генри Соломон Бененсон, ставший затем известным как основатель международной правозащитной организации «Amnesty International» (Международная амнистия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб.: издание Н. Н. Ольшанскаго, 1910.

Акционерно-паевые предприятия России. М.: Изд-во В. В. Лаврова, 1914.

Ананьич Б. В. (1991). Банкирские дома в России. 1860-1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука.

Беляев С. Г. и *Петров Ю. А.* (2005). Санация петербургских коммерческих банков. «Старомосковские» банки в начале XX века. В кн.: Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев, А. В. Бугров, О. В. Драган, З. В. Дмитриева, М. М. Дадыкина, С. К. Лебедев, П. В. Лизунов, В. В. Морозан, Ю. А. Петров, С. А. Саломатина. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, с. 478-498.

Боханов А. Н. (1992). Крупная буржуазия России (конец XIX в. - 1914 г.). М.: Наука.

Буранов Ю. А. (1982). Акционирование горнозаводской промышленности Урала. 1861-1917 гг. М.: Наука.

Голицын А. Д. (2008). Воспоминания/сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А. К. Голицын. М.: Русский путь.

Гурушина Н. Н. и *Поткина И. В.* (1997). Английские капиталы и частное предпринимательство в России. В кн.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: РОССПЭН, с. 54-119.

Китанина Т. М. (2007). Развитие концерна Путилова-Стахеева-Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны. В кн.: Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / М. Н. Барышников, В. Ю. Гессен, А. Л. Дмитриев, Т. М. Китанина и А. А. Семенов. СПб.: Издательство СПбГУ, с. 172-412.

Коковцов В. Н. (1992). Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919. В 2-х книгах. Книга первая. М.: Наука.

Озеров И. Х. (1910). Горные заводы Урала. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина.

РГИА. Ф.23. ОП.12. Д.2118 – Об учреждении «Петроградского акционерного общества для механической и химической обработки дерева и производства бумаги». 1913 – 1914 гг.

РГИА. Ф.23. ОП.12. Д.2123 – Об учреждении издательского акционерного общества «Аргус» в Петрограде. 1913 – 1915 гг.

РГИА. Ф.23. ОП.13. Д.1313 – Об учреждении Александро-Юрьевского акционерного общества каменноугольных копей и рудников. 1917 г.

РГИА. Ф.23. ОП.13. Д.350 – Об учреждении каменноугольного Акционерного общества «Александровская гора». 1914 – 1917 гг.

РГИА. Ф.75. ОП.1. Д.12 – Материалы общего собрания акционеров Общества Николае-Павдинского горного округа 21 апреля 1913 года.

РГИА. Ф.75. ОП.1. Д.29 – Материалы общих собраний акционеров Общества Николае-Павдинского горного округа 27 августа и 29 сентября 1915 года.

РГИА. Ф.75. ОП.1. Д.43 – Баланс счетов разных фирм и лиц Общества Николае-Павдинского горного округа на 1 ноября 1916 г. – 1 октября 1917 г.

РГИА. Ф.75. ОП.1. Д.51 – Материалы общего собрания акционеров Общества Николае-Павдинского горного округа 14 февраля 1917 г.

РГИА. Ф.75. ОП.1. Д.291 – Записка неустановленного автора о тяжелом финансовым и экономическом положении Общества Николае-Павдинского горного округа.

РГИА. Ф.86. ОП.1. Д.5 – Справка об образовании Английского акционерного общества «Сысертская компания». 1912 г.

РГИА. Ф.86. ОП.1. Д.7 – Заметки, содержащие сведения о балансах Акционерного общества Сысертского горного общества и отчеты о состоявшихся собраниях акционеров. 1912 – 1917 гг.

РГИА. Ф.86. ОП.1. Д.12 – Отчет Акционерного общества Сысертского горного общества за 1913 г.

РГИА. Ф.629. ОП.1. Д.1172 – Список акционеров Русско-Английского банка, представивших акции к общему собранию. 1915 г.

РГИА. Ф.629. ОП.1. Д.1369 – Отчеты Русско-Английского банка за 1916 г.

РГИА. Ф.629. ОП.2. Д.263 – Бумаги, принадлежащие Русско-Английскому банку гарантированные и негарантированные. 1914 г.

РГИА. Ф.629. ОП.2. Д.264 – Бумаги, принадлежащие Русско-Английскому банку негарантированные. 1917 г.

РГИА. Ф.629. ОП.2. Д.265 – Бумаги, принадлежащие Русско-Английскому банку негарантированные. 1917 г.

РГИА. Ф.1102. ОП.1. Д.333 – Бененсон Григорий Иосифович, купец.

РГИА. Ф.1102. ОП.2. Д.6 – Давыдов Евгений Федорович.

РГИА. Ф.1425. ОП.1. Д.392 – Отчет Акционерного общества гильзовых, трубочных и механических заводов с 21 октября 1915 г. по 1 января 1917 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.23. ОП.12. Д.205 – Об учреждении «Торговопромышленного паевого товарищества Г. Бененсон» в Баку. 1906 – 1917 гг.

Русские акционерные коммерческие банки по отчетам за 1915 год с соответствующими данными за 1914 год. Пг.: Издание Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков, 1916.

Устав Русско-Английского банка. Пг.: Типография Петроградского товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1915.

REFERENCES

3rd Convocation State Duma: Portraits, Biographies, Autographs. St. Petersburg, Ed. by N. N. Olshanskiy, 1910. (In Russian).

Ananich B. V. (1991). Banking house in Russia. 1860-1914: Essays on the history of private enterprise. Leningrad, Nauka Publ. (In Russian).

Belyaev S. G. and *Petrov Y. A.* (2005). Rehabilitation of the St. Petersburg commercial banks. "Old" banks in the early twentieth century. In the book: Credit and Banking in Russia until the Early Twentieth Century: St. Petersburg and Moscow / B. V. Ananich, M. I. Aref'eva, S. G. Belyaev, A. Bugrov, A. V. Dragan, Z. V. Dmitrieva, M. M. Dadykina, S. K. Lebedev, V. P. Lizunov, V. V. Morosan, Y. A. Petrov, S. A. Salomatina. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg University, pp. 478-498. (In Russian).

Bokhanov A. N. (1992). The big bourgeoisie of Russia (end of XIX century - 1914). Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Buranov Yu. A. (1982). The privatization of the mining industry in the Urals. 1861-1917. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Charter of the Russian-English Bank. Petrograd, Printing House of the Petrograd Association of Printing and Publishing "Work [Trud]", 1915. (In Russian).

Golitsyn A. D. (2008). Memories / ed., prepar.text, afterw., index of names by A. K. Golitsyn. Moscow, Russian way [Russkiy Put'] Publ. (In Russian).

Gurusinha N. N. and *Potkina V. I.* (1997). English capital and private enterprise in Russia. In the book: Foreign Entrepreneurship and Foreign Investments in Russia: Essays. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 54-119. (In Russian).

Joint-Stock and Mutual Companies in Russia. Moscow, Publ. House of V. V. Lavrov, 1914. (In Russian).

Kitanina T. M. (2007). The development of the concern Putilov-Stakheev-Batalin and transformation of its financial and industrial strategy in the First world war. In the book: Essays on the History of Russian Firms: Issues of Ownership, Management, Economics / M. N. Baryshnikov, V. Yu. Gessen, A. L. Dmitriev, T. M. Kitanina and A. A. Semenov. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg State University, pp. 172-412. (In Russian).

Kokovtsov V. N. (1992). From my past. Memories. 1903-1919. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Ozerov E. H. (1910). Mountain plants of the Urals. Moscow, Printing House I. D. Sytin. (In Russian).

RSHA. F.23. OP.12. D.2118 – Establishing the "Petrogradskaya Joint Stock Company for Mechanical and Chemical Treatment of the Wood and Paper Production". 1913 – 1914. (In Russian).

RSHA. F.23. OP.12. D.2123 – Establishing Publishing Joint-Stock Company "Argus" in Petrograd. 1913 – 1915. (In Russian).

RSHA. F.23. OP.13. D.350 – Establishing Coal Joint Stock Company "Alexander Mountain". 1914 – 1917. (In Russian).

RSHA. F.23. OP.13. D.1313 – Establishing the Alexander-Yuriev Joint-Stock Company of Coal Mines and Pits. 1917. (In Russian).

RSHA. F.75. OP.1. D.12 – Proceedings of the General Meeting of Shareholders of the Company Nicolae-Pawinskiy Mining District on April 21, 1913. (In Russian).

RSHA. F.75. OP.1. D.29 – Proceedings of the General Mmeetings of Shareholders of the Company Nicolae-Pawinskiy Mining District on August 27, and September 29, 1915. (In Russian).

RSHA. F.75. OP.1. D.43 – Balance Accounts of Different Companies and Entities of the Company Nicolae-Pawinskiy Mining District on November 1, 1916 – October 1, 1917. (In Russian).

RSHA. F.75. OP.1. D.51 – Materials of the General Meeting of Shareholders of the Company Nicolae-Pawinskiy Mining Ddistrict on February 14, 1917. (In Russian).

RSHA. F.75. OP.1. D.291 – Note by an Unidentified Author about the Difficult Financial and Economic Situation of the Company Nicolae-Pawinskiy Mining District. (In Russian).

RSHA. F.86. OP.1. D.5 – Certificate of Education English Joint-Stock Company “Sysert company”. 1912. (In Russian).

RSHA. F.86. OP.1. D.7 – Notes, Containing Information about the Balances of the Joint Stock Company Sysert Mining Company and the Reports of the Meetings of Shareholders. 1912 – 1917. (In Russian).

RSHA. F.86. OP.1. D.12 – Report of the Company Sysert Mining Company in 1913. (In Russian).

RSHA. F.629. OP.1. D.1172 – the List of Shareholders of Russian-British Bank That Submitted the Action to the General Meeting. 1915. (In Russian).

RSHA. F.629. OP.1. D.1369 – Records of the Russian-English Bank 1916. (In Russian).

RSHA. F.629. OP.2. D.263 – Paper Belonging to the Russian-English Bank Guaranteed and Unguaranteed. 1914. (In Russian).

RSHA. F.629. OP.2. D.264 – Paper, Owned by Russian-English Unguaranteed Bank. 1917. (In Russian).

RSHA. F.629. OP.2. D.265 – Paper Belonging to the Russian-English Unguaranteed Bank. 1917. (In Russian).

RSHA. F.1102. OP.1. D.333 – Benenson Grigory I., Merchant. (In Russian).

RSHA. F.1102. OP.2. D.6 – Davydov Evgeny Fedorovich. (In Russian).

RSHA. F.1425. OP.1. D.392 – Report of the Company Is Tubular, Pipe and Mechanical Plants from 21 October 1915 to January 1, 1917. (In Russian).

Russian Joint-Stock Commercial Banks According to the Reports for the Year 1915 with the Corresponding Data for the Year 1914. Petrograd, The Publication Committee of Congresses of Representatives of Joint-Stock Commercial Banks, 1916. (In Russian).

The Russian State Historical Archive (RSHA). F.23. OP.12. D.205 – Establishing the "Chamber Share Partnership, Benenson" in Baku. 1906 - 1917. (In Russian).

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.058-067*

ОЦЕНКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

ЕРМИШИНА АННА ВЕНИАМИНОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: AVErmishina@sfedu.ru

ЗАЛИЗСКИЙ МАКСИМ ВАДИМОВИЧ,

аспирант кафедры экономической теории экономического факультета,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: zalizskijmax2014@gmail.com

С начала 2000-х годов в России проводится политика привлечения в коммунальную экономику частных операторов, более эффективная деятельность которых должна способствовать повышению производительности труда, снижению издержек и, как следствие, снижению тарифов на услуги. Целью исследования является выявление связи между институциональными вариантами организации коммунальных предприятий и их тарифной политикой на примере сектора водоснабжения и водоотведения в России.

Использование статистического и кластерного анализа эмпирических данных по предприятиям ВКХ 13-ти крупнейших городов России позволило выявить различия в уровне и динамике тарифов в группе муниципальных коммунальных предприятий и водоканалов, управляемых на условиях частно-государственного партнерства. Уровень и темпы роста тарифов в 2011-2014 гг. в группе водоканалов с привлечением частного капитала оказался выше, чем в группе муниципальных водоканалов. Таким образом, привлечение частных операторов в коммунальную экономику России пока не приводит к ожидаемому снижению тарифов.

Ключевые слова: *коммунальная экономика; государственно-частное партнерство; водоснабжение и водоотведение; тарифы на услуги водоснабжения и водоотведения; экономическая эффективность.*

EVALUATION OF ALTERNATIVE INSTITUTIONAL ARRANGEMENTS IN PUBLIC UTILITIES

ERMISHINA ANNA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Economic Theory»,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail AVErmishina@sfedu.ru

ZALIZSKY MAXIM, V.,

Postgraduate Student of the Department «Economic Theory»,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: zalizskijmax2014@gmail.com

© Ермишина А. В., Зализский М. В., 2015

Since early 2000s a policy of attracting private operators to public utilities, which should help to increase productivity, reduce costs, and as a result, reduce utility prices takes place in Russia. The aim of the study is to identify the relationship between institutional arrangements and pricing for water and wastewater services.
Applying statistical and cluster analysis to empirical data on water utilities in 13 largest cities has revealed the differences in the level and dynamics of prices for water and wastewater services in the group of public utilities and public private water utilities. In 2011-2014 the level and growth price rates in the group of public private partnerships were higher than in group of municipal water utilities. Thus, the involvement of private operators has not yet lead to the expected reduction in prices.
Keywords: *public utilities; public private partnerships; water utilities; pricing for water and wastewater services; institutional arrangements; economic efficiency*

JEL*: H44, L33, L97.*

Постановка проблемы

Во всем мире продолжается поиск институциональных альтернатив организации коммунальной экономики, позволяющих обеспечить физическую и ценовую доступность коммунальных услуг для большинства населения и экономическую эффективность деятельности коммунальных предприятий. Крупным сектором российской коммунальной экономики является система водоснабжения и водоотведения. Политика реформирования российского водоснабжения в конце XX – начале XXI вв. формировалась под влиянием моделей мировой практики, сложившихся в сфере производства, финансирования и предоставления услуг водоснабжения в развитых странах Европы. Наибольшую известность среди российских ученых и специалистов отрасли получили три модели, условно называемые «английская», «немецкая» и «французская» в соответствии с названиями стран, в которых эти модели нашли широкое распространение.

«Английская модель» организации водоснабжения, сложившаяся в Великобритании, предполагает полную приватизацию коммунальной инфраструктуры при государственном регулировании тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения. «Немецкая модель» водного хозяйства, сформировавшаяся в Германии, характеризуется высокой степенью участия местных органов власти не только в контроле цен на услуги водоснабжения, но и в самом производстве и предоставлении этих услуг. Муниципалитетами создаются совместные предприятия с операторами в форме открытых акционерных обществ. При этом инфраструктура водоснабжения включается в уставный капитал ОАО в качестве вклада муниципалитета, позволяющего контролировать большинство акций. «Французская модель», получившая распространение во Франции, предполагает передачу местными органами власти в управление частной компании коммунального имущества, принадлежащего муниципалитету, на основании долгосрочного (до 30-35 лет) концессионного соглашения. Право собственности инвестора на имущество и вновь создаваемые объекты прекращается по истечении срока концессии (*Варнавский и др., 2010*).

Идеологи реформирования российского водоснабжения пришли к выводу, что в России наиболее эффективной окажется «французская модель» организации водоснабжения, позволяющая привлекать частный бизнес и частные инвестиции в коммунальную экономику и при этом контролировать производство социально значимых услуг водоснабжения через владение инфраструктурой, которая остается в муниципальной собственности (*Ермишина, 2010*).

Вполне закономерным является вопрос об эффективности различных вариантов организации коммунальной экономики. Каждая из институциональных альтернатив имеет свои недостатки и преимущества. Косвенным критерием экономической и социальной эффективности институциональных альтернатив организации коммунальной экономики является стоимость коммунальных ресурсов

и ее динамика. Многие услуги в коммунальной экономике (в том числе услуги водоснабжения и водоотведения) производятся в условиях естественной монополии. Нерегулируемая естественная монополия считается ситуацией неэффективности рынка, которая проявляется в завышении общественно-оптимальной цены и снижении общественно-эффективного объема выпуска. Регулирование естественных монополий в коммунальной экономике направлено на ограничение стремления монополий к росту цен, что должно в общем случае повысить экономическую эффективность коммунальной экономики. Кроме того, регулируемые тарифы на коммунальные услуги являются важнейшими индикаторами доступности услуг жизнеобеспечения для большей части населения страны, обеспечивая социальную эффективность отрасли.

В последнее десятилетие регулируемые тарифы на услуги ЖКХ в России растут быстрыми темпами, во много раз опережая инфляцию. При этом износ сетей по-прежнему остается высоким, увеличивая риски аварий и снижения качества предоставления услуг. Для повышения качества обслуживания и привлечения инвестиций с начала 2000-х годов в России проводится политика привлечения в отрасль частных операторов. Более эффективная деятельность в условиях частно-государственного партнерства должна способствовать повышению производительности труда в отрасли, снижению издержек и, как следствие, снижению тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения.

Анализ институциональных альтернатив предоставления услуг водоснабжения в зарубежной литературе

В зарубежной литературе активно изучаются результаты функционирования различных институциональных альтернатив организации коммунальной экономики в сфере водоснабжения. Однако лишь небольшое число эмпирических работ посвящены исследованию связи между институциональными вариантами организации коммунальной экономики и тарифами на воду.

Так, С. Гарсия и др. (*Garcia et al., 2005*) исследуют влияние технических факторов, конкуренции и стратегий компаний на цены на воду во Франции, показывая, что локальные стратегии операторов коммунального сектора оказывают существенное влияние на уровень цен. Д. Холл и Э. Лобина (*Hall* and *Lobina, 2004; Lobina, 2005*) эмпирически доказывают, что приватизация водоснабжающих предприятий иногда приводит к необоснованному росту цен. Э. Чонг и др. (*Chong et al., 2006*) также показали на примере водоснабжения во Франции, что выбор любой формы государственно-частного партнерства взамен прямого государственного/муниципального управления, скорее всего, приводит к увеличению стоимости услуг городского водоснабжения.

Дж. Капентиер и др. (*Carpentier et al., 2006*) также сравнивали государственные и частные водоканалы во Франции, установив, что цены оказываются выше при частном управление главным образом потому, что частные операторы сталкиваются с более жесткой внешней средой. Кроме того, в этой статье сделан вывод, что стремление местных органов власти приватизировать услуги городского водоснабжения стимулируется технической сложностью их обеспечения. Р. Мартинез-Эспинериа и др. (*Martinez-Espineira et al., 2009*) также обнаружили, что приватизация приводит к увеличению цены на воду в крупных городских испанских муниципалитетах. С. Руестер и М. Шилле (*Ruester* and *Zschille, 2010*) изучали связь между формами управления водоснабжающих предприятий в Германии и ценами для потребителей, контролируя экономию от масштаба и технические и структурные характеристики водоканалов. Главный вывод этого исследования состоит в том, что участие частного сектора приводит к увеличению цен на воду.

В недавних исследованиях М. Гарсия-Валинаса и др. (*García-Valiñas et al., 2013*) выявлена взаимосвязь между различными институциональными вариантами организации коммунальной экономики и уровнем городских цен на воду для населения на примере муниципалитетов в южной испанской провинции Андалусия.

Формой управления водоснабжением, которая приводит к самым низким ценам на воду для населения, оказалось предоставление услуг самим муниципалитетом. На втором месте - предприятия городского водоснабжения, управляемые частными операторами по контракту. А вот муниципальные предприятия, согласно исследованию, устанавливают более высокие цены, чем коммунальные компании с участием частного сектора.

Государственная политики регулирования водоснабжения в России

Государственная политика в коммунальном секторе России в последние годы заключалась, с одной стороны, в формировании бизнес-среды в секторе путем развития процессов приватизации и использования частно-государственного партнерства (ГЧП или ЧГП), с другой стороны, в решении на федеральном уровне вопросов тарифного регулирования, которое является одним из основных факторов риска привлечения инвестиционных ресурсов в коммунальный сектор. В настоящее время в России в сфере водоснабжения и водоотведения присутствуют унитарные предприятия в государственной или муниципальной собственности и частные операторы (ОАО (ООО) с долей собственности частных компаний), функционирующие в режиме государственно-частного партнёрства. Основной объем производства и предоставления услуг водоснабжения и водоотведения в России обеспечивается предприятиями муниципальной собственности в форме муниципальных унитарных предприятий. На долю прочих форм управления приходится 26,6% от общего объема отпуска воды населению, из них более 2/3 обеспечивается частными организациями коммунального комплекса, 1/5 объектов и сетей водоснабжения и водоотведения находится в аренде или концессии (19,4% - в аренде, 0,6% - в концессии).

Анализ приватизационных процессов в российском водо-канализационном хозяйстве позволяет выявить следующие отличительные черты:

- долгосрочный характер аренды (25-49 лет), близкий к классическому договору концессии;
- частные операторы работают преимущественно по договорам долгосрочной аренды с инвестиционными обязательствами;
- отсутствие общественных обсуждений при проведении конкурсов и определении условий договора;
- в составе переговорных сторон не представлены профессиональные союзы и общественные организации потребителей;
- в качестве арендаторов выступают крупные межрегиональные компании, аффилированные с бизнесом в других отраслях;
- арендаторы заинтересованы, как правило, в крупных объектах больших городов;
- арендаторы осуществляют значительную часть инвестиций за счет бюджетных средств (*Ермишина, 2013*).

Кроме того, по оценкам экспертов, ГЧП в водоснабжении российских территорий характеризуется следующими фактами:

– показатели улучшились, однако нет убедительных доказательств преимущества работы частных операторов в сравнении с ВКХ в целом;
– институциональные и правовые условия деятельности организаций улучшаются, но их пока недостаточно для реализации концессионных соглашений;
– все еще сохраняются высокие барьеры для вхождения на рынок международных частных операторов (*Родионов* и *Сиваев, 2011*).

Качественных эмпирических исследований экономических и институциональных изменений в процессе реформирования российского ЖКХ явно недостаточно. Полностью отсутствуют работы, посвященные исследованиям влияния институциональных факторов, к которым относится изменение форм управления коммунальными предприятиями, на результаты тарифной политики в отрасли.

Целью нашего исследования является разработка и апробация методологических подходов к эмпирической оценке эффективности различных институциональных альтернатив организации коммунальной экономики на основе выявления связи между формами управления коммунальными предприятиями и их тарифной политикой в секторе водоснабжения и водоотведения в России.

Описание эмпирической базы и методов исследования

Для исследования влияния формы управления коммунальным предприятием на уровень и динамику тарифов на водоснабжение были выбраны тринадцать крупнейших (с численностью населения от более одного миллиона человек) городов России. Ведущие производители услуг водоснабжения и водоотведения в этих городах – крупнейшие водоканалы страны, фактически локальные монополисты городов-миллионников (см. табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие водоканалы России на 1 января 2014 г.

№ п/п	Города	Население, чел. на 1 января 2014 г.	Название водоснабжающей организации
1	г. Новосибирск	1 547 910	МУП «ГОРВОДОКАНАЛ»
2	г. Екатеринбург	1 412 346	МУП "Водоканал"
3	г. Нижний Новгород	1 263 873	ОАО "Нижегородский водоканал" (с 2006 г.)
4	г. Казань	1 190 850	МУП "Водоканал"
5	г. Самара	1 172 348	МП «Самараводоканал» (до 2011 г.); ООО "Самарские коммунальные системы" (с 2011 г.)
6	г. Челябинск	1 169 432	МУП "ПОВВ"
7	г. Омск	1 166 092	ОАО "Омскводоканал" (с 2005 г.)
8	г. Ростов-на-Дону	1 109 835	ОАО "ПО Водоканал" (с 2004 г.)
9	г. Уфа	1 096 702	МУП "Уфаводоканал"
10	г. Красноярск	1 035 528	ООО "КрасКом" (с 2003 г.)
11	г. Пермь	1 026 477	ООО "Новогор-Прикамье" (с 2003 г.)
12	г. Волгоград	1 017 985	МУП "Горводоканал г. Волгограда"
13	г. Воронеж	1 014 610	МУП "Водоканал Воронежа" (до 2012 г.), ООО «РКС-Воронеж»" (с 2012 г.)

Источник: *составлено авторами по данным на официальных страницах организаций и Федеральной службы государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/bul_dr/mun_obr2014.rar).*

На 1 января 2014 г. муниципальные водоканалы обслуживали шесть крупнейших городов России, а семь крупнейших городов обслуживали водоканалы с долей собственности частных операторов. Частный капитал во всех городах привлекался в разное время, одними из первых в России по этому пути пошли такие города, как Красноярск и Пермь, где частное управление сетями ВКХ осуществляется с 2003 года. В Ростове-на-Дону и Омске частные операторы управляют инфраструктурой ВКХ с 2004-2005 годов. Города с самым небольшим опытом работы с частным оператором в водоснабжении - это Самара (с 2011 г.) и Воронеж (с 2012 г.). Таким образом, большая часть частных операторов осуществляют свою деятельность в крупнейших городах России более пяти лет.

Для исследования необходимо сравнить тарифы на водоснабжение и водоотведение за последние пять лет в городах, которые обслуживают водоканалы с разными институциональными вариантами организации коммунальных предприятий. В табл. 2 представлены тарифы на водоснабжение и водоотведение в крупнейших городах России в динамике за последние пять лет.

Таблица 2

Тарифы на услуги по водоснабжению и водоотведению в крупнейших городах России за 2010-2014 гг., руб./ куб. м

	2010	2011	2012	2013	2014
МУП "Горводоканал" (Новосибирск)	14,22	21,3	20,09	23,78	23,78
МУП "Водоканал" (Екатеринбург)	27,52	31,56	35,52	40,05	40,05
МУП "Водоканал" (Казань)	22,78	23,51	26,06	27,13	29,61
МУП "ПОВВ" (Челябинск)	18,87	20,46	21,7	24,3	27,57
МУП "Уфаводоканал"	14,77	17,04	22,51	24,05	24,05
МУП "Горводоканал г. Волгограда"	21,36	20,92	23,18	25,18	29,1
МУП "Водоканал Воронежа"	21,69	23,34	27,54		
ООО "РКС-Воронеж"				30,25	40,79
МП «Самараводоканал»	17,56	21,64			
ООО "Самарские коммунальные системы"			23,15	27,45	27,45
ОАО "Нижегородский водоканал"	16,14	22,38	20,38	23,94	23,94
ОАО "Омскводоканал"	19,51	20,95	25,58	30,23	32,72
ОАО "ПО Водоканал" (Ростов-на-Дону)	29,35	44,69	48,6	58,12	58,03
ООО "КрасКом" (Красноярск)	16,42	18,14	20,39	22,59	22,59
ООО "Новогор-Прикамье" (Пермь)	43	33,77	31,23	33,19	36,12
Корреляция	**0,22**	**0,28**	**0,19**	**0,25**	**0,28**

Источник: *рассчитано авторами по данным на официальных страницах организаций.*

Результаты анализа эмпирических данных

В группе муниципальных водоканалов по уровню тарифов в 2010-2014 гг. лидировал водоканал Екатеринбурга, а в группе немуниципальных операторов – водоканал города Ростова-на-Дону с тарифами на 41-56% выше тарифов в Екатеринбурге. Средние тарифы по группам также оказались выше на 11-19% в группе водоканалов с частным оператором. Между формами управления коммунальными предприятиями и тарифами на услуги на протяжении 2010-2014 гг. существовала положительная корреляция средней степени (0,19-0,28). В группе коммунальных предприятий с частным управлением тарифы оказываются в среднем выше, чем в группе муниципальных унитарных предприятий.

Результаты анализа динамики тарифов коммунальных предприятий водоснабжения в крупнейших городах России представлены в табл. 3.

Таблица 3

Динамика тарифов на водоснабжение и водоотведение в период с 2011 по 2014 гг. в крупнейших городах России, %

	2011/2010	2012/2011	2013/2012	2014/2013	2014/2010
Муниципальные унитарные предприятия					
МУП "Горводоканал" (Новосибирск)	49,79	-5,68	18,37	0	67,23
МУП "Водоканал" (Екатеринбург)	14,68	12,55	12,75	0	45,53
МУП "Уфаводоканал"	15,37	32,10	6,84	0	62,83
МУП "Водоканал" (Казань)	3,20	10,85	4,11	9,14	29,98
МУП "Горводоканал г. Волгограда"	-2,06	10,80	8,63	15,57	36,24
МУП "Водоканал Воронежа"	7,61	17,99			

Продолжение Табл. 3

	2011/2010	2012/2011	2013/2012	2014/2013	2014/2010
МУП "ПОВВ" (Челябинск)	8,43	6,06	11,98	13,46	46,10
МП «Самараводоканал»	23,23				
Операторы с долей частной собственности					
ООО "РКС-Воронеж"			9,84	34,84	88,06
ОАО "ПО Водоканал" (Ростов-на-Дону)	52,27	8,75	19,59	-0,15	97,72
ОАО "Нижегородский водоканал"	38,66	-8,94	17,47	0	48,33
ООО "Самарские коммунальные системы"		6,98	18,57	0	56,32
ООО "КрасКом" (Красноярск)	10,48	12,40	10,79	0	37,58
ООО "Новогор-Прикамье" (Пермь)	-21,47	-7,52	6,28	8,83	-16,00
ОАО "Омскводоканал"	7,38	22,10	18,18	8,24	67,71

Источник: *рассчитано авторами по данным табл. 2.*

В городах с муниципальной формой управления самый высокий прирост тарифов в сравнении с прошлым годом наблюдался в Новосибирске в 2011 году, он составил 49,79%. В следующем году тарифы были понижены на 5,68%, однако общий прирост тарифов на услуги водоканала Новосибирска за пять лет составил 67,23% и также оказался наибольшим по группе муниципальных водоканалов.

В группе городов, где услуги водоснабжения и водоотведения предоставляются операторами с долей частной собственности, наибольшее повышение тарифов в сравнении с предыдущим годом имело место в Ростове-на-Дону: регулируемые тарифы на услуги водоканала были повышены на 52,28% в сравнении с предыдущим годом в 2011 году. Ростов-на-Дону остается лидером и по повышению тарифов за пять лет (97,72%). Значительный рост тарифов на услуги водоканала наблюдался в Воронеже после прихода к управлению частного оператора ООО "РКС-Воронеж". В целом за 5 лет рост тарифов в Воронеже составил более 88%. Однако в этой группе есть и водоканал в Перми, который снизил тарифы более чем на 21% в 2011 г., а в динамике за пять лет снижение тарифа ООО "Новогор-Прикамье" составило 16%. Это единственное предприятие, динамика тарифов которого отличается от всех остальных водоканалов обеих групп. Однако в целом в группе немуниципальных водоканалов наблюдался более быстрый рост тарифов на воду в течение 2011-2014 годов, чем в группе муниципальных водоканалов крупнейших городов России.

Выводы и их интерпретация

Таким образом, привлечение частного капитала в российский коммунальный сектор пока не привело к ожидаемым позитивным изменениям тарифной политики. Уровень тарифов и их динамика в группе водоканалов с привлечением частного капитала в 2010-2014 гг. оказались выше, чем у водоканалов с муниципальной формой управления в крупнейших городах России. Возможно, рост тарифов водоканалов, управляемых частными операторами, обусловлен разработкой и

выполнением инвестиционных программ коммунальных предприятий в крупнейших российских городах. Необходим также учет и других факторов, что создает перспективы дальнейших исследований результатов привлечения частного бизнеса в коммунальную экономику России и оценки эффективности институциональных альтернатив организации коммунальной экономики. В то же время развитие ситуации в Перми создает надежду на формирование позитивных ожиданий относительно тарифной политики водоканалов, управляемых с использованием модели частно-государственного партнерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варнавский В. Г., Клименко А. В. и *Королев В. А.* (2010). Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Ермишина А. В. (2010). Сравнительный анализ институциональных альтернатив функционирования предприятий коммунальной экономики // *Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая*, Вып. 38-1. Донецк: ДонГТУ, с. 193-203.

Ермишина А. В. (2013). Модернизация институтов финансирования инвестиционных расходов в российском ЖКХ (на примере водоснабжения) / *Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие: Шестая международная конференция*; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет; 17-19 апреля 2013 г.: Сборник статей. Том 2 / Под ред. А. А. Аузана, В. П. Колесова, Л. А. Тутова. М.: ТЕИС, с. 524-532.

МУП "Водоканал" (Екатеринбург). (http://www.водоканалекб.рф/ - Дата обращения: 04.03.2015).

МУП "Водоканал" (Казань). (http://www.kznvodokanal.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

МУП "Горводоканал г. Волгограда". (http://www.mupgvv.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

МУП "Горводоканал" (Новосибирск). (http://www.gorvodokanal.com/ - Дата обращения: 04.03.2015).

МУП "ПОВВ" (Челябинск). (http://voda.uu.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

МУП "Уфаводоканал". (http://www.ufavodokanal.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ОАО "Нижегородский водоканал". (http://www.vodokanal-nn.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ОАО "Омскводоканал". (http://www.omskvodokanal.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ОАО "ПО Водоканал" (Ростов-на-Дону). (http://vodokanal.rnd.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ООО "КрасКом" (Красноярск). (http://www.kraskom.com/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ООО "Новогор-Прикамье" (Пермь). (http://www.novogor.perm.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ООО "РКС-Воронеж". (http://www.voronezh-rvk.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

ООО "Самарские коммунальные системы". (http://samcomsys.ru/ - Дата обращения: 04.03.2015).

Родионов А. и *Сиваев С.* (2011). Участие частного сектора в водоснабжении и водоотведении в странах ВЕКЦА // *ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера*, № 10, с. 52-53.

Chong E., Huet F., Saussier S. and *Steiner F.* (2006). Public-private partnerships and prices: evidence from water distribution in France // *Review of Industrial Organization,* no. 29 (1/2), pp. 149-169.

Garcia S., Guerin-Schneider L. and *Fauquert G.* (2005). Analysis of water price determinants in France: cost recovery, competition for the market and operator's

strategy // *Water Supply,* no. 5 (6), pp. 173-181.

García-Valiñas M. A., González-Gómez F. and *Picazo-Tadeo A. J.* (2013). Is the price of water for residential use related to provider ownership? Empirical evidence from Spain // *Utilities Policy,* no. 24, pp. 9-69.

Hall D. and *Lobina E.* (2004). Private and public interests in water and energy // *Natural Resources Forum*, no. 28, pp. 268-277.

Lobina E. (2005). Problems with private water concessions: a review of experiences and analysis of dynamics // *Water Resources Development*, no. 21 (1), pp. 55-87.

Martinez-Espineira R., Garcia-Valinas M. A. and *Gonzalez-Gomez F.* (2009). Does private management of water supply services really increase prices? An empirical analysis // *Urban Studies,* no. 46 (4), pp. 923-945.

Ruester S. and *Zschille M.* (2010). The impact of governance structure on firm performance: an application to the German water distribution sector // *Utilities Policy*, no. 18 (3), pp. 154-162.

REFERENCES

Chong E., Huet F., Saussier S. and *Steiner F.* (2006). Public-private partnerships and prices: evidence from water distribution in France. *Review of Industrial Organization,* no. 29 (1/2), pp. 149-169.

Ermishina A. V. (2010). Comparative analysis of the institutional alternatives functioning of enterprises of communal economy. *Proceedings of the Donetsk National Technical University. Series: economic.* Issue 38-1. Donetsk, Donetsk State Technical University, pp. 193-203. (In Russian).

Ermishina A. V. (2013). Modernization of institutions financing investment spending in the Russian housing and communal services (for example water) / *Innovative Development of Russia's Economy: Regional Diversity: The Sixth International Conference;* Moscow, Moscow State University, Department of Economics; April 17-19, 2013 .: Proc. Vol. 2 / Ed. by A. A. Auzan, V. P. Kolesov, L. A. Tutova. Moscow, TEIS Publ., pp. 524-532. (In Russian).

Garcia S., Guerin-Schneider L. and *Fauquert G.* (2005). Analysis of water price determinants in France: cost recovery, competition for the market and operator's strategy. *Water Supply,* no. 5 (6), pp. 173-181.

García-Valiñas M. A., González-Gómez F. and *Picazo-Tadeo A. J.* (2013). Is the price of water for residential use related to provider ownership? Empirical evidence from Spain. *Utilities Policy,* no. 24, pp. 9-69.

Hall D. and *Lobina E.* (2004). Private and public interests in water and energy. *Natural Resources Forum*, no. 28, pp. 268-277.

JSC "Nizhegorodskiy vodokanal". (http://www.vodokanal-nn.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

JSC "Omskvodokanal". (http://www.omskvodokanal.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

JSC "PO Vodokanal" (Rostov-on-Don). (http://vodokanal.rnd.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Lobina E. (2005). Problems with private water concessions: a review of experiences and analysis of dynamics. *Water Resources Development*, no. 21 (1), pp. 55-87.

Ltd. "KrasKom" (Krasnoyarsk). (http://www.kraskom.com/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Ltd. "Novogor-Prikame" (Perm). (http://www.novogor.perm.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Ltd. "Samarskie kommunalnyie sistemyi". (http://samcomsys.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Ltd. "RKS-Voronezh". (http://www.voronezh-rvk.ru - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Martinez-Espineira R., Garcia-Valinas M. A. and *Gonzalez-Gomez F.* (2009). Does private management of water supply services really increase prices? An empirical analysis. *Urban Studies,* no. 46 (4), pp. 923-945.

MUP "Gorvodokanal" (Novosibirsk). (http://www.gorvodokanal.com/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

MUP "Gorvodokanal Volgograda". (http://www.mupgvv.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

MUP "POVV" (Chelyabinsk). (http://voda.uu.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

MUP "Ufavodokanal". (http://www.ufavodokanal.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

MUP "Vodokanal" (Ekaterinburg). (http://www.vodokanalekb.rf/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

MUP "Vodokanal" (Kazan). (http://www.kznvodokanal.ru/ - Access Date: 04.03.2015). (In Russian).

Rodionov A. and *Sivaev S.* (2011). Private sector participation in water supply and sanitation in EECCA. *ZhKH: Journal of Head and Chief Accountant [Zhurnal Rukovoditelya i Glavnogo Buhgaltera]*, no. 10, pp. 52-53. (In Russian).

Ruester S. and *Zschille M.* (2010). The impact of governance structure on firm performance: an application to the German water distribution sector. *Utilities Policy*, no. 18 (3), pp. 154-162.

Varnavskiy V. G., Klimenko A. V. and *Korolev V. A.* (2010). Public-private partnership. Theory and practice. Moscow, Publ. House of SU HSE. (In Russian).

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.068-083*

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА,

магистр экономических наук,
аспирантка, преподаватель экономического факультета,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Белоруссия,
e-mail: ale9088@yandex.ru

В статье рассматривается влияние неформальных институтов на определение вектора интеграционных процессов и развитие интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины. Определяется степень научной разработки данного феномена в рамках различных экономических школ. Экономическая ментальность является базовым неформальным институтом, определяющим степень эффективности развития интеграционных процессов. В данной статье рассматриваются сущность, характеристики и влияние экономической ментальности на экономическую деятельность людей. Этнометрический метод позволяет измерить количественно экономическую ментальность, что дает возможность глубже понимать и анализировать становление и функционирование политико-экономического строя, особенности ведения бизнеса и менеджмента, установления контактов с другими культурами. На основе международной методики Хофстеда была измерена современная белорусская экономическая ментальность и сопоставлена с экономической ментальностью России, Украины и Казахстана. С помощью кластерного анализа была определена конгруэнтность экономической ментальности стран Таможенного союза и Украины. Экономическая ментальность данных стран была также сопоставлена с экономической ментальностью других стран с целью определения основных типов экономической культуры.

Ключевые слова: *неформальные институты; экономическая ментальность; Таможенный союз; кластеризация; конгруэнтность. конвергенция.*

IMPACT OF INFORMAL INSTITUTIONS ON THE DEVELOPMENT INTEGRATION PROCESSES

SIDOROVA ALEXANDRA, M.,

Master of Economic Science,
Postgraduate Student, Lecturer of Economic Faculty,
Belarus State University, Minsk, Belarus,
e-mail: ale9088@yandex.ru

The paper deals with the impact of informal institutions on the definition of the vector integration processes and the development of integration processes in the countries of the Customs Union and Ukraine. The degree of scientific development of the phenomenon in different economic schools is determined in this article. Economic mentality is a basic informal institutions, which determines the degree of effectiveness of the integration processes. This paper examines the nature, characteristics and effects of economic mentality on the economic activities of people. Ethnometrichal method allows to quantify the economic mentality that enables deeper understanding and analysis of the formation

© Сидорова А. М., 2015

and functioning of political and economic system, especially business and management, establishing contacts with other cultures. It was measured modern Belarusian economic mentality based on international methodology Hofstede and compared with the economic mentality of Russia, Ukraine and Kazakhstan. With the help of cluster analysis congruence economic mentality of the Customs Union and Ukraine was determined. Economic mentality of these countries was also compared with the economic mentality of other countries in order to identify the main types of economic culture.
Keywords: *informal institutions; economic mentality; Customs Union; clustering; congruence, convergence.*

JEL: *A10, A13, B15.*

Постановка проблемы

В современном мире одним из важнейших векторов развития является создание интеграционных образований. С целью увеличения экономического потенциала и усиления политического влияния на мировой арене страны стремятся объединяться в интеграционные союзы. Наибольшую важность и значимость приобретают экономическая и политическая интеграции.

Экономическая интеграция позволяет использовать преимущества от масштаба, расширить рынок, увеличить приток инвестиций из-за рубежа, создать более благоприятную внешнеэкономическую среду, разрешить многие проблемы торговой политики, провести структурную перестройку стран, развить национальную экономику более высокими темпами, расширить инфраструктуру, внедрять новейшие технологии.

Политическая интеграция позволяет в более сжатые сроки согласовать общую внешнюю и внутреннюю политику, проводить и защищать свои интересы на международной арене.

Начало 90-х годов XX века ознаменовалось глубокими экономическими реформами, которые затронули все "новые" страны, получившие реальную независимость после распада СССР. Каждой стране пришлось искать свой путь развития и строить свою государственность.

Несмотря на полученную независимость постсоветскими странами, СССР представлял собой высокоинтегрированную систему, где все отдельные части были тесно связаны друг с другом. Это было обусловлено разделением труда между бывшими членами СССР, длительностью совместного проживания многих народов в рамках одного государства, производственной и технологической взаимозависимостью.

Несмотря на противоположные тенденции в политике постсоветских стран, развитие интеграционных преобразований является достаточно перспективным, так как может принести большое количество экономических выгод.

Одним из наиболее значимых примеров интеграционного объединения является Таможенный союз, предусматривающий создание единой таможенной территории, в пределах которой во взаимной торговле товарами не взимаются таможенные пошлины и не накладываются другие ограничения экономического характера, а также применяются единые таможенные тарифы и другие меры регулирования при торговле с другими странами.

При исследованиях как самих институтов и институционального устройства социально-экономической системы, так и основных институтов стран, которые способствуют или препятствуют эффективной и успешной интеграции или появляются после создания интеграционных образований, основное внимание уделяется формальным правилам и механизмам их функционирования. Однако неформальные институты имеют огромное влияния на поведение различных субъектов. Д. Норт писал в своем фундаментальном исследовании, что "даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие

перед нами ситуации выбора; несложно увидеть, что неформальные правила пронизывают всю нашу жизнь" (*Норт, 1997. С. 56*). И в отличие от формальных институтов, неформальные институты не могут возникнуть мгновенно "по заказу". Они выступают, как продукт спонтанной эволюции и свободного выбора людей. Они основаны на эмоциональных, религиозных, этнических факторах (*Либман, 2006. С. 53-64*).

Различные экономические школы в явном или неявном виде затрагивали некоторые аспекты неформальных институтов. В первую очередь, они изучали культурные ценности как одну из детерминант экономического поведения.

Таблица 1

Изучение влияния неформальных институтов в разрезе экономических школ

Экономическая школа (направление)	**Основные выводы**
Классическая школа	1. Неформальные институты как основа идеологии, предопределяющая возможность функционирования рыночной экономики. 2. Изучение законов человеческой природы, определяющих экономическое поведение. 3. Определение важности ценностей и нравственности общества, которые определяют тип экономической системы. 4. Постепенно "вынос" законов человеческой природы и нравственных норм за пределы экономического анализа.
Неоклассическая теория	признавала необходимость изучения факторов и мотивов, формирующих экономическое поведение субъектов хозяйствования, но выведение данных факторов и мотивов из анализа; предполагается, что предпочтения заданные экзогенно.
Институционализм	1. Введение понятия институтов как центральной единицы анализа; институт – это в первую очередь обычаи, традиции и привычки. 2. Изучение влияния неэкономических факторов на экономическое поведение. 3. Внедрение изучения экономической ментальности в предмет экономической науки.
Историческая школа	1. Экономика как одна из частей социальной сферы. 2. Культура, обычаи и традиции определяют тип экономической системы и формы хозяйственной деятельности, степень развития производительных сил, формируя уникальную модель системы хозяйствования.
Шумпетер	люди основывают свои действия и решения согласно привычкам и предыдущему опыту, а меняют свое поведение лишь тогда, когда к этому вынуждают обстоятельства. Обосновывал важность изучения психологических факторов и их влияние на новаторское поведение.

Продолжение Табл. 1.

Марксизм	человек – существо общественное; совокупность общественных отношения и культура воплощается в материально-вещественных формах производства.
Эволюционная теория	при принятии решения индивид пользуется своими привычками и умениями, а организационная структура рутинами, которые представляют собой знания, навыки и устоявшиеся модели поведения, которыми пользуются на бессознательно-сознательном уровне.
Неоинституционализм	1. Обосновано, что “институты имеют значение”. 2. Введено само понятие неформальных институтов в экономическую науку и обозначена их роль в социально-экономической динамике. 3. Разработана концепция path dependence – зависимость от предшествующей траектории развития.
Отечественная экономическая мысль	тесная взаимосвязь экономики с нравственностью, влияние психологических факторов на экономическое поведение.
Современная экономическая наука	изучение неформальных институтов как важных детерминант поведения людей и принятия ими хозяйственных решений. Нормы, обычаи, традиции, привычки оказывают влияние на принятие экономических решений субъектами хозяйствования и играют важнейшую роль в выборе институционального устройства и вектора сотрудничества с другими странами, причем мотивы поведения людей и принятия ими решений гораздо сложнее, чем в упрощенных моделях принятия решений, описываемых на основе принципа максимизации полезности. Активное применение междисциплинарного подхода: использование теоретических достижений социологии и психологии, применение различных методик для оценки хозяйственной культуры. Концептуальная разработка понятия неформальных институтов и экономической ментальности. На постсоветском пространстве анализ духовной составляющей народов и ее соответствие проводимым реформам, изучение экономической ментальности как базового неформального института и ее оценка, обоснование важности ментальных и культурных факторов как важных предпосылок развития интеграционных процессов.

Источник: *авторская разработка.*

Изначально внимание к феномену неформальных институтов привлекли ранние институционалисты, для которых было характерно включение непосредственно в предмет исследования поведения людей и факторы его обуславливающие. Присутствовало осознание приоритета ментальности социальных групп и ее влияния на хозяйственную деятельность. Единицей анализа являлся институт, под которым понималась преимущественно совокупность правил, обычаев, способов и стереотипов мышления и поведения индивидов как членов социальных групп и общества в целом (например, Т. Веблен включал инстинкты в предмет

изучения экономической науки). Представителями раннего институционализма понимались важность и значение предшествующего социального развития и унаследования ментальных особенностей, регулирующих и регламентирующих взаимодействие людей. Веблен отмечал, что для того, чтобы особенность поведения сохраняла свою силу и повторялась, необходимо, чтобы она опиралась на привычку или предрасположенность (*Веблен, 1984. С. 104*).

Внимание к данному феномену все возрастает, особенно со времени разработки методики измерения культур Хофстеда. Также влияние неформальных институтов изучали Ф. А. Хайек, Д. Норт, Э. Рих, А. Сен, Э. де Сото и др.

На постсоветском пространстве также активно проводятся исследования в данной области. В первую очередь это связано с распадом СССР и началом проведения рыночных реформ. В основном данные исследования проводятся в рамках институционального направления, концентрируясь на анализе духовной составляющей народов и ее соответствии проводимым реформам, изучении этнических характеристик народов и их количественном измерении, влиянии духовной сферы на экономику (З. В. Сикевич, П. Н. Шихирева, М. В. Грачева, Ю. В. Латов, Н. В. Латова, В. А. Сумин, Л. Г. Горичева, В. С. Магун, М. Г. Руднев и др.).

Различные ученые исследуют, каким образом неформальные институты влияют на политическое устройство, судебную, законодательную и избирательную систему и на прочие формальные институты, определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, что, в конечном итоге, позволило сделать ряд важных выводов (*Helmke, 2012*).

Неформальные институты способствуют организации реального функционирования интеграционного объединения. Расширение и закрепление эффективных экономических взаимосвязей возможно лишь тогда, когда оно будет основано на конгруэнтных неформальных институтах, а интеграционные процессы будут основаны на дальнейшем развитии и закреплении ценностей, традиций, норм консолидированного экономического поведения (*Акопян, 2008. С. 39-42*). Неформальные институты во многом определяют качество созданного интеграционного образования, его масштабы, отличительные черты, структуру, общую стратегию взаимодействия и основные мотивы.

Накопленный исторический опыт интеграционного взаимодействия показывает, что стратегия и тактика стран, которые участвуют в интеграционном объединении, во многом соответствуют устоявшейся в этих странах системе ценностей и традиций, сложившихся порядков, типов социально-экономической системы (*Барковский, 2003. С. 131-145*). Наличие конгруэнтных неформальных институтов определяет вектор интеграционного развития и обеспечивает более эффективное проведение интеграционных процессов. Поэтому важно, чтобы в ситуации развития интеграционных процессов и формирования новой институциональной основы учитывались не только существующая политическая и социально-экономическая система, но и неформальные институты, исторически сложившиеся в странах.

Экономическая ментальность как базовый элемент неформальных институтов и ее роль в развитии интеграционных процессов

Национальная экономическая ментальность является фундаментальным неформальным институтом, детерминирующим вектор и результаты, как институциональных преобразований, так и вектор интеграционного развития (*Лемещенко* и *Сидорова, 2013. С. 28-36*).

Поэтому на современном этапе в рамках исследования духовных основ человеческого поведения и тех механизмов, которые определяют тот или иной выбор человека или социума, целесообразно обратиться к феномену экономической

ментальности как базовому неформальному институту, который определяет как неформальные, так и формальные институты, а также обеспечивает вектор взаимодействия и стратегию реформирования социально-экономической системы (см. рис. 1).

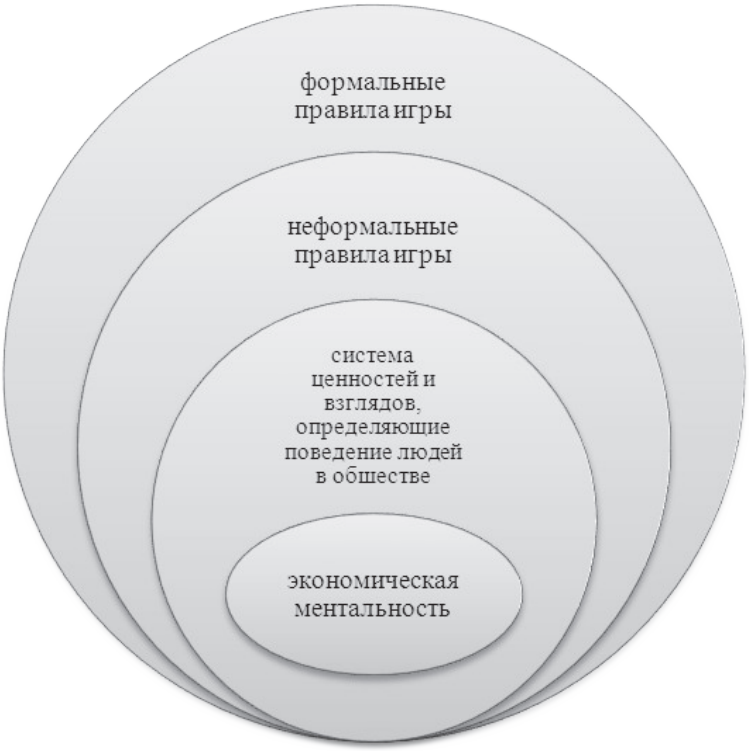

Рис. 1. *Структура института*
Источник: *авторская разработка.*

Экономическая ментальность – это продукт историко-культурного наследия, который является цементирующим элементом, объединяющим людей в общность. Именно тут находятся глубинные психологические установки, их реакции, стимулы, стереотипы поведения. Это, по сути, бессознательный уровень, который зачастую выпадает из исследований, но играет первичную роль, как в любых преобразованиях, так и в развитии интеграционных процессов (*Дефорж, 2007. С. 167-171*). Именно данный бессознательный уровень формирует систему ценностей, вполне осознаваемую, которой руководствуется человек или группа людей в принятии решений.

Впоследствии система ценностей образует неформальные правила игры, которые представлены в обществе социальными нормами, а формальные – закрепляются юридическими документами.

Из этой схемы видно, что проведение фундаментальных преобразований требует изменения в самом ядре социально-экономической системы. Причем необходимо также учитывать следующие факторы: системность и тесную взаимосвязь всех институтов между собой, неоднородность их состава (*Кузьминов, Радаев, Яковлев* и *Ясин, 2005. С. 5-27*).

Более того, понимание взаимосвязи и взаимообусловленности формальных и неформальных изменений является ключом к пониманию всей динамики институциональных трансформаций, вопросу, имеющему большое значение для постсоветских стран (*Кузьминов, 1992. С. 44-57*).

Многие исследователи видят именно в неформальных институтах (в особенности ментальности) институциональный “скелет”, содержащий весь

генетический материал, обеспечивающий социальное воспроизводство данного типа (*Дегтярева, 2006. С. 50-55*). Менталитет определяет сущность всей системы, соотношение формальных и неформальных институтов, неизменность и одновременно с этим предпосылки к интеграционным процессам разных стран.

В основе выбора стратегии реформирования социально-экономической системы лежит идея динамики взаимодействия экономической ментальности как базового неформального института, определяющую всю структуру неформальных институтов с формальными институтами.

Таблица 2

Модели взаимодействия экономической ментальности и формальных институтов

Модели взаимодействия	Характер взаимодействия	Результат взаимодействия
Полная конгруэнтность экономической ментальности и формальных институтов	присутствует конвергенция	высокие темпы реформирования; низкие издержки; основные стратегии – выращивание институтов с учетом экономической ментальности и легализация существующих неформальных норм (генетическая стратегия)
Относительная конгруэнтность экономической ментальности и формальных институтов	присутствует конвергенция	относительная эффективность; основные стратегии – создание промежуточных институтов, их конструирования с учетом экономической ментальности и поставленной цели (генетическая стратегия)
Отсутствие конгруэнтности экономической ментальности и формальных институтов	присутствует дивергенция	низкая эффективность; высокие издержки; основная стратегия – импорт (трансплантация) институтов (теологическая стратегия)

Источник: *авторская разработка.*

Неучет экономической ментальности может привести к хаотичности, разрозненности, неустроенности последствий проводимых изменений (*Малый, 2007. С. 32-37*). Это касается и интеграционного развития. По аналогии со стратегиями институциональных изменений, интеграционные процессы могут идти двумя направлениями:

- Теологическим. Развитие интеграционных процессов обусловлено политической волей, а за шаблон берется уже созданное интеграционное объединение.
- Генетическим. Основой интеграционных процессов являются исторические

процессы и общность неформальных институтов, которые сложились в данных странах.

Многие исследователи акцентируют внимания на существовании многих проблем теологической стратегии, а поэтому популярной становится идея перехода на генетический путь интеграционного развития. Для этого необходимо знать особенности исторического развития и их влияние на современное состояние, а также особенности самой нации. Это подводит к необходимости изучения экономической ментальности (ее сущности, структуры, проявления в жизни общества и т.д.).

А. Олейник в учебнике "Институциональная экономика" так определяет категорию экономическая ментальность: экономическая ментальность характеризует специфику сознания населения, которое складывается исторически и проявляется в единстве сознательных и несознательных ценностей, норм и установок, которые отображаются в поведении населения. Она включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, а также степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту (*Олейник, 2005. С. 702*).

Сущность, особенности и характеристики экономической ментальности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сущность, особенности и характеристики менталитета

Сущность	Свойства	Характеристики
1) менталитет - совокупность взаимосвязанных качественных и количественных социально-психологических особенностей индивида; 2) менталитет определяют три фактора: генотип субъекта, природная и социальная среда, собственная креативная деятельность субъекта; 3) менталитет обусловливает своеобразный характер восприятия мира субъектом; 4) менталитет определяет специфическую направленность деятельности субъекта; 5) менталитет обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности; 6) менталитет является важным факторам социального прогресса посредством введения и укоренения культурных инноваций (новых ментальных особенностей).	1) латентность – скрытость от непосредственного наблюдения; 2) константность – устойчивость и воспроизводимость в любых условиях, в том числе и кризисных; 3) амбивалентность – двойственность, противоречивость проявления; 4) взаимосвязанность и агрегатность – проявление в качественной системности характеристик менталитета.	1) ментальность – характеристика социума в целом, обобщенный и абстрактный признак, который усредняет все индивидуальные признаки и превращает общество в примерно однородную массу; 2) ментальность – результат исторического развития общества; 3) ментальность – наиболее скрытая, глубинная, неотфлектированная часть общественного сознания, основанная на бессознательных и подсознательных механизмах; 4) содержание ментальности – латентные, скрытые ценностные взгляды и ориентиры (картины мира, стереотипы сознания); 5) ментальность – устойчивая характеристика, которая очень медленно подвергается изменению. Также можно отметить, что ментальность является одним из главных детерминант любого поведения людей.

Источник: *составлено по (Губанов, 2007. С. 3-24; Кириенко, 2007. С. 25-32; Латов и Латова, 2005. С. 347-374).*

Что касается структурных уровней экономической ментальности, то, суммируя все наработки по этому вопросу в мировой научной мысли, можно выделить следующие (*Тевено, 2005. С. 83*):

- уровень бессознательного (подсознание, коллективное несознательное);
- уровень сознательного (осознание, рефлексия);
- уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и несознательных (подсознательных) ценностей;
- уровень ментальности определенной социальной группы, сообщества, единство общепринятых в их пределах норм и установок.

Интеграционные процессы стран Таможенного союза в контексте экономической ментальности

Наличие конгруэнтных неформальных институтов между странами способствует проведению более эффективной интеграционной политики. Поэтому одной из важнейших задач является измерение экономической ментальности, которая может как способствовать, так и препятствовать эффективному осуществлению интеграционной политики в рамках Таможенного союза и сопоставление с целью определения ее конгруэнтности или дивергенции в рамках стран Таможенного союза.

Одним из наиболее популярных подходов к измерению и сравнению экономической ментальности разных стран является этнометрический подход. Этнометрия – это направление этносоциальных исследований, в котором анализируются ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов (*Латов* и *Латова, 2008. С. 80-91*). Данные исследования становятся все более популярными. Начало им было положено западными учеными в 50-60 гг. XX века. Одной из главных причин были процессы глобализации, которые увеличивали взаимозависимость и комплиментарность различных стран и народов. На теоретическом уровне подобные исследования давали возможность глубже понимать и анализировать становление и функционирование политико-экономического строя, особенности ведения бизнеса и менеджмента. Полученные знания возможно эффективно использовать на практике, так как именно национально-культурные различия являются важной детерминантой любых преобразований, влияющей на конечный результат всего процесса. Эти же знания можно эффективно применять при установлении контактов с представителями других национальностей (что особенно важно в области ведения бизнеса в современном мире).

Именно этнометрические исследования обосновывают, как культура влияет на все формальные стороны жизни общества. Ведь непосредственно ментальность, находя свое выражение в культуре и системе ценностей, оказывает решающее воздействие на способ постановки проблемы, способ ее решения, способ мышления и восприятия и, самое важное, на целесообразность того или иного пути развития трансформаций. Так Ф. Тромпенаарс писал, что именно моральные ценности создают и увеличивают благосостояние нации при правильном и эффективном их использовании (*Тромпенаарс* и *Хэмпден-Тернер, 1993. С. 6*). Этнометрия позволяет измерить и анализировать основные культурные ценности (ментальности) наций и сравнивать их с культурными ценностями других наций, т.е. ранжировать их по “ментальным” полюсам.

Для измерения белорусской ментальности использовалась методика Хофстеда, основанная на пяти измерениях.

Первое измерение – это дистанция власти (PDI). По определению Г. Хофстеда, это “тот предел, до которого члены общества, владеющие меньшей властью, принимают, что власть распределена неравномерно” (*Хофстед, 2012. С. 5*). “Дистанция власти” — это одна из базовых ценностей, представление о мире, связанное с решением вопроса: почему не все люди равны.

Второе измерение – измерение индивидуализма (в противовес

коллективизму. Индивидуализм характеризует ситуацию, когда ценность существования общества определяется возможностью создавать необходимые условия и возможности для удовлетворения потребностей и достижения целей определенной личности. Коллективизм, наоборот, означает изначальную заинтересованность людей в сплоченных группах, подчинение интересов отдельных людей интересам общества (*Хофстед, 2012. С. 5*).

Третье измерение – это индекс маскулинности (MAS) (в противовес фемининности). Маскулинность (мужественность) – это ценность достижения рациональности, прямых действий, зарабатывания денег, ответа на вызовы внешнего мира. Фемининность (женственность) проявляется в значимости жизненного пространства, чувств, честности и открытости в контакте (*Хофстед, 2012. С. 5*).

Четвертое измерение - избегание неопределенности (UAI) (включает отношение к работе, отношение к конфликтам, отношение к разногласиям, отношение к риску, формализованность отношений). Этот показатель связан с решением вопроса о выборе жизненной стратегии. Чем выше этот показатель (высокое избегание неопределенности), тем больше население нуждается в четких правилах и отторгает нововведения. В странах с низким избеганием неопределенности преобладает стремление к нововведениям и проявлению инициативы, изменения рассматриваются как возможность обретения чего-то нового.

Пятое измерение – конфуцианский динамизм или долгосрочная/краткосрочная ориентация (LTO). Этот показатель также еще называется патернализмом. Этот показатель отражает долгосрочную ориентацию общества, в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации. А также данный показатель определяет: существует ли потребность у более “слабых” представителей общества в защите и опеке со стороны государства (*Хофстед, 2012. С. 5*).

С целью измерения современной белорусской экономической ментальности был проведен опрос согласно “Модуль исследования ценностей 1994” (VSM 94). Согласно методике анализа и подсчета результатов, используемой в VSM 94, по Республике Беларусь получились следующие данные (см. табл. 4).

Таблица 4

Показатели Хофстеда по Республике Беларусь

Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IND)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)
62	39	49	76	61

Источник: *составлено автором на основе проведенного опроса.*

Для белорусского народа характерен выше среднего уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма. Согласно результатам, белорусская экономическая ментальность сочетает в себе характеристики как восточного, так и западного менталитета.

Оценки экономической ментальности для стран Таможенного союза и Украины следующие (см. табл. 5):

Таблица 5

Измерения экономической ментальности по странам Таможенного союза и Украины

Показатели	PDI	IND	MAS	UAI
Беларусь	62	39	49	76
Россия	33	36	48	70
Украина	70	53	18	63
Казахстан	73	42	52	27

Источник: *оценки Беларуси – получены автором; России - были рассчитаны А. И. Наумовым в 2006 г; Украине - представлены И. В. Агеевой; Казахстану - как таковые не рассчитывались, поэтому за основу были взяты оценки исследования GLOBE, предварительно переведенные в шкалу Хофстеда. Наличие конгруэнтности экономической ментальности было определено с помощью кластерного анализа.*

Проведя кластерный анализ, можно выделить группы стран, которые обладают схожими ментальными характеристиками, облегчающими проведение интеграционных процессов (см. табл. 6).

Таблица 6

Кластеризация стран в контексте экономической ментальности

Страны с рыночным менталитетом	**Страны с рыночным социально-демократическим менталитетом**	**Страны с промежуточным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком)**	**Страны с конфуцианским менталитетом**
Страна	Страна	Страна	Страна
США	Швеция	Венесуэла	Северная Африка
Швейцария	Норвегия	Уругвай	Сингапур
Южная Африка	Нидерланды	Турция	Филиппины
Новая Зеландия	Финляндия	Таиланд	Малайзия
Италия	Дания	Тайвань	Ямайка
Израиль	Эстония	Испания	Индонезия
Ирландия		Эль-Сальвадор	Индия
Великобритания		Португалия	Гонконг
Германия		Перу	Эквадор
Канада		Пакистан	Восточная Африка
Бельгия		Мексика	**Казахстан**
Австрия		Иран	Бангладеш
Австралия		Гватемала	Китай
Люксембург		Греция	Вьетнам

Продолжение Табл. 6.

Страны с рыночным менталитетом	**Страны с рыночным социально-демократическим менталитетом**	**Страны с промежуточным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком)**	**Страны с конфуцианским менталитетом**
Страна	Страна	Страна	Страна
Чехия		Франция	
Венгрия		Коста-Рика	
		Колумбия	
		Чили	
		Бразилия	
		Аргентина	
		Арабские страны	
		Беларусь	
		Россия	
		Украина	
		Болгария	
		Мальта	
		Панама	
		Польша	
		Румыния	
		Суринам	
		Марокко	
		Хорватия	
		Сербия	

Источник: *составлено автором.*

Таким образом, страны были разделены на четыре группы: страны с рыночным менталитетом, страны с рыночным социально-демократическим менталитетом, страны с переходным менталитетом (промежуточное положение между Западом и Востоком), страны с нерыночным менталитетом согласно четырем основополагающим ментальным критериям – дистанции власти, индивидуализму, избеганию неопределенности и маскулинности.

Общими признаками стран с рыночным менталитетом являются индивидуализм преимущественно высокий, низкая дистанция власти, высокий показатель маскулинности и избегание неопределенности варьируется от низкого до высокого. Общими признаками, которые в наибольшей степени характеризуют данную группу, являются высокая маскулинность и высокий индивидуализм, которые в равной степени присутствуют в каждой стране данной группы. В целом данную группу можно разделить на две подгруппы. Первая подгруппа состоит из стран США, Южной Африки, Новой Зеландии, Ирландии, Великобритании, Канады

и Австралии, для которых характерны признаки капиталистического менталитета в чистом виде: высокий индивидуализм, низкая дистанция власти, высокая маскулинность и низкий уровень избегания власти. Вторая подгруппа состоит из стран Италии, Израиля, Германии, Бельгии, Австрии, Люксембурга, Швейцарии, Чехии, Венгрии, которые отличаются от первой подгруппы более высоким уровнем избегания неопределенности и немного более высоким уровнем дистанции власти (за исключением Австрии).

Общими признаками стран с рыночным социально-демократическим менталитетом являются ниже среднего дистанция власти, достаточно высокий индивидуализм, низкий уровень маскулинности (доминирование феминности) и уровень избегания неопределенности от низкого до среднего. Данную группу также можно разделить на две подгруппы: первая (Норвегия, Нидерланды, Финляндия, Эстония) отличается средним уровнем избегания неопределенности, тогда как во второй (Швеция, Дания) уровень избегания неопределенности низкий.

Общими признаками стран с промежуточным менталитетом (между Западом и Востоком) средней и высокой дистанцией власти, от низкого до умеренного уровня индивидуализма, низкой или умеренной маскулинностью, высоким уровнем избегания неопределенности. Данную группу можно разделить условно на три подгруппы: первая подгруппа – Испания, Япония, Франция, Аргентина, Россия, Беларусь, Украина, Мальта, Польша – характеризуется средней и выше среднего дистанцией власти, умеренным индивидуализмом, показатель маскулинности варьируется от среднего до высокого и высоким показателем избегания неопределенности; вторая подгруппа – Венесуэла, Турция, Таиланд, Тайвань, Пакистан, Мексика, Колумбия, Бразилия, Арабские страны, Марокко, Хорватия, Иран – характеризуется средней (умеренной) и высокой дистанцией власти, низким и ниже среднего уровнем индивидуализма, умеренной маскулинностью и высоким уровнем избегания неопределенности. В целом деления между этими двумя группами достаточно условны, и они могут рассматриваться как одна. Третья подгруппа – Уругвай, Южная Корея, Сальвадор, Португалия, Перу, Гватемала, Греция, Коста-Рика, Чили, Панама, Румыния, Суринам, Сербия, Словения – характеризуется умеренной и высокой дистанцией власти, низким уровнем индивидуализма, низким и умеренным уровнем маскулинности, высоким уровнем избегания неопределенности. В группу стран с промежуточным менталитетом вошли Россия, Беларусь и Украина. В частности, для России характерны ниже среднего уровень дистанции власти, ниже среднего уровень индивидуализма, умеренная маскулинность и высокий уровень избегания неопределенности. Беларусь отличается выше среднего уровнем дистанции власти, ниже среднего уровнем индивидуализма, умеренной маскулинностью и высоким уровнем избегания неопределенности. А у Украины выше среднего уровень дистанции власти, выше среднего уровень индивидуализма, низкий уровень маскулинности, выше среднего уровень избегания неопределенности.

Общими признаками стран с нерыночным менталитетом являются очень высокий уровень дистанции власти, низкий уровень индивидуализма, от умеренной до очень высокой маскулинности, показатель избегания неопределенности находится в пределах от низкого до выше среднего. В целом все страны данного кластера (Северная Африка, Сингапур, Филиппины, Малайзия, Ямайка, Индонезия, Индия, Гонконг, Восточная Африка, Казахстан, Бангладеш, Китай, Вьетнам, Эквадор) однородны. Только для Ямайки характерен умеренный уровень дистанции власти. В частности, Казахстану характерны высокий уровень дистанции власти, ниже среднего показатель индивидуализма, умеренная маскулинность, ниже среднего показатель избегания неопределенности.

Исходя из основных характеристик экономической ментальности, можно выделить различные типы экономической культуры, которые соответствуют подгруппам для всех четырех групп стран (см. рис. 2).

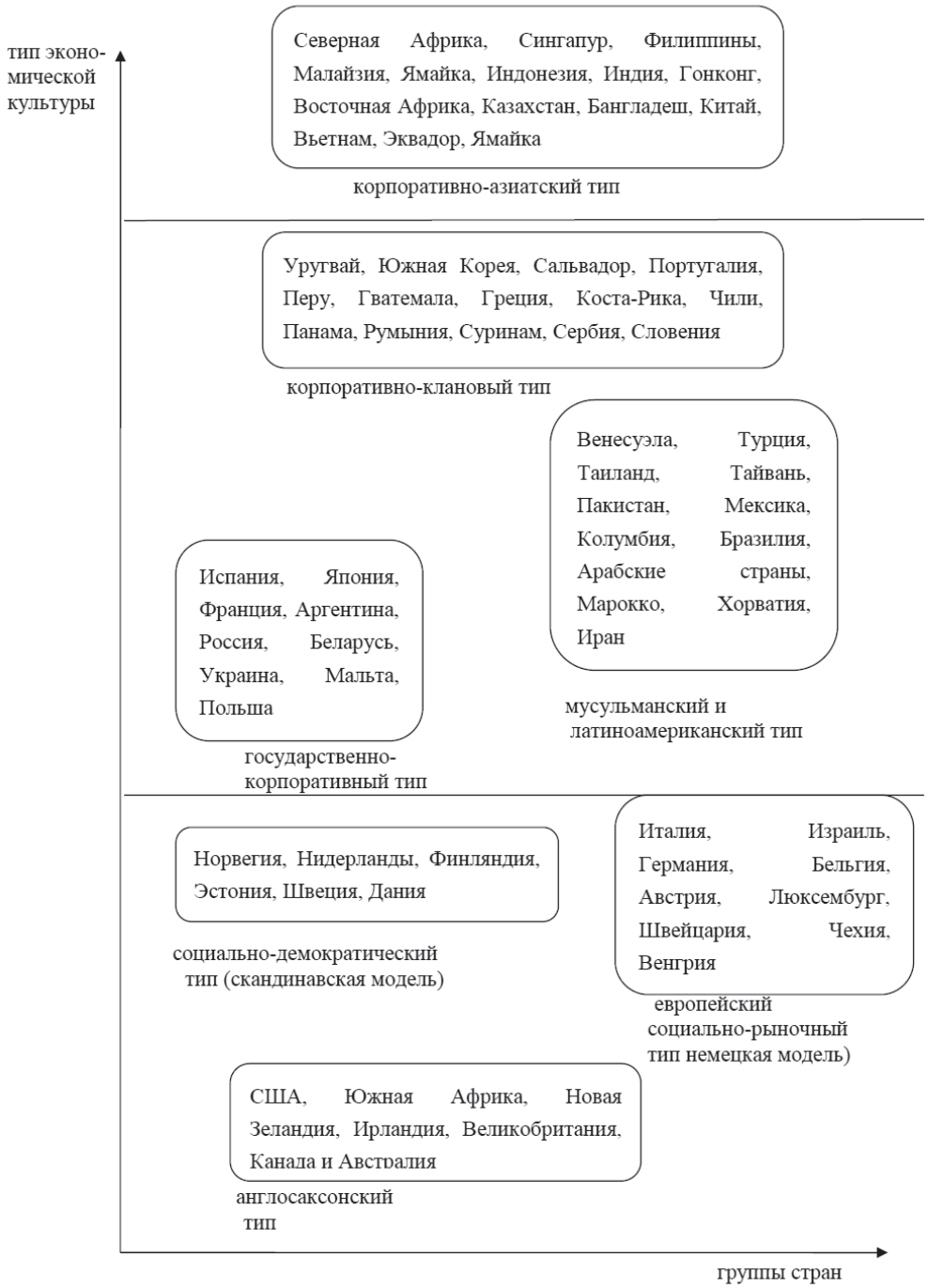

Рис. 2. *Типология стран в контексте экономической культуры*
Источник: *составлено автором.*

В целом Беларусь, Россия и Украина попали в кластер стран с промежуточным менталитетом между Западом и Востоком. Казахстан же находится в кластере стран с конфуцианским менталитетом. Экономической культуре Украины, России, Беларуси соответствует государственно-корпоративный тип, а Казахстану – корпоративно-азиатский. Ментальная конгруэнтность стран имеет значение для реализации стратегии интеграционных преобразований. Успеху в ее реализации способствуют схожие неформальные институты стран и в первую

очередь схожесть в экономической ментальности. Для того чтобы изменить вектор интеграции, надо в определенной степени и изменить неформальные институты. Т.е. гипотеза, выдвигаемая в работе, подтвердилась. Наличие конгруэнтных неформальных институтов между странами действительно способствует проведению более эффективной интеграционной политики. В Беларуси, России, Казахстане и в определенной степени в Украине существуют общие ментальные характеристики, что, в конечном счете, и способствует проведению интеграционных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян А. С. (2008). Формирование институтов интеграции постсоветских стран // *Вестник ВолГу*, № 1 (12), с. 39-42.

Барковский А. Н. (2003). Экономические стратегии стран СНГ: поляризация интересов // *Проблемы прогнозирования*, № 3, с. 137-145.

Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Издательство Прогресс, 367 с.

Губанов Н. И. (2007). Менталитет и формы его проявления в современном обществе: автореф. дис. …канд. филос. наук: 09. 00. 11, Рос. академ. мед. наук. Москва, 24 с.

Дегтярева С. В. (2006). Становление институциональной системы экономики и институциональные изменения // *Научные труды ДонНТУ, Серия: экономическая*, Вып. 103-2, с. 50-55.

Дефорж С. Ю. (2007). Трансплантация институтов как форма становления социальной рыночной экономики // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*, Вып. 31-1, с. 167-171.

Кириенко В. В. (2007). Менталитет современных белорусов (социологический анализ): дис. док-ра социологических наук 22.00.06, Минск, с. 25-32.

Кузьминов Я. И. (1992). Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации // *Вопросы экономики*, № 3, с. 44-57.

Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А. и *Ясин Е. Г.* (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*, № 5, с. 5-27.

Латов Ю. В. и *Латова Н. В.* (2005). Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики // *Постсоветский институционализм*, с. 347-374.

Латов Ю. В. и *Латова Н. В.* (2008). Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // *Вопросы экономики*, № 5, с. 80-102.

Либман А. М. (2006). Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (влияние неформальных институтов) // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 53-64.

Малый И. Й. (2007). Институциональные деформации в трансплантационной экономике // *Научные труды ДонНТУ, Серия: экономическая*, Вып. 31-1, с. 32-37.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: “Фонд экономической книги «НАЧАЛА»”.

Олейник А. Н. (2005). Институциональная экономика: учебник. М.: ИНФРА-М, с. 702.

Сидорова А. М. и *Лемещенко П. С.* (2013). Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия, Мн.: Мисанта, 113 с.

Тевено Л. (2005). Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: учебник / Под общ. ред. А. Олейника, М.: ИНФРА-М, с. 83.

Helmke G. and *Levitsky S.* (2012). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. (http://www.oecd.org/dataoecd/52/23/37791245.pdf - Access Date: 14.02.2012).

Hofstede G. (2012). Cultures and Organization – Software of the Mind. (https://

westwood.wikispaces.com/file/view/Hofstede.pdf - Access Date: 30.11.2012).

Trompenaars A. and *Hampden-Turner Ch.* (1993). The Seven Cultures of Capitalism, New-York: "Doubleday", 262 p.

REFERENCES

Akopyan A. S. (2008). Formation of the Institute for integration of post-Soviet countries. *Herald of the Volga State University*, no. 1 (12), pp. 39-42. (In Russian).

Barkovskiy A. N. (2003). Economic policies of the CIS countries: the polarization of interests. *Problems of Forecasting*, no. 3, pp. 137-145. (In Russian).

Degtyareva S. V. (2006). Formation of the institutional system of the economy and institutional changes. *Proceedings of DonNTU, Series: Economic*, issue 103-2, pp. 50-55. (In Russian).

Desforges S. Yu. (2007). Transplantation of institutions as a form of establishment of a social market economy. *Proceedings of DonNTU. Series: Economic*, issue 31-1, pp. 167-171. (In Russian).

Gubanov N. I. (2007). The mentality and its manifestations in contemporary society: author. dis. ... PhD in Philosophy Sciences: 09. 00. 11, Moscow, pp. 3-24. (In Russian).

Helmke G. and *Levitsky S.* (2012). Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. (http://www.oecd.org/dataoecd/52/23/37791245.pdf - Access Date: 14.02.2012).

Hofstede G. (2012). Cultures and Organization – Software of the Mind. (https://westwood.wikispaces.com/file/view/Hofstede.pdf - Access Date: 30.11.2012).

Kiriyenko V. V. (2007). The mentality of modern Belarusians (sociological analysis): thesis… PhD in. Sociology 22.00.06, Minsk, pp. 25-32. (In Russian).

Kouzminov Ya. I. (1992). Soviet economic culture: heritage and way of modernization. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 3, pp. 44-57. (In Russian).

Kouzminov Ya. I., Radaev V. V., Yakovlev A. A. and *Yasin E. G.* (2005). Institutions: from import to raising. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 5, pp. 5-27. (In Russian).

Latov Yu. V. and *Latova N. V.* (2005). Economic mentality as informal institution of the Russian economy. *Post-Soviet Institutionalism*, pp. 347-374. (In Russian).

Latov Yu. V. and *Latova N. V.* (2008). Etnometric approaches to the analysis of economic and cultural values. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 5, pp. 80-102. (In Russian).

Liebman A. M. (2006). Institutional competition and post-Soviet transformation (the influence of informal institutions). *Social Studies and the Modernity*, no. 3, pp. 53-64. (In Russian).

Malyj I. J. (2007). Institutional deformation in transplantation economy. *Proceedings of DonNTU, Series: Economic*, issue 31-1, pp. 32-37. (In Russian).

North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, "Foundation for Economic book "The Beginning". (In Russian).

Oleinik A. N. (2005). Institutional Economics: the textbook. Moscow, INFRA-M Publ., p. 702. (In Russian).

Sidorova A. M. and *Lemeshchenko P. S.* (2013). Informal institutions and market reforms in Belarus: evolution, contradictions, strategy, Minsk, Misanta Publ., 113 p. (In Russian).

Theveno L. (2005). Values, coordination and rationality: economics agreements or the era of convergence of economic, social and political sciences // Institutional Economics: the textbook / Ed. by A. Oleinik. Moscow, INFRA-M Publ., pp. 83. (In Russian).

Trompenaars A. and *Hampden-Turner Ch.* (1993). The Seven Cultures of Capitalism, New-York, "Doubleday", 262 p.

Veblen T. (1984). Theory of the Leisure Class. Moscow, Progress Publ., 367 p. (In Russian).

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.084-098*

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ В 1990-2000-Е ГОДЫ, ИЛИ КАК В ХОДЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ РЕОРГАНИЗАЦИЙ «РЕФОРМИРОВАЛИ» ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕФОРМУ*

БАРСУКОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,

доктор социологических наук,
профессор департамента социологии НИУ ВШЭ, г. Москва,
e-mail: svbars@mail.ru

ЗВЯГИНЦЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

кандидат психологических наук,
исполнительный директор Союза комплексного проектирования и землеустройства сельских территорий, г. Москва,
e-mail: zvi@roszemproekt.ru

В статье дается обзор земельной реформы в новейшей истории России. Анализ земельной реформы, начавшейся в 1990 году, показывает, какие действия и какие логики привели земельную сферу в то состояние, в котором она оказалась на финише четвертьвекового реформенного марафона. Процесс реформирования не был линейным, в нем выделяются этапы, различающиеся целями и стратегиями их достижения. Земельная реформа представлена как борьба различных политических сил, что выражалось в перераспределении функций между ведомствами, в лоббировании при назначении на руководящие должности выдвиженцев различных команд. Делается вывод о постепенном вытеснении государства из регулирования земельных отношений, о целенаправленном разрушении сферы землеустройства как основы развития земельных ресурсов.

Ключевые слова: *земельная реформа; землеустройство; земельные ресурсы; кадастровая оценка; аграрная политика; земельные доли.*

LAND REFORM IN RUSSIA IN 1990-2000-IES, OR HOW LAND REFORM WAS "REFORMED" DURING THE DEPARTMENTAL REORGANIZATION

BARSUKOVA SVETLANA, YU.,

Doctor of Social Sciences,
Professor of the Department of Sociology, HSE, Moscow,
e-mail: svbars@mail.ru

ZVYAGINTSEV VASILY, I.,

Candidate of Psychological Sciences,
Executive Director of the Union of Integrated Design and Land Management in Rural Areas, Moscow,
e-mail: zvi@roszemproekt.ru

* Исследование осуществлено с участием Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

© Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И., 2015

The paper provides an overview of the land reform in Russia's recent history. Analysis of land reform, which started in 1990, shows what actions and what logic led the land sector in the state in which it was at the finish line of the quarter-century reform marathon. The reform process was not linear, it highlighted the steps differing objectives and strategies to achieve them. Land reform is presented as a struggle of different political forces, which were reflected in the redistribution of functions between agencies in lobbying for appointment to senior positions promoted various commands. The authors conclude about the gradual displacement of state regulation of land relations, the deliberate destruction of the land management as a basis for the development of land resources.

Keywords: *land reform; land management; land resources; cadastral valuation; agricultural policy; land shares.*

JEL: *D73, O13, P32, Q15, Z13.*

В официальный дискурс, посвященный земельным отношениям, неожиданно возвращено, казалось бы, прочно забытое, вычеркнутое из словарей чиновников слово – «землеустройство». Основательно выхолощенная за пореформенные годы, сведенная к реализации учетно-регистрационных процедур земельная политика снова получила право использовать слово, несущее в себе содержательное, проектное измерение. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1652-р от 28.08.2014 г. внесены изменения в Государственную политику использования земельного фонда в Российской Федерации, четко прописана необходимость совершенствования землеустройства. Почему в итоге четвертьвекового реформенного марафона понадобилось реанимировать это понятие? Что собой представляла земельная реформа в постсоветской России с точки зрения идей и конкретных инструментов их реализации?

История реорганизации ведомств, занимающихся земельной реформой, разделение и объединение их функций, добавление и исключение полномочий земельного ведомства никогда не была чисто административной игрой, а имела под собой в качестве основания глубокие и ожесточенные дискуссии о месте и роли государства в земельном вопросе.

Начальный этап земельной реформы: сдвиг от постепенной к форсированной приватизации земель (1990-1995 гг.)

Земельная реформа в России, по замыслу, должна была привести к тотальной замене колхозов и совхозов в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей на сотни тысяч фермеров и самостоятельных, владеющих собственной землей крестьян. Приватизация сельскохозяйственных земель и предоставление их тем, кто хочет и может их обрабатывать, казалась очевидной необходимостью.

Реформа требовала создания нормативной базы как самой приватизации земель, так и их последующего оборота, регламентации их использования и охраны. Требовалось полностью изменить институциональную структуру земельной сферы, а также организационное и технологическое обеспечение учета, мониторинга и контроля использования земель, охраны почв, разработки и реализации проектов землеустройства. Задача грандиозная по объему и сложности.

Первая странность, которая сразу же бросается в глаза, состоит в том, что при смене аграрного и земельного строя не прорабатывался вопрос о сохранении объемов товарного производства продовольствия, которые раньше обеспечивали колхозы и совхозы. Казалось очевидным, что новые собственники земель – фермеры и крестьяне, а также новые сельскохозяйственные предприятия – быстро и без особых проблем заменят колхозы и совхозы как в плане рационального и эффективного землепользования, так и в плане товарного производства сельскохозяйственной продукции. Одной из центральных идеологем, положенных в

обоснование реформ, был миф об эффективном собственнике земель, к которому должны были в конце концов перейти приватизированные земли в результате их свободного рыночного оборота (*Липски, 2013; Узун, 2008*).

Земельная реформа нового времени в России началась с принятия 23 ноября 1990 г. Закона РСФСР «О земельной реформе» и создания Государственного комитета РСФСР по земельной реформе (Госкомзема). Первый этап земельной реформы разумно ограничить 1995 годом, когда истекал срок реализации «Республиканской программы проведения земельной реформы на 1991-1995 гг.», утвержденной 18.01.1991 г. Постановлением Совета Министров РСФСР № 30. Дальнейший ход событий изменил первоначальный дизайн реформы, придав ей ортодоксальный либеральный характер. Но пока – о самом начале реформ.

Создание Комитета по земельной реформе РСФСР несло на себе характерные черты тогдашнего стиля реформенных решений. Г.А. Явлинский, будучи вице-премьером, пригласил на должность председателя комитета человека из науки – В.Н. Хлыстуна, занимавшего должность проректора по научной работе Московского института инженеров землепользования, делавшего сугубо научно-образовательную карьеру и активно выступавшего по вопросам развития земельных отношений на экспертных мероприятиях и в Государственной Думе.

Комитету по земельной реформе были переданы полномочия и ресурсы земельного главка, находившегося ранее в составе Минсельхоза и курировавшего все земельные вопросы в стране. Напомним, что в СССР Минсельхоз и входящее в его состав Главное управление землепользования и землеустройства занимался всеми землями, включая и городские, вел их учет и мониторинг, контролировал их использование (*Волков, 2013*). Руководитель главка был главным государственным инспектором по охране и контролю за всеми землями. Но поскольку главк находился в Минсельхозе, то наибольшее внимание уделялось аграрным землям, а городскими землями занимались органы архитектуры. На старте реформ специалисты земельного главка переместились в полном составе из Минсельхоза в Комитет по земельной реформе, и в аграрном ведомстве никаких полномочий, касающихся земель, соответствующих материалов и кадров не осталось.

Далее в подчинение комитету была передана система государственных институтов земельного проектирования (Гипроземов). Для земельной реформы это было, с нашей точки зрения, важнейшим знаковым событием, характеризующим качественное отличие этого этапа реформ от последующих. Это отличие состоит в понимании важности землеустройства для обустройства земельной сферы.

Комитету как госоргану, занимавшемуся реформой, нужна была армия профессиональных исполнителей на местах, которые смогут решать содержательные вопросы. И землеустроители оказались в данном случае абсолютно точным выбором. В первой половине 1990-х роль государства в земельной сфере еще не выродилась до функций регистратора и практически стороннего наблюдателя.

К слову сказать, в Советской России землеустроительное обеспечение сельскохозяйственного землепользования было одним из лучших в мире. Каждое сельскохозяйственное предприятие имело Государственный акт с координатами границ земельных участков, план землепользования с изображением контуров всех угодий и указанием их площадей, карту почвенных разновидностей, геоботаническую карту, оценку каждого отдельно обрабатываемого участка угодий по продуктивности, местоположению и технологическим качествам, проект внутрихозяйственного землеустройства с комплексом природоохранных мероприятий. Система РосНИИземпроект (Гипроземы) была той структурой, которая выполняла все эти работы и являлась источником профессиональных знаний о земельных ресурсах.

Гипроземы в то время еще оставались государственными учреждениями. На основе имеющихся у них схем землеустройства районов и проектов внутрихозяйственного землеустройства, которые ранее разрабатывались для каждого колхоза и совхоза, проектировщики-землеустроители должны были

выделять оптимальные массивы земель для фермеров.

В противоположность перестроечным изменениям в других сферах, земельная реформа *изначально не планировалась быстрой*. Предполагалось, что земли в разумные сроки, с соблюдением целого ряда предосторожностей, а также с серьезным организационным и финансовым сопровождением со стороны государства, будут переданы тем, кто реально готов стать фермером и доказал это на деле. Государство взяло на себя финансирование всей подготовительной работы по выделению и передаче фермерам земельных участков. Предполагалось, что фермерам в качестве стимула будут выделяться лучшие земли с точки зрения их плодородия и расположения.

Поскольку темп реформы не планировался высоким, возможные технические сложности, связанные с появлением большого количества новых земельных участков в результате раздела колхозных земель, а также большого количества новых собственников, не особо заботили реформаторов. Напомним, что в начале 1990-х повсеместное распространение цифровых технологий еще не стало актуальным трендом, и, как показало дальнейшее развитие событий, технологическое обеспечение оказалось в числе «неразрешимых» проблем реформы.

Первоначальный вариант приватизации предполагал создание *фонда перераспределения земель* (10% земель колхозов и совхозов), из которого выделялись земли бывшим колхозникам, пожелавшим стать фермерами. Для реализации этого варианта приватизации нужна была система землеустроительных проектных организаций, осуществляющих за государственный счет выделение земель из бывшего колхоза и их проектирование, межевание для фермерского хозяйства. На картах устанавливали границы перераспределения земель, показывая участки, остающиеся у государства, а также массивы, отводимые под долевую собственность и под выделенные фермерские хозяйства. Если кто-то из дольщиков желал создать фермерское хозяйство – ему выделяли земли из этих массивов. Проекты распределения земель утверждались местными комиссиями. Такая приватизация не разрушала существующих хозяйств, не вредила существующему землепользованию и хозяйствованию на земле.

Однако жизнь вносила свои негативные коррективы в этот, казалось бы, идеальный вариант приватизации. По замыслу, под фермерские хозяйства должны были выделять лучшие земли. Однако комиссии, опираясь на мнение общих собраний дольщиков (вчерашних колхозников), часто старались выделить фермерам, которых называли кулаками, земли похуже. Кроме того, такой вариант приватизации земель имел довольно высокий потенциал коррупционности. Случаи выдачи местными руководителями лучших земель знакомым, друзьям отмечались неоднократно.

Но дело оказалось не в этих трудностях, которые пытались преодолевать разными способами. Критичными оказались темпы и объемы земельной реформы, что решительно не устраивало ее инициаторов. Ведь умелые фермеры, способные квалифицированно обрабатывать полученную по приватизации землю, вести товарное производство, оказывались в абсолютном меньшинстве. Сохранялась угроза, что подавляющее большинство бывших колхозников, которые не хотят или не способны стать фермерами, так и останутся в колхозах, что приведет к фактическому возврату к социалистическим формам землевладения. А это в принципе не рассматривалось либеральными реформаторами в качестве допустимого варианта.

Поэтому вариант постепенной, неторопливой приватизации, просуществовавший в течение примерно полутора лет, умер уже в конце 1991 года, когда Президент Б.Н. Ельцин издал указ №323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». Возобладал вариант форсированной приватизации земель: землю нужно раздать быстро, разделить ее между новыми пользователями одномоментно. Этот сценарий означал единовременное появление на рынке миллионов новых земельных участков, что несло собственные риски, и в

Комитете по земельной реформе это хорошо понимали. Да и технически выделение такого гигантского количества участков, их межевание, постановка на учет были нереализуемы в короткие сроки. Поэтому было принято решение о введении института *земельных долей*, оформляемых специальным свидетельством. Получение «сертификата на землю», но не самой земли дало основание считать такой сценарий «полуприватизацией» (*Виссер, Мамонова* и *Споор, 2012. С. 77*).

Идея была простой: сперва люди получают документально зафиксированное право на выделение земельного участка, но не сам участок, чтобы не было дробления земель. Потом они могут договариваться, объединяться, складывать свои паи и выделять общий большой участок, пригодный для ведения хозяйства, либо несколько компактно расположенных участков. Возникает вопрос, почему этот процесс не пошел? Почему до настоящего времени около 9 миллионов земельных долей так и не были реализованы путем выделения реальных земельных участков?

Дело в том, что подавляющее большинство бывших колхозников не хотели быть фермерами. Они хотели оставаться наемными работниками в сельскохозяйственном предприятии, работать по заданию и получать зарплату. Поэтому они ни под каким видом не желали тратить время и деньги на выделение реальных участков и постановку их на кадастровый учет. Земельную долю они рассматривали как необходимый элемент социальной справедливости – возмещение морального и материального ущерба, связанного с разрушением привычной колхозной жизни. Обрабатывать же землю на свой риск, продавать продукцию, платить налоги – не хотели. К тому же процедура выделения земельных участков в счет земельных долей была сложной и дорогостоящей, что привело к недоступности для граждан получения земельных участков в собственность, а зачастую и к утрате прав на землю.

Разумно предположить, что возобладавшее после 1991 г. поголовное наделение землей (точнее не землей, а только правом ее получить) было как бы компенсацией за то, что колхозы лишились гарантированного государственного заказа, в результате чего в село пришла массовая безработица.

Выдвигался также вариант наделения «земельными ваучерами» всех граждан России и исходил он от А. Б. Чубайса и его команды. Понятно, что у горожан, получивших такой ваучер, не будет иных вариантов, кроме его продажи, причем, фактически, за бесценок, поскольку таких ваучеров на рынке должно было оказаться несколько десятков миллионов одновременно. Подобный механизм привел бы к появлению некоторого количества потенциально суперкрупных землевладельцев, которые вступили бы в ожесточенную административную борьбу за выделение в счет своих ваучеров земель вблизи Москвы, Санкт-Петербурга и других крупнейших городов. Гигантская коррупционность и социальная опасность такого варианта приватизации земель были очевидны. Несомненной заслугой руководства и экспертов Комитета по земельной реформе является предотвращение такого варианта развития событий и принятие как компромисса варианта, при котором правом на получение земельных долей обладают только сами колхозники, в том числе бывшие, а также работники местной социальной сферы.

Идея наделения селян документально закрепленным правом получить в рамках приватизации определенную площадь земель давала временную паузу между получением права и фактическим выделением участков в натуре. Любопытно, что такой вариант реформы активно поддержала КПРФ, поскольку, по мнению коммунистов, он соответствовал принципу всеобщей уравнительной справедливости. Кроме того, коммунисты полагали, что крестьяне сдадут свои доли в те же колхозы, и колхозный строй сохранится. Время показало, что товарищи коммунисты не смогли просчитать последствий такой приватизации земли.

При массовом единовременном выделении земельных участков в счет земельных долей возникают две проблемы. Первая – время и деньги, которые нужно потратить каждому отдельному владельцу доли для согласования места расположения, межевания и постановки на кадастровый учет земельного участка.

Вторая проблема – споры между претендентами на лучшие земельные участки.

Вокруг возможностей последующего распоряжения землей разворачивалась реальная борьба. Например, были предложения о запрете продавать полученную по приватизации землю. В качестве компромисса предлагали разрешить продажу через несколько (например, 10) лет пользования. В результате политической борьбы идея десятилетнего моратория на продажу земли была отвергнута, и открылись новые возможности распоряжения земельной долей: внести в уставный капитал сельскохозяйственного предприятия, продать, в том числе на сторону, если никто из своих дольщиков не покупает.

Региональные управления по сельскому хозяйству и директорский корпус (председатели колхозов, директора совхозов) препятствовали оформлению земельных долей. Они считали, что такой механизм реформ развалит сельское хозяйство. Некоторые председатели региональных аграрных комитетов держали бланки свидетельств на доли в сейфах, не выдавали хозяйствам. Когда с федерального уровня началось давление, они передали эти бланки руководителям хозяйств, а те положили их в сейфы и не выдавали людям. Однако впоследствии, когда в игру включились инвесторы с серьезными деньгами, региональные чиновники и директора увидели свою выгоду и стали явными сторонниками распродажи долей.

Против приватизации через земельные доли выступал влиятельнейший в аграрной сфере Г.В. Кулик, бывший до 1991 г. министром сельского хозяйства РСФСР, вице-премьером, а после этого депутатом Верховного совета и впоследствии – Государственной Думы. Он считал, что сценарий с плановым, постепенным выделением участков под фермерские хозяйства был правильным, тогда как приватизация через земельные доли нарушала замысел реформ.

После 1992 г. активно продолжалась либерализация земельного рынка. Миф об эффективном собственнике земель, к которому в результате рыночных сделок должны перейти земли, сыграл свою негативную роль. Либерализация земельного рынка в российских реалиях выражалась во все более полном отказе государства от функций управления земельными ресурсами. И если на старте земельной реформы в качестве приоритетной еще стояла задача сохранить земли в сельскохозяйственном обороте и построить рациональное землепользование на новых правовых основаниях с новыми собственниками, то впоследствии решения принимались исходя их других приоритетов.

Некоторое время, как бы по инерции, продолжал существовать контроль использования земель, которым занимались региональные комитеты по земельной реформе (позже преобразованные в комитеты по земельным ресурсам) под кураторством Минсельхоза. Однако со временем все выродилось до эпизодической фиксации нескольких формальных показателей. Логическим продолжением процесса деградации земельного контроля стала передача этой функции Россельхознадзору (Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору Российской Федерации при Минсельхозе России), для которого эта функция никогда не была и сейчас не является профильной. Поскольку земля является объектом, имеющим достаточно большую протяженность, для эффективного контроля нужны реально работающие, пространственно мобильные структуры на местах, укомплектованные специалистами по земельным вопросам, чего у Россельхознадзора, естественно, нет.

Минсельхоз, с его достаточно консервативной, охранительной позицией, не смог сыграть в реформе сколько-нибудь заметной роли. Все руководящие указания по ускорению приватизационных мероприятий исходили от Администрации Президента и Правительства, активную роль в земельной приватизации сыграл Комитет по имуществу, которым руководил А. Б. Чубайс.

К середине 1990-х годов сформировалось жесткое противостояние между реформаторами, находящимися в Правительстве, и аграриями. Реформаторы настаивали на дальнейшем движении к свободному земельному рынку. Аграрии,

напротив, указывали, что реформы рушат сельское хозяйство. В этот же период резко уменьшилась государственная поддержка сельского хозяйства (*Абалкин, 2009*). В ситуации нарастающего политического конфликта нужно было делать выбор дальнейшего пути земельной реформы.

И этот выбор был сделан. С момента фактического отказа государства в 1996 году как от финансирования, так и от организационного обеспечения и землеустроительного сопровождения земельной реформы, началась ее радикализация и примитивизация. Реформаторы негласно отказались от проекта массового формирования класса самостоятельных фермеров со своей землей, что было основной идеологемой начального этапа земельной реформы, и выдали карт-бланш проекту «лендлордов».

Второй этап земельной реформы: радикализация идеи и примитивизация ее реализации (1996-1999 гг.)

Второй этап земельной реформы начался в 1996 году, когда Госкомзем (переименованный в Комитет по земельным ресурсам и землеустройству), понимая, что бросать начатое на полпути нельзя, подготовил новую программу земельных реформ. Это была попытка перезапустить процесс в новых условиях. Но эта программа не была реализована, поскольку ситуация в стране изменилась. Напомним, что в 1996 году прошли весьма сложные для Б. Н. Ельцина президентские выборы, для обеспечения выигрыша в которых властная либеральная элита уступила крупному финансовому капиталу наиболее рентабельные государственные сырьевые активы (практика «залоговых аукционов»). Те политики и бизнесмены, которые считали себя причастными к победе Б. Н. Ельцина, начали лихорадочно конкурировать в дележе бюджетных ресурсов. Когда стало понятно, что денег не хватает, уже утвержденные программы подверглись пересмотру и секвестру со стороны Минэкономразвития, в том числе программа земельной реформы, - государственное финансирование выделения паевых земель было практически прекращено.

Основные проблемы, не решенные в ходе предыдущего этапа земельной реформы, сводились к тому, что земельные доли не выделены, не консолидированы, не оформлены. Неопределенность прав собственности на землю отрицательно влияла на состояние сельского хозяйства. Нельзя было получить заемных денег, массовыми явлениями стали земельные споры, захват земель, спекуляция, мошеннические схемы, деградация, зарастание земель. Доведение реформ до логического конца представлялось жизненно необходимым.

В это время Госкомзем как раз переживал смену руководства. В 1997 г. прежнего руководителя Комитета Н. В. Комова, выходца из ученой среды (академик Российской академии сельскохозяйственных наук) и последовательного защитника интересов аграриев, сместил И. А. Южанов, соратник А.Б. Чубайса, облеченный его особым доверием. Новый руководитель Комитета был профессиональным чиновником из Санкт-Петербурга, ориентированным в земельном вопросе на либеральную парадигму, предполагающую сохранение за государством только учетно-наблюдательных функций.

В мае-августе 1998 года Госкомзем объединили с Роскартографией и ЖКХ, создав общее Министерство по земельной политике, строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, руководителем которого назначили И.А. Южанова. В качестве новоиспеченного министра он дал интервью «Российской газете» (июнь 1998 г.), где четко определил: «Главная цель земельной реформы состоит в ликвидации монополизма государственной собственности на землю. Решающее условие – реализация экономического потенциала земли на основе регулируемого оборота земельных участков, а также ипотека».

Ввиду наличия бюджетных ограничений на министра легла ответственность выбора между двумя курсами реформ: либо продолжать и завершать земельную реформу, либо реформировать земельный кадастр. Эксперты-землеустроители

защищали земельную реформу, убеждая, что ее завершение со временем принесет доходы. Но был выбран кадастр. Выбор этот был обусловлен тем, что министр нового суперминистерства плохо представлял себе суть и назначение землеустройства. В качестве руководителя петербургского земельного комитета он занимался лишь учетом и кадастром земель, считал это основой развития институтов земельной сферы.

В этом была своя логика. Для развития земельного рынка нужен был, конечно, технологичный кадастр, позволяющий оперативно фиксировать сделки и закреплять права. Старый кадастр, ведущийся в бумажной форме и перегруженный содержательной информацией о качестве и состоянии земель, уже не справлялся с возросшим объемом количества земельных участков и частоты сделок, что тормозило рыночную динамику. Это был один из тех подводных камней, который первоначально не был учтен реформаторами.

Вторая половина 1990-х годов ознаменовалась событием, катастрофически повлиявшим на сферу земельных отношений. В 1997 г. вышло решение Правительства о приватизации системы землеустроительных проектных институтов (Гипроземов). До этого землеустроительные институты числились в перечне объектов, не подлежащих приватизации, их работа финансировалась из госбюджета. В ходе приватизации Гипроземы должны были передать свои архивы в областные земельные комитеты. Гипроземы превратили в акционерные общества и продали. Покупали их в основном в расчете на получение зданий – реального актива, которым можно пользоваться или продать. Именно этот актив чего-то стоил на рынке. Все остальное просто не бралось в расчет. Архивы – ценнейшие землеустроительные документы (карты, проекты) новыми владельцами зачастую просто вывозились на свалку. По прошествии многих лет за остатками этих материалов ведется настоящая охота.

С 1998 г., фактически, землеустройство как сфера деятельности исчезло. Весь дальнейший период являл собой непрерывную деградацию государственной земельной политики. Все содержательные вопросы – выработка и реализация приоритетов, проектирование земель, охрана плодородия, противоэрозионная защита, окультуривание, мелиорация – отошли на второй и третий план вместе с землеустройством, которое и обеспечивало решение этих задач.

Негативную роль сыграл президентский указ от 7.03.1996 г. «О реализации конституционных прав граждан на землю», разрешивший сдавать в аренду землю, обозначенную в свидетельствах о долевой собственности на землю. Появилась возможность сдать в аренду не реальный земельный участок – отмежеванный, имеющий границы на местности и стоящий на кадастровом учете – а земельную долю, виртуальный земельный участок, имеющий только площадь, обозначенную в свидетельстве. Поскольку долевые земли не были выделены, то этот указ дал зеленый свет самозахватам земель. Хозяйства, получив доли в аренду и согласовав вопрос с местным главой, использовали земли там, где им было удобно, в любой момент меняя расположение и конфигурацию полей и уже совершенно не заботясь о сохранении земель. В такой ситуации невозможно было определить, чью конкретно землю использует сельхозпредприятие. А поэтому и ответственности за неправильное использование не нес никто. Для местных глав такое положение служило привлекательным источником личного обогащения, и они не были заинтересованы в том, чтобы земельные доли были выделены в натуре, обрели своих персональных собственников, были отмежеваны и поставлены на кадастровый учет.

Тем временем, И. А. Южанов, сделав свое дело, мог уходить. Вместе с отставкой Правительства С. В. Кириенко суперминистерство, отвечавшее одновременно за землю, строительство и ЖКХ, было расформировано. Вновь вернули к жизни земельный комитет, только назвали его более пафосно – Комитет по земельной политике. Денег на продолжение земельной реформы не было выделено.

К тому времени оппоненты растеряли свой пыл от усталости и ощущения

невозможности какого-либо продвижения в том тупике, куда была загнана ситуация с землями. После расформирования министерства в течение почти года не могли назначить руководителя восстановленного комитета – ни у кого в земельной сфере не было решающего голоса. В июне 1999 г. председателем Комитета по земельной политике был назначен С. И. Сай, бывший заместитель Южанова по петербургскому земельному комитету, который оставался на этом посту вплоть до 2004 года. В 2000 г. комитет был переименован в Федеральную службу земельного кадастра. Землеустройство, которое до этого еще оставалось в функционале комитета, в 2000 г. было исключено полностью. В этом смысле, либералы одержали полную и безоговорочную победу. Из земельной политики и функций государства в земельной сфере были полностью устранены все содержательные вопросы. Остались лишь учетные функции, ведение базы данных и контроль за соблюдением юридических процедур.

Если Европа идет к объединению функций учета земель и регистрации прав в едином ведомстве, то в России нарастало размывание функций регулирования земельной сферы между различными структурами. Госкомзем обвинили в излишней «концентрации полномочий»: и земельную реформу проводит, и кадастр ведет, и регистрирует – все в одних руках. Новые реформаторы выступали за разделение полномочий, мотивируя это необходимостью противодействия коррупции. В 1997 г. функции государственной регистрации прав собственности на земельные участки были изъяты у Госкомзема России и переданы в ведение Министерства юстиции. Разделение в ходе земельной реформы функций ведения кадастра и регистрации прав было искусственным, привело к дублированию записей, росту числа ошибок, дополнительным расходам и необходимостью обращаться к двум бюрократам вместо одного. Неудачность этого решения стала очевидна сразу же, однако потребовалось 15 лет, чтобы в 2012 году кадастровый учет был вновь объединен с регистрацией прав в кадастровых палатах Росреестра.

Активное противостояние Госкомзема и Комитета по имуществу (Росимущества) набирало силу. Покончив с массовой приватизацией предприятий, Росимущество стремилось взять под свой прямой контроль приватизацию земель. После ухода Е. М. Примакова с поста премьера политическая воля либеральной команды продавила передачу полномочий по распоряжению землей Минимуществу, а комитет по земельной политике переименовали в кадастровую службу. Минсельхозу досталась странная функция – политика в отношении сельхозземель, – с которой он не в состоянии разобраться до настоящего времени, поскольку ни реальных полномочий, ни ресурсов, ни кадров для этого у Минсельхоза нет.

Аграрии, видя, в какую сторону пошла земельная реформа, оказывали отчаянное сопротивление. Им не нравилось радикальное расширение свободы распоряжения земельными долями. Если раньше долю можно было только передать в уставный капитал сельскохозяйственного предприятия, то после президентского указа 1996 года возможности распоряжения земельными долями были приближены к возможностям распоряжения земельными участками.

Ситуация в земельной сфере в 2000-е годы

После 2000 года, когда землеустройство в принципе было исключено из функционала государственных органов, земля как ресурс перестала существовать в качестве объекта государственной политики. Государственные органы сосредоточились на решении технических, учетных вопросов, видимо предполагая, что создадут тем самым рыночные объекты (земельные участки), оборот которых и приведет в конце концов к наиболее эффективным способам использования земель. Вопросы, касающиеся потребительских свойств земельных участков были вынесены «за скобки». Подразумевалось, что за это отвечают участники земельного рынка, это их предпринимательские риски.

В 2000 г. первым заместителем Министра имущественных отношений РФ, отвечающим за работу с землей, был назначен руководитель Нижегородского

комитета по земельным ресурсам и землеустройству Д. Б. Аратский. В 2004 г. он стал заместителем руководителя Федерального агентства по управлению федеральным имуществом, которое было создано вместо Минимущества.

Д. Б. Аратский знаменит тем, что немедленно по назначении начал бескомпромиссную борьбу с земельными долями, считая этот институт вредным для развития земельных отношений в стране. Он ратовал за назначение срока, по истечении которого доли, которыми владельцы не распорядились, должны быть изъяты в пользу государства. Это был политический ход, с помощью которого Минимущество искало возможности добраться до ресурса, путь к которому был перекрыт коллективной собственностью дольщиков.

Инициативы, выдвинутые Д. Б. Аратским, воспринимались аграриями как попытка обмануть огромное количество людей – владельцев долей. Ведь именно по вине государства подавляющее большинство не смогло распорядиться земельными долями: без государственного землеустроительного и организационного сопровождения массовое выделение земельных участков в счет долей просто невозможно. Ситуация с выделением земельных участков в счет долей в натуре и постановкой их на учет сложилась крайне неравномерно по регионам России. Если на Юге, где сельское хозяйство было высокорентабельным, очень быстро все было решено, то в Нечерноземье, Сибири, на Дальнем Востоке до настоящего времени остается чрезвычайно много невостребованных, неоформленных долей. Их оформление требовало больших усилий, времени, денежных затрат. Поэтому многие владельцы на это не решались.

Идея установления жесткого срока окончания действия свидетельств о долевой собственности на землю многократно возникала и также многократно отвергалась как чреватая серьезными последствиями. Но идею скорейшей ликвидации земельных долей удалось протащить через принятый 24 июля 2002 г. Федеральный Закон № 101 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», разрешающий свободную куплю-продажу земли. Непосредственное участие в разработке проекта закона принимал Д. Б. Аратский. Как прокомментировала ситуацию лидер «Крестьянского фронта»: «До 2002 года крестьянам дали права на землю, после 2002 года их отобрали обратно» (*Виссер, Мамонова* и *Споор, 2012. С. 109*).

Этот закон, в частности, предусматривал возможность любому лицу выступать заказчиком проекта межевания земельных участков для выделения в счет земельных долей. На практике это позволило реализовать скупку земельных участков крупным капиталом. Вначале, через доверенного участника долевой собственности (обычно им был руководитель бывшего колхоза или совхоза) скупались земельные доли в количестве, необходимом для принятия решения на общем собрании участников долевой собственности. Затем инвестор обеспечивал составление проекта межевания земельных участков с выделением лучших земель. После этого земли переводились из категории земель сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов, земли промышленности или в земли для ведения садоводства и дачного строительства (*Макаров* и *Хубиев, 2013*). По мнению экспертов, именно этот закон создал основу возникновения крупных лендлордов, сформировал механизм спекуляции земельными долями. Часть земель покупали для выстраивания крупных агрохолдингов, создания производств. Однако большую часть земель покупали для того, чтобы потом изменить категорию земель и продать значительно дороже.

Временно введенный, но существующий на протяжении жизни целого поколения институт земельных долей вместо решения земельного вопроса и создания возможностей для развития аграрного бизнеса, привел к коррупции, стагнации в земельной сфере и формированию слоя земельных спекулянтов и «лендлордов». «Если в России 1990-е годы представлены как десятилетие борьбы за собственность в промышленности и энергетическом секторе, в первом десятилетии нового тысячелетия (2000-2010) внимание к сельскому хозяйству постепенно

возрастало, то второе десятилетие (2010-2020 годы) все больше похоже на десятилетие борьбы за землю» (*Виссер, Мамонова* и *Споор, 2012. С. 122-123*). Бизнес вступил в стадию «земельной лихорадки» (*Виссер, Мамонова* и *Споор, 2012. С. 88*).

Нельзя не отметить еще одну новацию, которая служит прекрасной иллюстрацией того, как опыт, бездумно перенесенный из других стран, становится тормозом на пути развития. Речь идет о заявительном принципе кадастрового учета земель. Этот принцип, введенный законом «О государственном земельном кадастре» от 2 января 2000 г., сохраняется до сих пор. Означает он то, что государство не обязано ставить все земли на кадастровый учет. Если землевладельцу нужно поставить на учет земельный участок (внести его в кадастр), он сам за свой счет должен обеспечить проведение всех кадастровых работ (что требует дорогостоящих полевых работ с выездом специалистов на место) и сдать все документы в государственный орган, уполномоченный на ведение земельного кадастра. Для миллионов владельцев земельных паев эта процедура абсолютно неподъемна по трудовым и денежным затратам. Таким образом, возобладал принципиальный подход, что учет земель – это не то, что нужно государству, а то, что нужно землевладельцу, например, для купли-продажи, залога и т.д. Однако без сплошной инвентаризации и постановки земель на кадастровый учет, причем за государственный счет, регулирование земельных отношений, приток инвестиций, сбор налогов не могут быть обеспечены.

Результатом введения заявительного принципа оказалось резкое падение количества стоящих на учете земельных участков. К примеру, С. И. Сай, который руководил Федеральной службой земельного кадастра в 2000-2004 годах, отчитываясь перед Правительством, сообщил, что за 2 года всего 3-5% земель поставлены на кадастр. Это при том, что в 1999 году на кадастровом учете стояло 95% земель. Правда, кадастр велся на бумажных носителях, но всю информацию, пусть и в бумажных папках, можно было найти. В 2012 году Министр экономического развития А. Р. Белоусов на заседании Президиума Госсовета заявил, что на кадастровом учете стоит 30 млн. земельных участков из 60 млн. По данным Министерства сельского хозяйства, в 2012 г. только 20% земли было оформлено в собственность, 80% земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения так и не поставлено на кадастровый учет, а значит, не зарегистрированы надлежащим образом права на эти земли, земельные участки не были отмежеваны и оформлены. К такой ситуации привело законодательное установление заявительного режима постановки земельных участков на кадастровый учет, при котором ответственность за постановку возложена на владельца.

Российское государство само лишает себя мощнейшего ресурса влияния на хозяйственные процессы, объекта инвестирования, способного принять десятки миллиардов долларов. До тех пор, пока земельный участок не поставлен на кадастровый учет, его невозможно использовать ни для привлечения инвестиций, ни для сбора налогов. Постановка на кадастровый учет и землеустройство – это необходимые инициативные, стартовые действия, которые переводят аграрные земли из состояния «запаса» в состояние активного ресурса, потенциал которого может учитываться в инвестиционных стратегиях и проектах (*Алакоз* и *Никонов, 2013*). К тому же в условиях членства в ВТО учет и категоризация земель становятся важнейших условием оказания помощи сельскому хозяйству (*Барсукова, 2014*).

В 2000-е годы неразбериха в земельной сфере только усилилась, земля не обрела реального собственника, широкое распространение получила спекулятивная скупка земельных долей – не для производства, а для перепродажи после перевода в другую категорию. Не только девелоперы, скупившие земли для последующего строительства жилья и промышленных объектов, но и агрохолдинги практикуют необоснованную скупку земель. В производственной деятельности они используют только лучшие земли, а остальные оставляют как стратегический запас на будущее. Это возможно только потому, что земельный налог крайне низок, а контроль за

использованием земель по целевому назначению практически отсутствует. Россельхознадзор, изначально специализированный на контроле сельскохозяйственной и пищевой продукции, получивший функции контроля сельскохозяйственных земель как бы «в нагрузку», не справляется с этой задачей, поскольку у него отсутствуют необходимые структуры, кадры и ресурсы.

По скромным оценкам Минсельхоза площадь неиспользуемых сельскохозяйственных угодий составляет 27 млн. гектаров, то есть 1/7 часть всех сельскохозяйственных угодий страны. Оценки экспертов поднимают эту цифру раза в полтора. Но точные оценки в этом вопросе невозможны, т.к. сплошных, а тем более регулярных полевых обследований никто не проводит. Россельхознадзор не в силах проконтролировать все поля. Минсельхоз пытается использовать статистические данные, получаемые от землепользователей и данные дистанционного зондирования земли (космоснимки). Однако землепользователи склонны фальсифицировать данные об используемых площадях, поскольку на это завязаны налоги, сокрытие выращенной продукции, страхование урожаев, нежелание вкладываться в противоэрозионную защиту и мелиорацию, и т.д. Методика же определения использования земель по данным космоснимков пока довольно груба, официально не утверждена, а главное, она все равно требует предварительных полевых исследований для расшифровки этих снимков.

Основные итоги земельной реформы в новой России

В ходе приватизации земель в постсоветской России наряду с государственной и муниципальной сложилась частная собственность на землю. Были реорганизованы крупные коллективные и государственные сельскохозяйственные предприятия (колхозы и совхозы), а их работники и ряд других категорий жителей села (учителя, врачи, работники органов власти) получили право собственности на земельные доли из земель сельскохозяйственного назначения реорганизуемых хозяйств.

Однако закрепление земель в частную собственность не было обеспечено должными механизмами реализации прав. Поэтому переход земель из государственной и условно-коллективной (колхозной) в частную собственность по большей части стал формальным, не привел к формированию реального земельного рынка (*Буздалов, 2010; 2012*).

При реорганизации и приватизации сельскохозяйственных предприятий земли передавались в коллективную (долевую) собственность с выдачей свидетельств о праве собственности на земельные доли. Первоначально было законодательно установлено, что до 1 января 1993 г. собственники земельных долей (земельных и имущественных паёв) должны распорядиться полученными паями. Однако плохая информированность сельского населения и отсутствие необходимой государственной поддержки проведения земельной реформы не позволили реализовать поставленную задачу. Через двадцать с лишним лет после начала земельной реформы из 12 млн. собственников земельных долей, владеющих 115 млн. га сельскохозяйственных угодий, около 8,9 млн. участников общей долевой собственности на землю площадью 94,9 млн. га сельхозугодий не выделили свои участки в натуре и не распорядились земельными долями (*Доклад…, 2013. С. 9*). Площадь невостребованных земельных долей, собственники которых в установленный срок не получили свидетельства, либо, получив их, не воспользовались своими правами по распоряжению, по состоянию на 2012 г. составляла 22% от общей площади паевых земель (20,9 миллионов гектаров) (*Доклад…, 2013. С. 9*).

В результате «ничейности» земель происходит их стремительная деградация. Ежегодно сокращаются площади земель сельскохозяйственного назначения, основной причиной чего является прекращение деятельности сельскохозяйственных организаций. Часть этих земель заброшена, зарастает лесом и кустарником, системы орошения и осушения на этих землях разрушаются. Другая часть

сельскохозяйственных угодий используется в режиме теневого рынка. Зачастую крупные собственники земельных участков, приобретавшие землю в спекулятивных целях и не сумевшие ею распорядиться, даже не знают, кто и с какой целью использует принадлежащие им земли. Работа на таких землях, включая сбор и реализацию урожая, осуществляется вне системы учета и налоговой отчетности. Оценить объемы потерь бюджета от такого использования земельных ресурса не возьмется ни один эксперт.

Возможностью купли-продажи земельных долей воспользовались девелоперы, скупающие доли в хозяйствах, расположенных в местах, удобных для строительства загородного жилья. Затем в счет этих долей выделяются земельные участки, которые ставятся на кадастровый учет. При содействии коррумпированных чиновников земли относятся к малоценным землям сельскохозяйственного назначения, меняют категорию с земель сельскохозяйственного назначения на земли для индивидуального жилищного строительства. На каждом шаге этой схемы решения принимаются путем неформального соглашения с руководителями органов власти муниципального и регионального уровней.

Данная практика легла в основу требований вообще отменить категорию земель сельскохозяйственного назначения как правовой институт. Дескать, победить коррупцию в этом вопросе невозможно, поэтому необходимо отменить такое ограничение. Вопрос о категориях земель в контексте «унификации» законодательства и приведения земельного законодательства в соответствие с общими подходами гражданского права о недвижимости, стал стержнем, вокруг которого разворачивается очередная волна земельной реформы и ведется нешуточная борьба среди законодателей, подталкиваемых различными группами интересов (*Звягинцев, 2014*).

Развязка интриги не за горами, на кону последний стратегический ресурс России – сельскохозяйственные земли. Аграрные политики и эксперты в области аграрно-земельной политики убеждены, что сельское хозяйство России имеет огромные перспективы, а Россия вполне способна в недалеком будущем стать великой аграрной державой. Но для этого необходимо сохранить сельскохозяйственные земли, повысить их капитализацию и инвестиционную привлекательность, что не согласуется с последними тенденциями в реформе земельного законодательства.

В результате почти 25-ти летней земельной реформы нет единого органа, разрабатывающего земельную политику и осуществляющего управление земельными ресурсами. В настоящее время не существует скоординированной, управляемой из единого центра системы институтов, обеспечивающих выработку и поддержание норм и стандартов всех видов деятельности, связанных с оборотом, использованием земель, сохранением их плодородия, учетом и оценкой. *Земельные ресурсы, фактически, перестали быть объектом управления.* Подготовка студентов в землеустроительных ВУЗах – это подготовка специалистов для несуществующего рынка. Возможности для перевода российских аграрных земель из состояния «запаса» в состояние актуального ресурса еще не утеряны окончательно, но точка невозврата не за горами.

Без воссоздания государственного центра регулирования земельной сферы, обеспечивающего ее функционирование, модернизацию и развитие, точка невозврата будет пройдена в тот момент, когда уйдут из активной работы кадры землеустроителей, получившие опыт в советское время. После этого земельную сферу России нужно будет проектировать и создавать практически с чистого листа. Как понимают здравомыслящие люди, никакой рынок в этом не поможет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абалкин Л. И. (2009). Аграрная трагедия России // *Вопросы экономики*, № 9, с.4-14.

Алакоз В. В. и *Никонов А. В.* (2013). Землеустройство – инвестиционная карта России в аграрном секторе // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*, №4, с. 6-12.

Барсукова С. Ю. (2014). Выделение регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, или как в России собираются помогать сельскому хозяйству в условиях членства в ВТО // *ЭКО*, № 3, с. 89-104.

Буздалов И. Н. (2010). Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России // *АПК: экономика, управление*, № 5, с. 21 -34.

Буздалов И. Н. (2012). Земельная реформа: взгляд сквозь призму замысла // *АПК: экономика, управление*, № 7, с. 3-17.

Виссер О., Мамонова Н. и *Споор М.* (2012). Инвесторы, мегафермы и «пустующие» земли: крупные земельные сделки в России // Земельная аккумуляция в начале XXI века. Под общ. ред. *А. М. Никулина*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, с. 66-125.

Волков С. Н. (2013). Землеустройство. М.: ГУЗ.

Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Министерства сельского хозяйства Российской Федерации за 2012 год (издан в 2013 году). (http://rosagroland.ru/monitoring/analitycs/311/ - Дата обращения: 05.04.2015).

Звягинцев В. И. (2014). И опять земельный вопрос // *ЭКО*, № 2, с. 143-152.

Липски С. А. (2013). Земельная реформа в постсоветской России // *Экономический журнал*, № 3, с. 139-148.

Макаров А. Н. и *Хубиев К. А.* (2013). Теневая экономика и реформа земельной собственности в современной России // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель.* № 6, с. 29-34.

Узун В. Я. (2008). Аграрная реформа в России: мифы и реальность // *Вопросы экономики*, № 10, с. 139-155.

REFERENCES

Abalkin L. I. (2009). Russian agrarian tragedy. *Voprosy Economiki*, no. 9, pp. 4-14. (In Russian).

Alakoz V. V. and *Nikonov A. V.* (2013). Land management – investment map of Russia in the agrarian sector. *Land Management, Cadaster and Monotoring of Lands*, no. 4, pp. 6-12. (In Russian).

Barsukova S. Yu. (2014). Regions unsuitable for agriculture (or how Russia, being a member of the WTO, intends helping its agriculture). *ЭКО*, no. 3, pp. 89-104. (In Russian).

Buzdalov I. N. (2010). Conditions and directions of socio-economic modernization of agriculture in Russia. *AIC: Economics, Management*, no. 5, pp. 21-34. (In Russian).

Buzdalov I. N. (2012). Land Reform: Looking through the prism of the plan. *AIC: Ecomomics, Management*, no. 7, pp. 3-17. (In Russian).

Lipski S. A. (2013). Land Reform in Postsoviet Russia. *Economic Journal*, no. 3, pp. 139-148. (In Russian).

Makarov A. N. and *Hubiev K. A.* (2013). The shadow economy and the reform of land ownership in modern Russia. *Land Management, Cadaster and Monotoring of Lands*, no. 6, pp. 29-34. (In Russian).

Report on the Status and Use of Agricultural Land of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation for 2012 (published in 2013). (http://rosagroland.ru/monitoring/analitycs/311/ - Access Date: 05.04.2015).

Uzun V. Ya. (2008). Land Reform in Russia: Myths and Reality. *Voprosy*

Economiki, no. 10, pp. 139-155. (In Russian).

Visser O., Mamonova N. and *Spoor M.* (2012). Investors, megafarms and "empty" land: large land deals in Russia // Land Accumulation at the Beginning of the XXI Century. Ed. by A. M. Nikulin. Moscow, Publ. House "Case [Delo]", pp. 66-125. (In Russian).

Volkov S. N. (2013). Land management. Moscow, SULM. (In Russian).

Zvyagintsev V. I. (2014). Again, the land question. *ЭКО*, no. 2, pp. 143-152. (In Russian).

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.099-108*

«ГОСУДАРСТВО» УСТАРЕЛО: ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

КРУГЛОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА,

аспирант кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, e-mail: katia.kruglova@gmail.com

В статье поднимается проблема неоперациональности определения государства, основанного исключительно на преимуществе в применении насилия на определенной территории, которое используется как базовая дефиниция в рамках российской школы новой институциональной экономической теории. Традиционное определение не позволяет исключить из анализа организации, не являющиеся государствами, но обладающие признаком территориального преимущества в применении насилия. Это создает сложности, так как размывает предмет исследования в работах, где им является государство. Автор предлагает дополнить определение, введя в него дополнительные признаки: легитимность и суверенитет. Новое операциональное определение позволяет исключить из анализа те организации, которые не являются государством, хотя и обладают похожими признаками.
Ключевые слова: *государство; легитимность; общественный договор; суверенитет.*

THE "STATE" IS OUT OF DATE: THE NEED FOR A NEW DEFINITION OF THE STATE

KRUGLOVA EKATERINA, A.,

Postgraduate Student, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, e-mail: katia.kruglova@gmail.com

The issue of non-functional definition of the state, solely based on the comparative advantage in violence, extending over a geographic area is addressed in the paper. Traditional definition does not exclude from the analysis all the organizations, which cannot be concidered as a State, but have advantage in the use of violence over specific territory. This situation creates difficulties in analizing The State, as far as it blurs the subject of study. The author proposes to develop the definition of the State by adding new marks: legitimacy and sovereignty. New functional definition helps to exclude those organizations that are not states from the analysis.
Keywords: *state; legitimacy; social contract; sovereignty.*

JEL: *B52, D02, N40.*

Введение

В традициях российской школы новой институциональной экономики в качестве базового определения государства используется дефиниция,

© Круглова Е. А., 2015

предложенная в работе Дугласа Норта «Структура и изменения в экономической истории»: «государство - организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющимися на географический район, границы которого устанавливаются его способностью облагать налогом подданных» (*North, 1981. P. 21*). На данный момент конвенциональное определение сводится к преимуществу в применении насилия, которое выделено в качестве ключевого признака государства. Однако под такое широкое определение, основывающееся исключительно на понятии насилия, попадают не только настоящие государства, но и территории, находящиеся во власти повстанцев, полевых командиров, так называемые квази-государства и другие организации, государством не являющиеся. Тут возникает проблема для исследований, предметом которых является государство, так как объект исследования размывается. Особенно актуальной эта проблема стала в последнее время в связи с массовыми самопровозглашениями независимости таких образований, как Исламское государство, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Донецкая Народная Республика и др. Какие из этих и многих других, претендующих на звание государства образований действительно являются государствами? Что должно быть объектом анализа при изучении государства, а что должно остаться за его рамками? Это должно быть ясно из определения. Данная статья посвящена поиску нового операционального определения государства.

Государство-бандит и квази-государство – проблемы определения

Одна из граней подхода, в котором государство определяется через преимущество в применении насилия, отражена в модели Мансура Олсона «кочующий – оседлый бандит» (*Olson, 1993*), которая была формализирована Питером Куррилдом-Клитгаардом и Гертом Тингаардом Свендсеном (*Kurrild-Klitgaard* and *Svendsen, 2003*). Согласно концепции данных исследователей, появление государства связано с превращением кочующего бандита в оседлого. Различие между оседлым и кочующим бандитом заключается в следующем: кочующий бандит обладает сравнительными преимуществами применения насилия только относительно своих жертв, а оседлый – и относительно жертв, и относительно других бандитов, то есть, иными словами, имеет локальное преимущество в применении насилия. В описанных выше исследованиях приводятся исторические кейсы, подтверждающие данный подход. Питер Куррилд-Клитгаард и Герт Свендсен рассказывают о том, как эгоистичные интересы и конкуренция за разграбляемые ресурсы привели к тому, что викинги из кочующих бандитов превратились в правителей королевств Дублина, Нортумбрии, Йорка, королевства Островов, обосновались в Нормандии и т.д. (*Kurrild-Klitgaard* and *Svendsen, 2003. P. 261-264*). Мансур Олсон приводит пример Китая в 1920-ых годах, когда часть страны была поделена между различными полевыми командирами. Он описывает ситуацию, в которой жители предпочитали оседлого полевого командира, взимающего постоянную дань, кочующим бандитам, которые уходили после грабежа (*Olson, 1993*).

Однако уже в истории из Китая кроется нестыковка, которая подвергает сомнению универсальность определения государства единственно через преимущество в применении насилия. В описываемой Олсоном ситуации, бесспорно, имело место преимущество в применении насилия, принадлежавшее полевому командиру в Китае. Но делало ли это преимущество и возможность собирать дань с подданных его территории государством? Нет. Аналогично, подвластные полевым командирам и другим подобным организациям территории в Африке, на которых существует преимущество в применении насилия, не становятся отдельными государствами. В данной статье в отношении подобных организаций предлагается использовать термин «квази-государство», позаимствованный из работ Роберта Ротберга, когда полевые командиры и другие негосударственные агенты получают

контроль над регионом или территорией (*Rotberg, 2004. P. 10*). Благодаря преимуществу в насилии они могут создавать там свою систему безопасности, санкционированные рынки и торговые соглашения. Подобные примеры можно найти на территории многих слабых или несостоятельных государств, особенно на Африканском континенте. Соответственно, квази-государство можно определить как *организацию, со сравнительным преимуществом в осуществлении насилия на определенной территории, не являющуюся государством (не обладающую другими признаками государства).*

Определение государства Норта оказывается несостоятельным и в других исторических примерах, демонстрирующих обратную ситуацию наличия государства при отстутствии у него преимущества в насилии. По данным Роберта Ротборга (*Rotberg, 2004. P. 17*), в Колумбии треть территории страны контролируется частными армиями наркоторговцев и повстанческими группировками, то есть государство не обладает преимуществом в использовании насилия на своей территории. Однако Колумбия до сих пор является целостным и в некоторых сферах благополучным государством. Еще ряд опровергающих примеров можно найти в истории Средневековой Европы. Феодализм породил ситуацию, в которой король зачастую оказывался в экономическом и военном плане слабее своих вассалов. Несмотря на то, что во время правления Каролингов сложилась именно такая ситуация, из контроля их династии вышла только Нижняя Бургундия. Об этом в частности пишет Норт (*North, 1981. P. 139*). По его словам многие вассалы были практически такими же сильными, как их король, не говоря о том, что вместе взятые они сильно привосходили силы короля. Сильные вассалы представляли собой постоянную угрозу для короля: они могли либо совершить переворот, либо сотрудничать с внешними врагами, как это делали бургундцы с Англией против французского короля. Приведенные выше примеры показывают, что определение, базирующееся исключительно на насилии, является недостаточным и не операциональным. Оно не позволяет отличить государства от других образований, основывающихся на территориальном преимуществе в применении насилия.

Очевидно, возникает необходимость включения в определение дополнительных характеристик, которые уточнили бы понятие государства. Это позволит более эффективно отличать государство от других похожих организаций. Потребность создания более точного, операционального определения государства возникает в тех сферах, где государство является основным объектом исследования. В подобных темах принципиально понимать, что является государством, а что не является таковым и просто обладает набором похожих признаков. Особенно важно это для изучения темы несостоятельности государств.

Размышления над операционализацией существующего понятия государства привели меня к выявлению двух дополнительных характеристик. Об одной из них вскользь упоминает Олсон, не придавая, однако, этому большого внимания. Описывая полевых командиров в Китае, он говорит: «у полевых командиров нет никаких притязаний/претензий на легитимность» (*Olson, 1993. P. 568*). Именно легитимность является одной из ключевых характеристик, отличающих настоящие государства от других организаций со сравнительным преимуществом в осуществлении насилия. Роберт И. Ротберг, рассуждая о квази-государствах, отмечает, что присутствующая в них власть полевых командиров является нелегитимной (*Rotberg, 2004. P. 10*). Речь идет о легитимности государства внутри своих границ. Подробнее о том, кто должен признавать государство легитимным, будет рассмотрено дальше. Также Ротберг отмечает и другую характеристику власти полевых командиров – она непризнанная, в том числе международно. Помимо внутренней легитимности, необходимо, чтобы права государства были признаны международно. То есть организация, считающаяся государством, должна признаваться легитимной другими подобными организациями. Эту внешнюю легитимность, международное признание прав государства, можно обозначить термином «суверенитет». На основе вышесказанного

можно сформулировать следующее операциональное определение государства, позволяющее преодолеть ограничения традиционного определения:

Государство – это организация, обладающая сравнительным преимуществом в применении насилия на определенной территории, границы которой определяются ее внутренней легитимностью, а также признанием легитимности этой территории со стороны таких же организаций (признанием суверенитета).

Таким образом, определение государства должно состоять из 3 основных признаков: **сравнительное преимущество в применении насилия**, внутренняя **легитимность** и **суверенитет** (внешняя легитимность). До некоторой степени один признак может частично компенсироваться другими признаками. Особенно это касается преимущества в применении насилия. Как в случае с Колумбией, где преимущество в применении насилия со стороны государства можно поставить под вопрос, однако легитимность и суверенитет позволяют уверенно говорить о том, что Колумбия является государством.

Легитимность

Использование термина легитимность в определении государства можно встретить еще у Макса Вебера. В своей работе «Политика как призвание и профессия» он утверждает, что «дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия. <…> Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» (*Вебер, 1990. С. 645-646*). В данном случае Вебер говорит только о легитимности насилия, которая подразумевает следующее: «легитимность в осуществлении насилия <…> есть отсутствие массового неповиновения этому насилию со стороны подданных» (*Тамбовцев, 1998. С. 150*). Однако я говорю о легитимности государства в целом, которое, по аналогии со словами Виталия Тамбовцева, можно определить как *отсутствие несогласия с действиями, предпринимаемыми государством и самим фактом его существования.* Другими словами, за государством признается право на существование и совершение определенных действий, а также право принятия обязательных решений в установленном порядке. Этот подход разделяет Александрос Яннис, говоря, что любой орган государственной власти должен основываться на локальной поддержке и общественной легитимности (*Milliken, 2003. P. 78*).

Дуглас Норт в книге «Структура и изменения...» также отмечает важность легитимности, однако рассматривает ее как важное средство минимизации издержек на инфорсмент правил и защиту прав собственности государством, а не как его признак (*North, 1981. P. 53*).

Вопрос в том, что делает государство легитимным? Для этого снова обратимся к работе Мансура Олсона. Как уже упоминалось, Олсон отмечал, что население определенной территории Китая предпочитало власть военачальника периодическим набегам кочующих бандитов (*Olson, 1993. P. 568*). Это значит, что соотношение выгод и издержек при режиме оседлого бандита Юйсяна было более благоприятным. В чем же заключалось преимущество оседлого бандита для населения? Правление оседлого бандита обеспечивало населению безопасность и повышало стимулы к инвестированию, так как бандит изымал лишь часть заработанного, а горизонт их планирования удлинялся. Невидимая рука, чье благословение, согласно Олсону, превращало кочующего бандита в оседлого, также приводила к тому, что в обмен на собираемые налоги правитель из эгоистичных интересов производил некий набор общественных благ, способствуя тем самым увеличению выпуска и росту благосостояния населения. То, что население в Китае

предпочитало оседлого бандита означает, что оно представляло свои потенциальные выгоды от его власти. У подданных и у бандита существовал определенный набор ожиданий, кто что обязан делать: население обязано платить дань, а он в свою очередь как минимум защищать население от других бандитов. В экономической теории данный набор взаимных ожиданий между правителем и подданными носит название общественного договора. Договор, о котором идет речь, в большинстве случаев является неформализированным. Он представляет собой обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, правил их реализации и взаимных обязанностях между государством и подданными (*Аузан, 2009*). Нарушение данного договора со стороны государства приводит к тому, что подданные пересматривают свои потенциальные выгоды от оседлого бандита и могут перестать считать его предпочтительной альтернативой. У жителей территории может возникнуть несогласие с действиями, предпринимаемыми государством, если они не соответствуют их ожиданиям. Иными словами, несоблюдение общественного договора государством сделает его нелегитимным для своих подданных. Отсюда можно сделать вывод, что общественный договор обеспечивает легитимность государства.

Общественный договор в каждом конкретном государстве может отличаться в зависимости от предпочтений его жителей, а также периодически пересматриваться, однако его базис составляют безопасность, права собственности и свободы и другие общественные блага. По словам Клэпмена в сборнике под редакцией Роберта И. Ротберга, веберианское государство с его обширными полномочиями и множественной бюрократией может быть легитимизировано только через предоставление его населению общественных благ, без этого оно превратится в аппарат принуждения и вымогательства (*Rotberg, 2004. P. 29*). Рассмотрим подробнее, что конкретно может быть предметом общественного договора. Для это обратимся к иерархии политических благ, описанной Робертом И. Ротбергом (*Rotberg, 2004. P. 3*).

Первым по значимости политическим благом, которое обязано предоставлять государство, является безопасность. Предоставление данного блага является первоочередной функцией государства. Производство других общественных благ возможно лишь тогда, когда будет достигнут необходимый уровень безопасности. Согласно статье Александра Янниса, опубликованной в сборнике под редакцией Милликена, ни одна из значимых теорий государства, даже «минималистического»[1] государства, не оспаривает его роль как основного стража общественного порядка и безопасности граждан. Минимальным требованием, предъявляемым к государству, согласно Яннису, была такая структура власти, которая может гарантировать, через свою монополию на законотворчество и средства принуждения, то, что государство будет придерживаться условия общественного договора по предоставлению безопасности своим гражданам (*Milliken, 2003. P. 68*).

Следующим по важности набором общественных благ являются законы и предписания, которые вместе составляют нормативно-правовую базу, защиту прав собственности и исполнение контрактов, а также эффективную судебную систему. В некотором смысле это и есть те первые общественные блага, которые с помощью невидимой руки, руководствуясь своими эгоистичными интересами, начинает производить оседлый бандит на пользу общества в модели Олсона. Перечисленных двух пунктов общественного договора будет достаточно для легитимности слабых развивающихся государств.

Следующий уровень предоставляемых политических благ - это личностные права. Речь идет о базовых свободах: основные права и свободы человека и гражданина, право свободного участия в политической жизни, уважение и поддержка национальных и региональных политических институтов, толерантное отношение к другим взглядам и различиям и т.д. Данное условие свойственно для

[1] Под «минималистичным» государством Яннис понимает «минимальное государство», описанное либеральным политическим философом Робертом Нозиком (*Milliken, 2003. P. 67-68*).

общественных договоров наиболее развитых стран.

Заключают данную иерархию общественных благ такие их виды, которые могут производиться государством и некоторое общество предъявляет государству спрос, но также они могут производиться и частным путем. Речь идет о медицине, образовании, инфраструктурных объектах, коммуникационных сетях, банковской системе и т.п. Подобные пункт не всегда встречается даже в общественном договоре самых развитых стран. В частности, в США большая часть медицинского обслуживания и образования предоставляется частным путем, и граждане США согласны с подобным общественным договором, считают власть в своем государстве легитимной. В то же время Республика Куба гарантирует всем жителям бесплатное образование и здравоохранение, и жители «острова свободы» ожидают от властей этого. Именно социальная политика Кубы во многом обеспечивают легитимность государственного режима на Кубе (*Yamaoka, 2004*). В целом можно сделать вывод, что для любого общественного договора обязательными являются первые два уровня иерархии политических благ, особенно в части безопасности и защиты прав собственности, остальные уровни являются специфическими для каждого конкретного случая.

В своей работе «Структура и изменения в экономической истории» Норт пишет, что в Новом королевстве Египта власть фараона уже основывалась не столько на концепции его божественного происхождения, сколько на законодательных органах, судебной власти, армии, полиции и духовенстве (*North, 1981. P. 97*). Из этого к насилию имеют отношение только армия и полиция, а остальные пункты способствуют выполнению второго уровня из иерархии политических благ по Ротбергу. Также Норт высказывает гипотезу, что объединению разных по своему развитию, экономической структуре, религии и силе царств под властью Персидской империи способствовали не только сила, но и королевские дороги, морские пути и единая королевская валюта – инфраструктура, создающая выгоды от нахождения в рамках империи, поддержание которой способствовало легитимизации общественного договора в Персии. Это давало доступ к широкому внутреннему рынку (*North, 1981. P. 101*).

Довольно интересным является вопрос, кто конкретно должен считать государство легитимным? В данной статье изначально предполагается легитимность в сознании большинства граждан. Однако модель открытых-закрытых порядков, разработанная Нортом, Вайнгасом и Уолисом (*Норт и др., 2011*), может обогатить эту концепцию новым уровнем рассуждений. Государства открытого порядка характеризуются безличными правами, верховенством закона, возможностью контроля над политической системой любой группой в рамках установленных формальных правил и сильным и динамичным гражданским обществом. В отношении стран с открытым доступом изначальное рассуждение является верным, важна легитимность в сознании большей части населения. Ведь в случае неисполнения государством общественного договора, граждане через организации могут политическим путем добиться пересмотра или прекращения данного договора и смены правительства. Однако ситуация может измениться, если речь идет о странах закрытого доступа. Подобные государственные устройства не требуют всеобщего согласия своих граждан, а основываются на интересах элит. Соответственно, в данном случае необходимо отсутствие несогласия именно среди элит с действиями, предпринимаемыми государством, и самим фактом его существования. То есть, иными словами, в случаях закрытого доступа принципиальной может быть не столько легитимность в сознании большинства граждан, сколько в сознании элит.

Суверенитет

Важным также является признание государства в качестве легитимного участника международной системы (и не признание образований, которые не являются государствами) другими аналогичными организациями. Несмотря на то,

что в рамках международного права по Конвенции Монтевидео 1933 года политическое существование государства не зависит от его признания другими государствами[2] (декларативная теория государства), в мировой практике международное признание по факту является одним из ключевых пунктов государственности (конститутивная теория). Современный мировой порядок, который начал формироваться с момента отказа от колониальной системы (решение, что все территории должны быть разделены на страны), базируется на постоянном взаимодействии и взаимозависимости государств. Последние десятилетия основным лейтмотивом международных взаимоотношений является совместное противостояние глобальным вызовам: от терроризма до пандемий. Такой подход делает практически невозможным изоляцию отдельных государств от происходящих процессов, что делает необходимым их международное признание.

По словам Милликен и Краузе «суверенными правами может обладать только государство, признанное другими суверенными государствами. При этом законные претензии на суверенитет должны быть подкреплены на практике: правитель должен иметь фактический контроль над своей территорией» (*Milliken, 2003. P. 3*). Основываясь на этих словах, мы можем определить суверенитет, как *отсутствие несогласия с фактом существования государства среди аналогичных организаций, а также признание прав данного государства принимать внутренние обязательнные решения.*

Суверенитет как признание прав другими государствами является условным гарантом устойчивости преимущества в применении насилия в установленных территориальных границах. Признание суверенитета одного государства другими снижает вероятность того, что они будут оспаривать его преимущество на насилие на данной территории по сравнению с ситуацией, когда территория не признавалась суверенной, и может оспариваться соседними государствами. К тому же в современном мировом порядке, когда на карте нет «белых пятен» и вся карта мира разделена на страны, непризнание суверенитета какой-то страны означает, что она в большинстве случаев формально считается частью другого государства, не должна иметь территориальное преимущество в применении насилия и ее общественный договор не имеет силы на фоне договора, принятого в государстве, к которому эта территория принадлежит.

В современном мире необходимость суверенитета стала еще острее в связи с новым уровнем взаимосвязей и взаимозависимостью между странами. Международная торговля, взаимодействие и помощь в большинстве случаев возможны только между и в пользу признанных мировым сообществом стран. Так, в случае Сомалиленда, одной из самых развитых и спокойных частей несостоятельного государства Сомали, отсутствие признанного суверенитета препятствовало предоставлению легитимному для жителей правительству международной помощи для закрепления достигнутых успехов и дальнейшего развития. Клэпхэм с коллегами в своем исследовании, посвященном положению Сомалилэнда, приводит цитату из местной газеты: «Это держит во вне людей. Это держит государство в состоянии хрупкости. Это держит во вне инвесторов. Это закрывает двери международным финансовым организациям. Это ограничивает прогресс страны, торговлю и путешествия. Это делает нас изолированным островом. Мы имеем право на признание!» (*Clapham et al., 2011. P. 9*).

Признание суверенитета важно не только для новых, недавно образовавшихся государств, но и для уже существующих, так как для них тоже прекращение признания их прав на международном уровне может повлечь потерю преимущества на применения насилия и легитимность. К примеру, частичное прекращение признания прав государств Ливии и Сирии на международном уровне привело к вторжению международных сил на их территорию и потерю ими остальных признаков государственности.

[2] Convention on rights and duties of States, 49 Stat. 3097, ст.3, Treaty Series 881, signed at Montevideo December 26, 1933. (http://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp - Дата обращения: 03.02.2015).

Суверенитет как признание другими странами может оцениваться де-юре, когда страна признает права другой страны официально и заключает с ней дипломатические отношения, или ad hoc[3], когда признание демонстрируется действиями одной страны в отношении другой: экономическими отношениями, военной поддержкой и т.п. К тому же нет необходимости абсолютного признания государства всеми странами. Например, Израиль является полноценным государством, несмотря на то, что его не признают часть арабских и мусульманских государств. Аналогично Палестина не признается Израилем и некоторыми другими государствами. Иногда достаточно даже признание страны региональным гегемоном или непосредственными соседями, чтобы организация могла полностью исполнять функции государства. Для Абхазии и Южной Осетии признание Россией, крупнейшим экономическим партнером и страной с наибольшим потенциалом насилия в регионе, было достаточным, чтобы их можно было отнести к государствам согласно приведенному в данной работе определению.

Поскольку задачей данной статьи является формулировка операционального определения государства, которое можно будет использовать в дальнейших исследованиях, то суверенитет здесь играет особую роль. Рассмотренные выше понятия «преимущества в применении насилия» и «легитимности» на данный момент являются сложно измеримыми и основываются в большей части на экспертных оценках. Суверенитет же является легко верифицируемым, позволяет отделить государства от схожих организаций на основе строгого критерия.

Признак суверенитета позволяет без оценки легитимности, для которой на данный момент нет операциональных методик, определить Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье как государства, а Исламское Государство, Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику – нет. Южная Осетия и Абхазия официально признаны региональным лидером – Россией. Приднестровье также признано Россией, не на официальном уровне, но ad hoc. Между Россией и Приднестровьем подписан ряд межведомственных договоренностей[4]. Исламское Государство не признано ни одним государством ни формально, ни на уровне взаимодействия в какой-то области. Аналогичная ситуация с Донецкой и Луганской республиками.

Налоги в определении Д. Норта и самообеспечение государства

В определении государства Д. Норта (*North, 1981. P. 21*) присутствовали налоги, собираемость которых определяла географические границы государства. Для введенного в статье определения роль этой границы играет легитимность: та территория, на которой большая часть населения или элиты считают данную организацию легитимной, является государством. При этом, естественно, эти границы должны быть признаны другими государствами. Однако налоги Норт ввел в свое определение не столько для того, чтобы определить географические границы изучаемой организации, сколько чтобы указать на необходимость и источник ее самообеспечения ресурсами для своей деятельности. Помимо налогов источником ресурсов для деятельности государства могут быть торговля природными ресурсами, внешние войны, которые ставят своей целью обогащение, международные займы, трансферты от других стран и международных организаций, и т.п. При этом самообеспечение тем или иным образом является признаком любой автономной организации и нет необходимости включать его в признаки государства.

К тому же необходимо отметить, что принуждение к исполнению правил налогообложения, как и многих других, требует от государства преимущества в применении насилия. Тогда сбор налогов можно рассматривать как частный случай легитимного насилия по Веберу.

[3] О типах международного признания подробнее см.: (*Джантаев, 2011*).

[4] Е. Шевчук: «Подписанные соглашения окажут влияние на развитие гуманитарного и экономического сотрудничества ПМР и РФ». (http://president.gospmr.ru/ru/news/eshevchuk-podpisannye-soglasheniya-okazhut-vliyanie-na-razvitie-gumanitarnogo-i-ekonomicheskogo - Дата обращения: 03.02.2015).

Заключение

Институциональная экономическая теория традиционно использует определение государства, основывающееся на преимуществе данной организации в использовании насилия как единственном критерии. При таком определении появляется множество случаев, когда организации обладают региональной монополией на насилие, но государствами не являются. Они воспринимаются как исключения. Но возросший интерес к исследованиям роли государства, его функциям и несостоятельности порождает необходимость уточнения понятия, во избежание включения в анализ организаций, которые на самом деле не являются государствами. Соответственно, возникла необходимость в уточнении определения, чтобы сделать его более операциональным для исследований, объектом которых является государство. В данной статье было предложено следующее определение государства:

Государство – это организация, обладающая сравнительным преимуществом в применении насилия на определенной территории, границы которой определяются ее внутренней легитимностью, а также признанием суверенитета (внешней легитимности) этой организации со стороны таких же организаций.

Многие исследователи, изучающие государство, отмечают необходимость в его легитимности (*Вебер, 1990; Тамбовцев, 1998; Milliken, 2003; Rotberg, 2004 и др.*). Под легитимностью понимается согласие с фактом существования государства и принимаемыми им решениями. В зависимости от того, к типу открытых или закрытых порядков относится государство, меняется группа лиц, о легитимности в глазах которых идет речь. В случае стран открытого порядка важна легитимность у большей части населения. Когда речь идет о закрытых порядках, роль играет только легитимность государства с точки зрения элит. Операционализировать понятие государство позволяет суверенитет, отсутствие несогласия с фактом существования государства среди аналогичных организаций, а также признание прав данного государства принимать внутренние обязательнные решения. Эта характеристика оценивается легче, чем легитимность и преимущество в применении насилия, оценки которых на данном этапе основываются на экспертных оценках. Отсутствие суверенитета непосредственно создает угрозу как преимуществу на применение насилия, так и легитимности, так как усложняет исполнение условий общественного договора. Новое определение позволяет исключить из анализа организации, которые не являются государствами, хотя обладают территориальным преимуществом в применении насилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аузан А. А. (2009). Общественный договор: взгляд из 2009 года // «Публичные лекции Полит.ру». (http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/ - Дата обращения: 03.02.2015).

Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, с. 645-646.

Джантаев Х. М. (2011). Формы и виды признания в современном международном праве // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, № 4, с. 148-163.

Норт и др. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара.

Тамбовцев В. Л. (1998). К вопросу о государственном регулировании в переходной экономике России // *Экономика и математические методы*, Т. 34, Вып. 4.

Clapham et al. (2011). African game changer? The Consequences of Somaliland's International (Non) Recognition // A Study Report. Discussion Paper 2011/05. The Brenthurst Foundation.

Kurrild-Klitgaard P. and *Svendsen G. T.* (2003). Rational Bandits: Plunder, Public Goods, and the Vikings // *Public Choice*, vol. 117, no. ¾. Essays in Memory of Mancur Olson, pp. 255-272.

Milliken J. (2003). States Failure, Collapse and Reconstruction. The Institute of Social Studies.

North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.-Y.; London: W.W.Norton & Company.

Nozick R. (1974). Anarchy, State and Utopia. New York: Perseus Books Group.

Olson M. (1993). Dictatorship, Democracy, and Development // *The American Political Science Review*, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.

Rotberg R. I. (2004). When states fail: causes and consequences. Princeton University Press.

Yamaoka K. (2004). Cuba's social policy after the disintegration of the Soviet Union - social development as legitimacy of regime and its economy effectiveness // *The Developing Economies*, no. 42.2, pp. 305-333.

REFERENCES

Auzan A.A. (2009). Social Contract: view from 2009. «Public lectures Polit.ru». (http://polit.ru/article/2009/05/25/auzan/ - Access Date: 03.02.2015). (In Russian).

Clapham et al. (2011). African game changer? The Consequences of Somaliland's International (Non) Recognition. A Study Report. Discussion Paper 2011/05. The Brenthurst Foundation.

Djantaev Kh. M. (2011). Forms and types of the recognition in modern in international law. *Bulletin of People's Friendship University of Russia. Edition: Legal Science*,no. 4, pp. 148-163. (In Russian).

Kurrild-Klitgaard P. and *Svendsen G. T.* (2003). Rational Bandits: Plunder, Public Goods, and the Vikings. *Public Choice*, vol. 117, no. ¾. Essays in Memory of Mancur Olson, pp. 255-272.

Milliken J. (2003). States Failure, Collapse and Reconstruction. The Institute of Social Studies.

North D. (1981). Structure and Change in Economic History. N.-Y.; London, W.W.Norton & Company.

North et al. (2011). Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow, Gaidar Institute Publishing. (In Russian).

Nozick R. (1974). Anarchy, State and Utopia. New York, Perseus Books Group.

Olson M. (1993). Dictatorship, Democracy, and Development. *The American Political Science Review*, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.

Rotberg R. I. (2004). When states fail: causes and consequences. Princeton University Press.

Tambovtsev V. L. (1998). On the issue of the state regulation in the transition economy in Russia. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 34, issue. 4. (In Russian).

Weber M. (1990). Politics as vocation. Selected Works. Moscow, Progress Publ., pp. 645-646. (In Russian).

Yamaoka K. (2004). Cuba's social policy after the disintegration of the Soviet Union - social development as legitimacy of regime and its economy effectiveness. *The Developing Economies*, no. 42.2, pp. 305-333.

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН*

МАРЕЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Института социологии РАН,
доцент НИУ ВШЭ, г. Москва,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

В статье на данных общероссийских репрезентативных исследований проведен анализ представлений россиян о социальной справедливости и отношения к неравенствам. Показано, что концепция справедливости остается ключевой для российской социокультурной модели, а ее содержательное наполнение связано, прежде всего, с равенством возможностей для всех и дифференциацией доходов, основанной на легитимных с точки зрения населения факторах: эффективности работы, уровне образования. Однако сложившаяся на данный момент ситуация в России не отвечает представлениям населения о справедливости. Более того, россияне не видят возможностей изменения этой ситуации и работающих каналов социальной мобильности, что может привести и к пересмотру их представлений об особой роли государства.

Ключевые слова: *неравенство; социальная справедливость; социальная структура; нормы; ценности; установки.*

SOCIAL JUSTICE AND INEQUALITIES IN VIEWS OF RUSSIANS

MAREEVA SVETLANA, V.,

Candidate of Sociology (PhD),
Senior Researcher, Institute of Sociology RAS,
Associate Professor, NRU HSE, Moscow,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

Based on the data of national representative surveys, article presents Russians' views on social justice and inequalities. It is shown that concept of justice remains very important for the Russian socio-cultural model, and its implementation in practice is related to equality of opportunities for all and differentiation in income based on legitimate basis in the eyes of the population: efficiency of work and level of education. However, current situation in Russia does not meet public perceptions of social justice. Moreover, Russians do not see any possibilities of changing this situation; they do not see working channels of social mobility, and that may lead to a revision of their ideas about the special role of the state.

Keywords: *inequalities; social justice; social structure; norms; values; attitudes.*

JEL: *Z13, I31.*

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Цивилизационные особенности мечты в России и Китае» № 14-23-21001, выполняемому при финансовой поддержке РГНФ.

© Мареева С. В., 2015

Введение: проблема социальной справедливости

Определения справедливости, которые дают словари, обычно отталкиваются от того, что справедливость – это понятие, свидетельствующее о соответствии должного и реальности (*Аберкромби и др., 2008; Дэвид и др., 2001*). Проблема справедливого устройства общества всегда являлась одной из ключевых для социально-философской мысли, и формирование концепции справедливости началось еще в античной мысли – в частности, в трудах Аристотеля. Позднее, в период эпохи Просвещения, закладывается либеральная концепция справедливости, в которой развитие получает стремление достичь справедливости с помощью инструментов закона. В рамках этой концепции формируются идеи общественного договора, минимального вмешательства государства, утверждается приоритет прав личности (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье и др.). Современное переосмысление концепции справедливости часто связывают с Дж. Ролзом (*Rawles, 1971*), в основе теории справедливости которого лежат два принципа: равенство для всех с точки зрения свобод и наличие экономического и социального равенства только если оно приводит к преимуществам для всех членов общества; при этом доступ к позициям и должностям должен отвечать условиям честного равенства возможностей и быть открытым для всех. Однако, несмотря на то, что концепция Ролза основывается на тезисе о приоритете прав и свобод, она подвергалась критике со стороны либеральных мыслителей, в частности, М. Фридмена и Ф. Хайека (*Friedman, 1962; 1980; Hayek, 1982*).

Проблематика справедливости связана и с институциональными изменениями. Восприятие существующего в обществе неравенства и паттернов распределения прав собственности (как одного из источников неравенства) как несправедливых может способствовать делегитимизации в глазах населения всего институционального устройства общества, оппортунистическому поведению по отношению к «несправедливой» системе установленных в обществе правил. Так, Д. Норт отмечал, что если население воспринимает правила социальной системы как несправедливые, то это ведет к росту издержек заключения договоров (*Норт, 1997*).

Исследователями также отмечается, что анализ новых форм легитимации норм социальной справедливости (прежде всего – дистрибутивной) может стать одним из новых направлений исследований институциональных изменений глобального масштаба; эти формы тесно связаны с конкретным социальным контекстом, и попытки закрепления институциональных механизмов поддержания дистрибутивной справедливости на эмпирическом уровне могут быть измерены через оценку представителей различных групп легитимности распределения прав собственности в обществе (*Девятко, в печати*).

Идея справедливости всегда была одной из ключевых и в российской социокультурной модели. Играет ли она значимую роль и сейчас, и если да, то что именно россияне считают справедливым для общества в целом? Как это отношение определяет их понимание роли и желаемой сферы влияния государственных институтов? Ответы на эти вопросы, опираясь на данные общероссийских исследований Института социологии РАН последних лет[1], мы и попытаемся найти в данной статье.

Роль справедливости в социокультурной модели россиян

Как показывают данные, *справедливость и сегодня занимает важное место в мечтах населения о будущем страны.* При выборе вариантов лозунгов, которые в

[1] Речь идёт о репрезентативных общероссийских исследованиях Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии РАН: «О чем мечтают жители России?» (март 2012 г., n = 1751), «Бедные и бедность в современной России» (апрель 2013 г., n = 1600), «Средний класс в современной России» (февраль 2014, n = 1600). Выборка всех исследований репрезентировала население страны в целом по региону проживания, а внутри каждого региона – по типу поселения, полу и возрасту (за исключением данных 2012 г. – выборка этого исследования охватывала россиян не старше 55 лет). В дальнейшем тексте для идентификации конкретного исследования ИС РАН будет приводиться год его проведения.

наибольшей степени выражали бы желаемое будущее страны в представлении россиян, наибольшее количество сторонников в 2014 году получил вариант, связанный именно со справедливо устроенным обществом – социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Именно этот ответ был поддержан более чем половиной населения (53%), в то время как остальные варианты значительно от него отставали: так, лозунг о возвращении России статуса великой державы был выбран третью населения (33%), далее по популярности следовали лозунги о правах человека, демократии, свободе самовыражения личности (29%) и обеспечении стабильности и развития в обществе без революций и потрясений (28%), а другие варианты не набрали и одной пятой всех голосов. Таким образом, именно *идея справедливости в наибольшей степени может играть роль консолидирующей идеи для российского общества.* Важно, что она занимает первое место в представлениях о будущем России различных социальных групп, дифференцированных по возрасту, типу поселения, установкам и ценностям, а также россиян в различных жизненных ситуациях – в частности, бедных и остальных, более благополучных россиян (*Бедность…, 2013*), что подчеркивает ее консолидирующую роль.

Показательно также, что мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе, судя по данным исследования 2012 года, входила также в число трех наиболее распространенных вариантов мечтаний «для себя» в жизни россиян (33%), отставая лишь от мечты о достатке и возможности жить, «не считая копейки», и имея сопоставимые позиции с мечтой иметь хорошее здоровье (33%)[2]. Среди тех, кто отметил, что он мечтает о жизни в справедливом обществе, представления о желаемом будущем страны несколько отличались от характерных для тех, кто не отметил мечту о справедливости в числе главных мечтаний «для себя» – в частности, представители первой группы чаще говорили о необходимости сильной власти, способной обеспечить порядок (24% против 15% среди второй группы), и о возвращении к национальным традициям и моральным ценностям (27% против 20%). Уже эти данные свидетельствуют о том, что смысловое наполнение столь важной для россиян идеи социальной справедливости может быть разным, что подтверждается и в других работах (*Урнов, 2012*). Посмотрим, что именно население понимает под справедливостью и как идея справедливости связана с их отношением к тем или иным общественным неравенствам.

Прежде всего, оценим, какую модель общества выбирают для себя россияне – общество социального равенства или общество индивидуальной свободы (см. рис. 1).

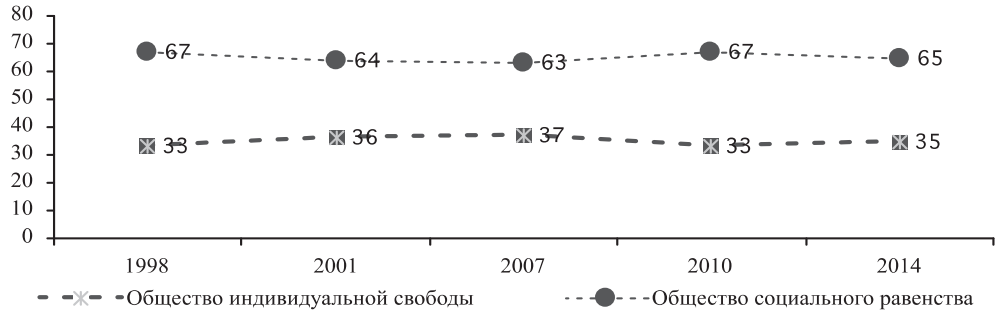

Рис. 1. *Динамика доли выбирающих индивидуальную свободу или общество социального равенства, 1998-2014 гг., % от определившихся с выбором*

Как видно из рис. 1, картина распределения ответов россиян в последние годы в этом вопросе оставалась достаточно стабильной. Среди определившихся с ответом в данном вопросе *доля сторонников общества социального равенства в последние 15 лет стабильно составляла около двух третей населения, в то время*

[2] В соответствии с выборкой исследования, данные приведены для россиян не старше 55 лет.

как общество индивидуальной свободы поддерживала только треть.

Эти данные говорят не о том, что свобода не имеет высокой значимости для россиян (данные исследования свидетельствуют об обратном – две трети россиян согласны с утверждением, что без свободы жизнь теряет смысл) – а об остроте проблемы равенства в современном российском обществе, связанной и с проблемой справедливости. Россияне не являются убежденными сторонниками полного равенства, однако, по всей видимости, и общество индивидуальной свободы также вызывает у части из них скорее негативные эмоции, ассоциируясь со вседозволенностью (что неудивительно, т.к. 57% россиян, судя по данным 2014 г., понимают свободу именно как возможность быть самому себе хозяином).

Однако нужно учитывать, что *стремление к равенству все же означает для большинства россиян равенство возможностей (68% в 2013 году), а не равенство доходов (32%), причем этот выбор достаточно устойчив во времени* – хотя эти доли колебались в течение последнего десятилетия, качественно их соотношение практически не менялось. Доли тех, кто выбирает тот или иной вариант в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», практически не различаются в разных возрастных группах россиян. Таким образом, выбор общества, институциональное устройство которого обеспечивает для всех равные возможности – это устойчивая норма культурной модели россиян, и, говоря о более справедливо устроенном обществе, две трети населения подразумевает именно эту модель.

Справедливость и неравенства в современной России в оценках населения

В этих условиях важно понимать, насколько сложившаяся на данный момент ситуация в стране отвечает представлениям населения о справедливости и об оптимальном устройстве общества. Важным негативным индикатором является тот факт, что *в 2012 году подавляющее большинство населения в возрасте до 55 лет называли существующие различия в доходах слишком большими (83%), две трети россиян считали сложившуюся систему распределения частной собственности в России несправедливой, и аналогичная доля населения считала, что люди не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию.* При этом более половины россиян (54%), но все же заметно меньше, чем в отношении общества в целом, отмечали, что последнее утверждение относится и к ним лично – по их мнению, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают (см. рис. 2).

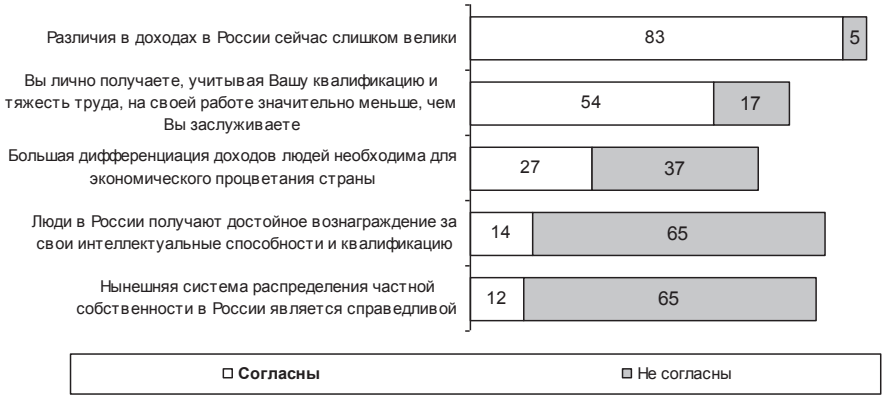

Рис. 2. *Оценки россиянами справедливости распределения доходов и собственности, 2012 г., %* [3]

[3] На рисунке не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также затруднившиеся с ответом. Данные приведены для россиян не старше 55 лет.

Таким образом, *россияне стремятся к модели справедливо устроенного общества, но устройство современной России отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости* в силу нелегитимного распределения в нем частной собственности и доходов. Важно, что существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия.

Мнение россиян по вопросу неравенства доходов не оторвано от реальной ситуации, а наоборот, отражает ее и подкрепляется, в том числе, и данными официальной статистики: согласно данным Росстата, коэффициент Джини по распределению доходов составил для России в 2013 г. 0,418, показав заметный рост за последние 10 лет (в 2002 г. он составлял 0,397), а децильный коэффициент фондов составил 16,2 (по сравнению с 14,0 в 2002 г.)[4]. Для россиян же на микроуровне эти статистические факты отражаются во внутреннем ощущении избыточной глубины и несправедливости существующего в стране неравенства.

При этом мнение населения относительно несправедливости сложившейся системы неравенств в современном российском обществе не может быть объяснено тем, что россияне вообще не приемлют неравенства в доходах и уровне жизни и стремятся к полной «уравниловке». Почти половина россиян (49% в 2013 г.) считает, что в любом обществе всегда есть и будут неравенства и это естественно и справедливо (при гораздо более низкой доле - 20% - несогласных с этим утверждением и 31% не определившихся). *Модель, к которой стремятся россияне, не заключается в желании «все отнять и поделить» - она предполагает равные возможности для всех добиваться улучшений своей жизни и допускает существование неравенств, возникших на справедливых, по их оценкам, основаниях.* Население страны в целом проявляет достаточно высокую толерантность к тем видам неравенств по доходу, которые представляются им справедливыми. Легитимные основания неравенств по доходам, в глазах россиян, это, прежде всего, большая эффективность работы (74% россиян в 2013 г. были согласны с тем, что справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, должны получать зарплату выше) и более высокий уровень образования (63% считали разницу в доходах в силу лучшего образования обоснованной) в условиях равных для всех возможностей для заработка (65%) – т.е. в условиях востребованной россиянами модели общества равных возможностей.

Дополнительной иллюстрацией этого факта выступают данные, характеризующие представления населения о том, во сколько раз доход высококвалифицированного специалиста или руководителя должен превышать средний доход по стране. В среднем, россияне считают, что эта разница должна составлять 4,7 раза (2014 г.), и эта оценка не сильно изменилась за последнее десятилетие (в 2006 году она составляла 4,9), что предполагает, с учетом того, что за этими рамками остаются как богатые, так и бедные, достаточно большую глубину дифференциации доходов в обществе, в котором они хотели бы жить. Это означает, что неравенства по доходу, связанные с уровнем образования и квалификации, как и с эффективностью труда конкретного человека, рассматриваются населением страны как легитимные, справедливые и даже необходимые для эффективного функционирования экономической системы общества.

Нетерпимость к высокому уровню неравенства, существующему в настоящий момент в России, связана не только с его избыточностью и нелегитимными основаниями, но и с отсутствием перспектив социальной мобильности, невозможностью улучшить свое положение. Такая взаимосвязь рассматривается в научной литературе в терминах «туннельного эффекта» (*Hirshman* and *Rothschild, 1973*); речь идет о том, что работающие каналы восходящей мобильности и легитимные, справедливые с точки зрения представления населения о возможности добиться улучшения своего положения

[4] Данные Росстата. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm).

способствуют легитимизации фактического неравенства, существующего в обществе, в сознании населения[5]. Данные показывают, что в России, по всей видимости, наблюдается обратная ситуация: каналы социальной мобильности закрываются (*Тихонова, 2014*), повышая недовольство сложившейся системой избыточных и нелегитимных неравенств.

Так, характеризуя изменения ситуации в стране в различных сферах за последние годы с точки зрения имеющихся у населения возможностей, *наибольшая доля россиян обычно отмечает, что ситуация либо не изменилась вообще, либо улучшилась – но лишь для узкого круга людей, констатируя, тем самым, вполне определенное направление развития российского общества, ориентированное на укрепление положения изначально наиболее благополучных слоев* и закрывающее социальные лифты для остальных массовых групп. Кроме того, за последние три года произошло *резкое сокращение по всем позициям доли отмечающих улучшение ситуации для большинства населения* – при одновременном росте доли тех, кто не отмечает никаких изменений или фиксирует ухудшение ситуации (см. рис. 3). С точки зрения качественных улучшений и тех институциональных каналов, которые могли бы этим улучшениям способствовать (образование, предпринимательство, профессиональная деятельность), ситуация в глазах населения выглядит достаточно тревожно, что повышает нетерпимость к сложившейся системе нелегитимных и избыточных неравенств.

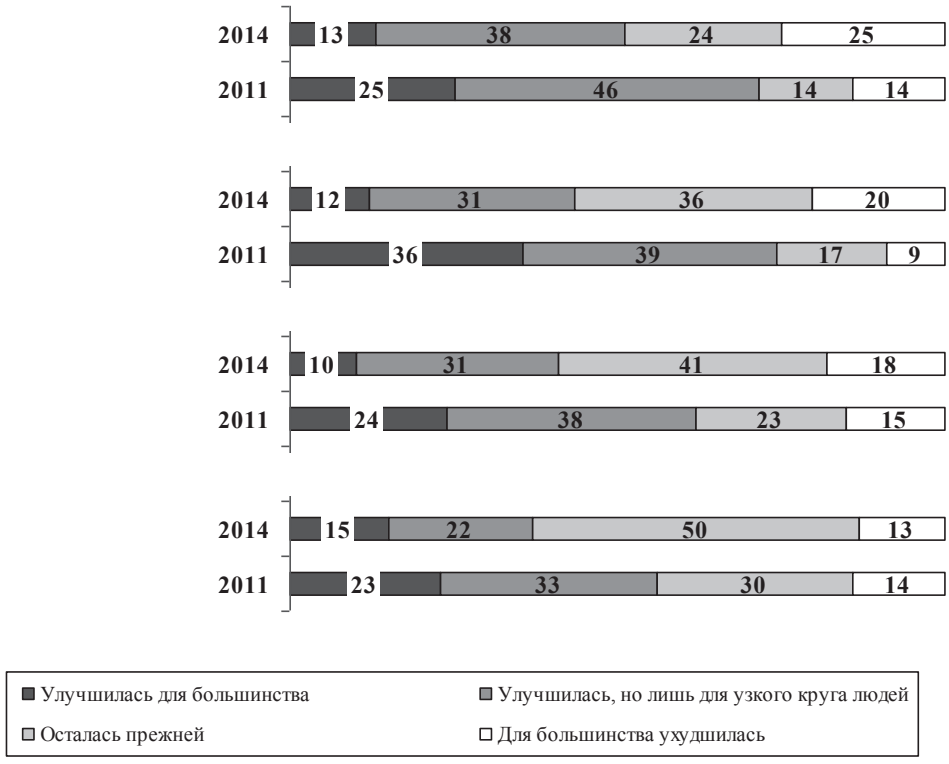

Рис. 3. *Динамика оценок изменения ситуации в различных сферах, 2011-2014 гг., %* [6]

[5] В дальнейшем эти положения получили развитие в ряде работ, анализирующих отношение к неравенствам и стремление к перераспределению (*Piketty, 1995*), в том числе и применительно к России (*Ravallion et al, 2000; Гимпельсон и др., 2014*)

[6] Данные исследований «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (n=1600, март 2014 г., ИС РАН) и «Двадцать лет реформ глазами россиян» (n=1750, апрель 2011 г., ИС РАН). Оба исследования построены по аналогичной общероссийской репрезентативной модели выборки.

Неравенства в современной России: микроуровень и макроуровень

Как же ощущается россиянами справедливость и влияние неравенств лично на них на микроуровне и как это связано с неравенствами в обществе в целом? При оценке наиболее болезненных неравенств для общества в целом и для себя лично россияне значительно чаще говорили о неравенствах, от которых страдает общество, нежели о неравенствах, от которых страдают лично они. Это вновь свидетельствует о том, что, отвечая на вопросы о дифференциации доходов и необходимости ее сокращения, россияне отталкиваются не от представлений о своей личной ситуации, а от концепции справедливости как элемента их нормативно-ценностной системы и определяющей идеи в построении модели желаемого общества.

Неравенство по доходам, которое со значительным отрывом возглавило оба этих списка, отметили как наиболее болезненное для общества 71% россиян, а как наиболее болезненное для себя – 47% (2013 г.). Далее следовали неравенства доступа к медицинской помощи, жилищных условий, доступа к хорошим рабочим местам и образованию. Лишь небольшая доля респондентов отметила, что сами они не страдают ни от каких неравенств (14%), в то время как об отсутствии каких-либо острых неравенств в обществе в целом заявили только 4%.

Таблица 1

Представления россиян о наиболее болезненных неравенствах в обществе в целом и лично для них, 2013 г., % *(допускалось до трех ответов)*

Неравенства	Самые болезненные для общества в целом	Самые болезненные лично для респондентов
Неравенство доходов	71	47
Неравенство в доступе к медицинской помощи	47	38
Неравенство жилищных условий	38	28
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	32	28
Неравенство в доступе к образованию	28	19
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества	27	21
Неравенство в обладании собственностью	16	13
Неравенство в досуговых возможностях	10	11
Таких неравенств нет	***4***	***14***

Острота различных неравенств несколько различается в разных типах поселений, хотя их общий рейтинг при этом практически не меняется. Во всех типах поселений население в наибольшей степени страдает от неравенств по доходу (40% в мегаполисах, 50% - в селах) и неравенств в доступе к медицинской помощи (наиболее благополучная ситуация с медициной в мегаполисах – там этот вид неравенства в качестве наиболее болезненного для себя отметили 28% - при более чем 40% в селах и ПГТ) (см. табл. 2).

Роль государства в обеспечении справедливости и сокращении неравенств в представлениях россиян

Итак, данные показывают наличие *противоречия между мечтами россиян о справедливом обществе, с одной страны, и российской реальностью, которая характеризуется несправедливым общественным устройством, выражающимся,*

прежде всего, в избыточных неравенствах, возникающих на нелегитимных основаниях. Более того, толерантность россиян к этим неравенствам снижается еще в большей степени в силу закрытия социальных лифтов и отсутствия иных механизмов, позволяющих им самостоятельно преодолевать эти неравенства. В таких условиях неудивительно, что по мнению населения, *актором решения проблем с неравенствами и обеспечения справедливости должно выступать, прежде всего, государство* – в частности, это видно из представлений россиян о том, как должна строиться система социальной защиты (см. табл. 3).

Таблица 2

Представления россиян о наиболее болезненных неравенствах лично для них в разных типах поселений, 2013 г., %

(допускалось до трех ответов)

Неравенства	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры	ПГТ	Села
Неравенство доходов	40	51	43	44	50
Неравенство в доступе к медицинской помощи	28	36	39	42	40
Неравенство жилищных условий	26	31	26	27	27
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	28	23	28	28	34
Неравенство в доступе к образованию	15	17	20	20	21
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества	23	18	23	23	21
Неравенство в обладании собственностью	15	13	13	14	13
Неравенство в досуговых возможностях	17	11	10	9	10
Таких неравенств нет	*18*	*13*	*15*	*13*	*12*

Таблица 3

Представления россиян о том, как должна строиться система социальной защиты, 2014 г., %

Модели системы социальной защиты	%
Государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот)	11
Государство должно оказывать адресную помощь и некоторым другим группам населения, попавшим в трудное положение (безработным, бедным семьям с детьми и т.д.)	32
Государство должно защищать всех малоимущих	51
Социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия	2
Люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство	4

Как видим, хотя в российском обществе существуют различные точки зрения на то, кому именно должна оказываться поддержка в рамках социальной защиты, актором этой защиты в желаемой россиянами модели общества в любом случае должно выступать государство. Модель социальной защиты преимущественно по месту работы получила поддержку лишь 2% населения; представлений о том, что люди должны сами решать свои проблемы, также придерживается незначительная доля россиян – лишь 4%. Но это не завышенные патерналистские ожидания населения страны, а скорее, трезвая оценка текущей ситуации и понимание того, что в существующих условиях, при сложившейся несправедливой системе распределения частной собственности и оплаты труда, первый шаг для изменения ситуации должен быть за государством. И хотя доля тех, кто выражает мнение, что государство должно поддерживать всех малоимущих, снижается с ростом уровня доходов, во всех доходных группах порядок позиций совпадает, свидетельствуя о том, что *запрос на активную роль государства в системе социальной защиты характерен отнюдь не только для тех, кто ощущает себя ее потенциальным объектом. Он является определенной культурной нормой для всех россиян, отражая их представления о справедливо устроенном обществе и о роли в нем государства*, которая, согласно этим представлениям, должна быть достаточно велика[7]. При этом роль государства не ограничивается в представлениях населения только социальной сферой – говоря об оптимальном общественном устройстве, *россияне также видят необходимость более активной роли государства и в экономике* (см. табл. 4).

Таблица 4

Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 2014 г., %

Модели экономического развития	%
Капитализм, свободная рыночная конкуренция, частная собственность	17
Капитализм, рыночная экономика с элементами планирования, социалистических принципов	25
Социализм, плановая экономика с элементами рыночных отношений	31
Социализм, плановая экономика, государственная собственность	22
Иное, затруднились ответить	5

Для большей части россиян представляется правильным и желательным такое устройство общества, которое подразумевает более значимую роль государства по сравнению с рыночными институтами в экономической сфере. Так, 22% населения вообще предпочли бы видеть в России плановое социалистическое хозяйство, еще 31% – плановую экономику с элементами рыночных отношений. Менее половины населения (42%) считают, что для России больше подходит экономический строй, в основе которого лежит капитализм в чистом виде или с элементами планирования. Таким образом, нормативно-ценностная система россиян с точки зрения оптимального общественного устройства имеет определенную национальную специфику, связанную с особой активной ролью государства во всех значимых сферах общественной жизни.

Однако при этом россияне не слишком верят в возможность создания справедливого общества в России. При ответе на вопрос о том, будут ли те, кто сегодня еще дети, жить в обществе, где на практике реализован лозунг

[7] Подробнее о нормативных представлениях россиян о взаимодействии индивида, общества и государства см., например: (*Мареева, 2012; Тихонова, 2011*).

справедливости, 54% россиян ответили, что это маловероятно, 14% - что это совершенно невозможно. Кроме того, улучшения в сфере справедливости за время пребывания у власти В. В. Путина отмечают только 9% россиян. Треть населения (32%) считают при этом, что за последнее время ситуация ухудшилась, а 58% не фиксируют никаких значимых изменений (данные 2013 г). В условиях того, что задача реализации такого общественного устройства возлагается россиянами, прежде всего, на государство, отсутствие положительных изменений в этой сфере может привести не только к дальнейшему накоплению среди населения недовольства текущей ситуацией и росту социальной напряженности, но и к пересмотру представлений об особой роли государства в обществе в рамках характерных для россиян нормативно-ценностных систем.

Заключение

Мечта о справедливом обществе выполняет роль консолидирующей идеи для населения страны, и ключевыми его элементами, с точки зрения россиян, являются равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты и экономике, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, но находящаяся в разумных пределах – причем такие представления характерны для большинства россиян вне зависимости от их собственного положения и динамики их личного благополучия. И хотя россияне проявляют высокую степень толерантности к социальным неравенствам как таковым, сложившаяся на данный момент ситуация в России отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости. Более того, россияне не видят никаких возможностей изменения этой ситуации и работающих каналов социальной мобильности, что в перспективе может привести и к пересмотру представлений об особой роли государства, характерных для нормативно-ценностных систем большинства населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аберкромби Н., Хилл С. и *Тернер Б. С.* (2008). Социологический словарь.

Бедность в современной России: 10 лет спустя. / Под ред. М.К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014.

Гимпельсон В. Е. и *Монусова Г. А.* (2014). Восприятие неравенства и социальная мобильность // *Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда"*, № 3.

Девятко И. Ф. Институциональная эволюция и институциональный дизайн в эпоху глобализации: методологический аспект исследования (типы исследовательских планов и стратегий) // Глобализация и социальные институты: социологический подход. М.: ИС РАН *(в печати).*

Дэвид Д. и *Джери Дж.* (2001). Большой толковый социологический словарь.

Мареева С. В. (2012). Нормативно-ценностная система россиян: специфика и динамика // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 22-32.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: «НАЧАЛА».

Тихонова Н. Е. (2011). Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995-2010 годы) // *Общественные науки и современность*, № 4, с. 5-19.

Тихонова Н. Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. М.; Новый Хронограф.

Урнов М. Ю. (2012). Что есть справедливость? Попытка анализа массовых представлений // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 71-88.

Friedman M. (1962). Capitalism and Freedom. University of Chicago Press.

Friedman M. and *Friedman R.* (1980). Free to Choose – Harcourt.

Hayek F. (1982). Law, Legislation, and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy, New pbk. ed. London: Routledge and Kegan

Paul.

Hirschman A. and *Rothschild M.* (1973). The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no. 4.

Piketty T. (1995). Social mobility and redistributive politics // *Quarterly Journal of Economics*, no. 110.

Ravallion, M. and *Lokshin M.* (2000). Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia // *Journal of Public Economics*, vol. 76 (1).

Rawls J. (1971). A Theory of Justice. Harvard University Press.

REFERENCES

Abercrombie N., Hill S. and *Turner B.* (2008). Dictionary of Sociology. (In Russian).

David D. and *Jerry J.* (2001). The Big Explanatory Dictionary of Sociology. (In Russian).

Devyatko I. F. Institutional Evolution and Institutional Design in the Globalization Era: Methodological Aspect of Research (Research Plans and Strategies Types) // Globalization and Social Institutes: Sociological Approach. Moscow, Publ. House of IS RAS *(in print)* (In Russian).

Friedman M. (1962). Capitalism and Freedom. – University of Chicago Press.

Friedman M. and *Friedman R.* (1980). Free to Choose – Harcourt.

Gimpelson V. and *Monusova G.* (2014). Perception of Inequality and Social Mobility. *Higher School of Economics: working paper. Series WP3 "Labour Markets in Transition"*, no. 3. Moscow, Publ. House of Higher School of Economics. (In Russian).

Hayek F. (1982). Law, Legislation, and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy, New pbk. ed. London, Routledge and Kegan Paul.

Hirschman A. and *Rothschild M.* (1973). The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no. 4.

Mareeva S. (2012). System of Norms and Values of Russians: Specificity and Dynamics. *Social Studies and Modernity*, no. 3, pp. 22-32. (In Russian).

North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, Beginnings [«Nachala»] Publ. (In Russian).

Piketty T. (1995). Social Mobility and Redistributive Politics. *Quarterly Journal of Economics*, no. 110.

Poverty in Contemporary Russia: 10 Years Later / Ed. by M. Gorshkov, N. Tikhonova. Moscow, Whole World [Ves' Mir] Publ., 2014. (In Russian).

Ravallion M. and *Lokshin M.* (2000). Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*, vol. 76 (1).

Rawls J. (1971). A Theory of Justice. Harvard University Press.

Tikhonova N. (2011). Dynamics of the Norms and Values System of Russian Society (1995-2010). *Social Studies and Modernity*, no. 4, pp. 5-19. (In Russian).

Tikhonova N. (2014). Social Structure of Russia: Theory and Reality. Moscow, New Chronograph. (In Russian).

Urnov M. U. (2012). What is Social Justice? An Attempt of Analysis of Public Perception. *Social Sciences and Modernity*, no. 5, pp. 71-88. (In Russian).

www.hjournal.ru

DOI: *10.17835/2076-6297.2015.7.2.120-133*

ТОЧКИ РОСТА И ДРАЙВЕРЫ РОСТА: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ

ИВАНОВА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА,

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт Экономики Российской Академии наук, г. Москва,
e-mail: iva-lusa@yandex.ru

ТЕРСКАЯ ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономическая теория»,
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва,
e-mail: terskaya@list.ru

В контексте рассуждений о необходимости активизации экономического роста часто встречаются такие понятия, как «точки роста» и «драйверы роста» (Орлов, 2014; Шохина, 2014). С одной стороны, эти термины представляют собой некие устойчивые фигуры речи, призванные обозначить источники экономического развития. С другой стороны, за этими, на первый взгляд, схожими понятиями кроются разные подходы к изменению экономических реалий, и некритичное использование данных терминов способно деформировать наши представления об этих реалиях. В значительной мере это обстоятельство обусловлено тем, что вышеназванные понятия отражают различные стороны потенциала экономического развития.

Статья посвящена анализу экономического содержания данных категорий, а также раскрытию их значения в современной теории и практике. Актуальность поиска путей и факторов, способствующих ускорению роста и формированию нового качества экономической динамики, в настоящее время возрастает в условиях экономической турбулентности, неустойчивости национального и мирового рынков.

Поиск основных движущих факторов будущего роста и развития осуществляется в рамках инвестиционных и инновационных теорий, рассматривающих закономерности долгосрочной экономической динамики на основе кондратьевских циклов, меняющихся технологических укладов. Инвестиции и инновации, создавая спрос на определённом рынке, затем мультипликативно транслируют его в другие сферы. Экономические реалии часто не соответствуют этому сценарию, и локальный рост не приобретает системного качества, не становится «локомотивом» поступательного движения экономики. В условиях недостаточной развитости и целостности связей в экономической системе для этого необходимы драйверы, под которыми авторы статьи понимают специальные механизмы управления процессами создания сложных многоуровневых связей в системе.

В статье показаны особенности развития России через призму точек и драйверов роста. Такими драйверами в первую очередь являются различные институты, однако сами по себе институты не обеспечивают развития, а только частично формируют его условия. Драйвер возникает в результате оптимального для данной страны соотношения базовых условий удовлетворения растущего спроса за счет внутренних резервов. В качестве примеров драйверов роста российской экономики рассмотрены: транспортная и логистическая инфраструктура, малый и средний бизнес, кластерные структуры, аграрный сектор.

© Иванова Л. Н., Терская Г. А., 2015

Ключевые слова: *точки и импульсы роста; драйверы роста; трансграничная природа рынков; потенциал развития; локомотив роста.*

SPOTS GROWTH AND GROWTH DRIVERS: THE QUESTION OF THE CONTENTS CONCEPTS

IVANOVA LYUDMILA, N.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Lead Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: iva-lusa@yandex.ru

TERSKAYA GALINA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of Department "Economic Theory",
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: terskaya@list.ru

In the context of discussions about the need to revitalize economic growth are common terms such as "points of growth" and "growth drivers". On the one hand, these terms represent some stable figures of speech, intended to identify the sources of economic development. On the other hand, these, at first glance, similar concepts are covered different approaches to changing economic realities, and the uncritical use of these terms is able to distort our understanding of these realities. This is largely due to the fact that the above concepts reflect different aspects of the potential for economic development.

This paper analyzes the economic substance of these categories, as well as the disclosure of their importance in the modern theory and practice. The urgency of finding ways and factors contributing to the acceleration of growth and the formation of a new quality of economic dynamics are currently increasing in the context of economic turbulence, the instability of the national and world markets.

Search the main drivers of future growth and development is carried out in the framework of investment and innovative theories, considering the long-term patterns of economic dynamics based on the Kondratieff cycles, evolving technological structures. Investment and innovation, creating a demand for a certain market, then multiplicative translate it into other areas. Economic realities often do not correspond to this scenario, and local growth does not acquire quality system does not become a "locomotive" of the translational motion of the economy. Under the conditions of underdevelopment and the integrity of relations in the economic system, it requires drivers under which the authors understand the specific mechanisms of process management to create complex multi-level connections in the system.

The paper shows the features of the development of Russia through the prism of points and drivers of growth. These drivers are primarily the different institutions, but by themselves do not ensure the development of institutions, but only partially formed its conditions. The driver is the result of an optimal ratio for the country the basic conditions meet the growing demand from domestic reserves. As examples of the growth drivers of the Russian economy are considered: the transport and logistics infrastructure, small and medium businesses, cluster structures, the agricultural sector.

Keywords: *point and growth impulses; growth drivers; cross-border nature of the markets; development potential; engine of growth.*

JEL: *O04, B41, N90.*

1. Понятие «точки роста» и его адекватность современным мировым и российским реалиям

Понятие «точки роста» отражает, прежде всего, потенциал развития некоего рынка, а рынок, как известно, имеет преимущественно трансграничную природу. Именно этой трансграничной природой рынков обусловлено существование даже в современной глобализированной экономике механизмов протекционистской защиты, а также такого явления, как контрабанда. Точка роста возникает на рынке (или сегменте рынка) как возможность удовлетворения первичного спроса на некий товар или услугу. Сама возможность удовлетворить данный спрос возникает локально и имеет вполне конкретную территориальную, а следовательно, и национальную привязку. При этом потенциал роста, возникающий на данном конкретном рынке, может быть нейтрален (а иногда и деструктивен) по отношению к национальной экономике в целом. Это связано с тем, что в современном мире большинство национальных экономик в полной мере не обладают характеристиками развитой системы и не может транслировать расширяющийся первичный спрос на некий товар во вторичный спрос на продукты и ресурсы, размещённые внутри страны.

Те, кто используют термин «точка роста» применительно к национальной экономике, по умолчанию исходят из некой парадигмы, согласно которой:

- национальная экономика представляет собой более или менее целостную и внутренне связанную систему, в которой рост в одном секторе потенциально способен оказать существенное влияние на смежные сектора;
- эффективная экономическая политика связана с поддержкой или искусственным формированием точек или полюсов роста, которые способны превратиться в локомотив развития всей экономики в целом.

Однако подобный подход не учитывает всей сложности ни современных мировых, ни российских экономических реалий.

Во-первых, в последние десятилетия произошло принципиальное изменение баланса между национальной экономической системой и системой трансграничных товарных рынков. Несовпадения и противоречия между экономическим оборотом в рамках этих систем всегда имели место, однако только в условиях тотальной глобализации значение трансграничных экономических связей стало устойчиво преобладать над внутристрановыми. В настоящее время о национальной экономике можно говорить не столько как о системе, сколько как об объекте, обладающем тем или иным набором характеристик (признаков) системы: развитыми внутренними связями, ёмким внутренним рынком, современной диверсифицированной производственной базой, развитой подсистемой кооперационных связей, современной инфраструктурой, накопленным опытом проведения эффективной экономической политики и т.д. Наиболее полным набором характеристик системы обладают экономики крупных развитых стран, а также, в известном смысле, экономика Китая. В подобных экономиках появление нового потенциала роста в одном из секторов при умелой поддержке государства способно превратиться в локомотив роста всей экономики в целом. В наибольшей степени признаками системы обладает экономика США, которая, по оценкам экспертов, «последние полвека демонстрирует движение и рост за счёт мощных рывков отдельных отраслей-локомотивов, имеющих условия для масштабных финансовых вливаний и привлечения государственной поддержки» (*Карпова, 2014*).

В экономиках, которые не обладают достаточным набором характеристик развитой системы или эти признаки слабо выражены (слабые внутрирегиональные и межрегиональные связи, недостаточно ёмкий внутренний рынок, слабая инфраструктура, недостаточный уровень кооперационных связей, устаревшая производственная база, несовершенство социально-экономических институтов, недостаточность опыта проведения эффективной промышленной политики и т.д.), появление нового потенциала роста в одном из секторов далеко не всегда способно затронуть смежные сектора и превратиться тем самым в локомотив роста всей

экономики.

В истории можно найти достаточное количество подобных примеров. Так, в своём интервью журналу «Эксперт» В. А. Мау указывает на различные результаты от реализации политики поддержки железнодорожного строительства в России и Испании в конце XIX века. В Российской Империи это строительство превратилось в локомотив индустриализации, дало колоссальный толчок развитию энергетики, металлургии, деревообработки и ряда других отраслей. В Испании строительство железных дорог способствовало индустриализации не самой Испании, а Франции (*Ивантер, 2014*).

Во-вторых, в настоящее время Россия обладает недостаточными признаками целостной системы: для российской экономики характерна недостаточная внутренняя связанность; финансовая система России слишком слаба; для России характерна чрезмерная зависимость от внешних рынков, относительно невысокий платежеспособный спрос, неразвитость инфраструктуры и логистики, слабые кооперационные связи, устаревшая и слабо диверсифицированная производственная база, недостаточность опыта реализации эффективной экономической политики в соответствии со стратегическими целями развития и т.д.

Данные о динамике темпов роста объёма промышленного производства РФ в 2010-2014 гг. (см. рис. 1) свидетельствуют о нулевых средних темпах роста.

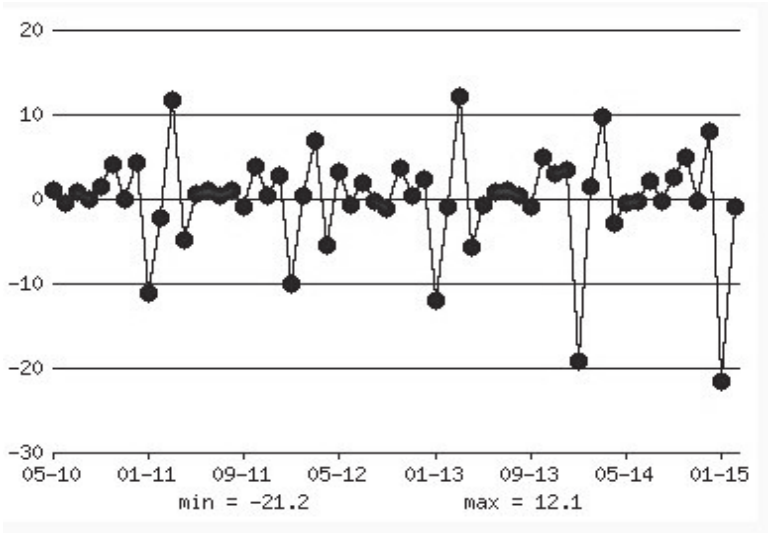

Рис. 1. *Темпы роста объема промышленного производства, % к предыдущему месяцу*
Источник: *Ereport.ru.*

В марте 2015 года объем ВВП России сократился в годовом исчислении на 3,4%. Данные Министерства экономического развития, опубликованные в начале мая, показывают, что по сравнению с февралем 2015 года (падение на 1,2 %) темпы сокращения экономики в годовом исчислении почти утроились.

В условиях недостаточности признаков целостной системы реализация рыночного потенциала одного или нескольких секторов российской экономики зачастую ограничивает возможности реализации стратегических задач долгосрочного устойчивого развития. Именно поэтому в 2000-х бурный рост в добывающих отраслях и металлургии не привел к серьёзным качественным сдвигам в экономической структуре. В известной мере структура экономики только ухудшилась. Мощный импульс спроса, который шёл от развития экспортных секторов, транслировался преимущественно в развитие зарубежной обрабатывающей промышленности, только частично затронув российский обрабатывающий сектор, строительство и инфраструктурные отрасли. Безусловно, определённые импульсы роста из данных отраслей проникали и в другие сектора

российской экономики, но преимущественно опосредованно – через общий рост доходов населения (это касалось, прежде всего, таких отраслей, как строительство, торговля и услуги).

Основным результатом экономического роста 2000-х являлась макроэкономическая стабилизация и рост доходов, что позволило обеспечить определенное сглаживание социальных противоречий и региональных различий (темпы роста ВВП отражены в табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП России в 2000-2008 гг., %

Год	***Значение***
2000	10,0
2001	5,1
2002	4,7
2003	7,3
2004	7,2
2005	6,4
2006	8,2
2007	8,5
2008	5,2

Источник: *CIA World Factbook (http://www.ereport.ru).*

Однако в целом приток инвестиций, формирование институтов развития и попытки искусственного создания точек инновационного роста за счёт реализации таких проектов, как «Сколково», не изменили преимущественно сырьевого характера российской экономики.

Именно отсутствие серьёзных качественных сдвигов в отраслевой структуре и сохранение региональной дифференциации позволили называть экономический рост 2000-2008 годов ростом без развития.

2. Понятие «драйверов роста» и их значение для преобразования экономики

Для того, чтобы импульсы роста, возникающие на том или ином рынке (априори демонстрирующем трансграничную природу), смогли проникнуть в смежные отрасли внутри национальной экономики, оказать на них мультипликативное стимулирующее воздействие, а тем более превратиться в локомотив экономического развития, нужны специальные механизмы управления процессами создания сложных многоуровневых связей в системе - драйверы. В общем и целом драйвер – это управляющая программа, связывающая другие программы и программные сервисы с операционной системой и аппаратным устройством, т.е. с чем-то более общим и более высоко и сложно организованным. Именно совокупность различных драйверов формирует компьютер как сложную и многофункциональную систему.

Драйверы экономического роста – это совокупность сложных силовых механизмов, которые улавливают потенциальный первичный и вторичный рыночный спрос и катализируют импульсы, идущие от этого расширяющегося спроса, определённым образом, включая разрозненные активы (материальные, финансовые, информационные, трудовые и т.д.) в русло мощного движения, меняющего внутристрановую экономическую действительность.

Что же является драйвером роста в национальной экономике? Безусловно, среди прочего следует рассматривать различные институты. Но сами по себе

институты не обеспечивают развития, а только частично формируют его условия. Драйвер возникает в результате оптимальной для данной страны конфигурации базовых условий удовлетворения растущего спроса за счёт внутренних резервов. Драйверы могут иметь различную природу, однако основная функция драйвера - это формирование целостной внутристрановой системы вертикальных и горизонтальных связей, улавливающих и распространяющих импульсы, идущие от точек роста на отдельных рынках, преимущественно внутри национальной системы. Эта конфигурация условий включает и инфраструктуру, и логистику, и благоприятную предпринимательскую среду, и систему устойчивых региональных, межотраслевых и внутриотраслевых кооперационных связей, управленческие традиции, развитие социального капитала и т.д. В то же время оптимальность сочетания этих условий является в значительной мере специфичной для каждой отдельной национальной экономики.

3. Особенности развития России через призму точек и драйверов роста

Представляется, что основные проблемы российской экономики связаны не столько с отсутствием точек роста в тех или иных отраслях национальной экономики, сколько со слабостью драйверов, консолидирующих разрозненные импульсы от экспортных секторов в потоки интегрированного внутреннего развития для всех отраслей и регионов. В качестве этих драйверов может выступать всё, что помогает преодолевать явления, дезинтегрирующие российскую экономику. К таким явлениям можно отнести невысокий уровень внутриотраслевой и межотраслевой кооперации, недостаточный уровень локализации при реализации инвестиционных проектов, преобладание низких уровней передела в большинстве промышленных отраслей, относительно невысокий платежеспособный спрос населения, недостаточность транспортно-логистической инфраструктуры, коррупционность, низкий уровень доверия в обществе и др.

Россия обладает множеством ресурсов, однако рыночный потенциал этих ресурсов относителен. Отсутствие явных преимуществ по качеству природных ресурсов в совокупности с их низкой транспортной доступностью приводит к тому, что получение доходов от присвоения природной ренты сопряжено со значительными капиталовложениями. Российская экономика является весьма капиталоёмкой (основные потоки рентных доходов формируются за счет дифференциальной ренты II), в то время как финансовая система страны недостаточно хорошо развита, а качество трудовых ресурсов в последние годы только ухудшалось (*Лядова, 2012*).

Недостаточно высокое качество базовых ресурсов (труд, земля, капитал) ограничивает возможность появления точек роста внутри страны. Россия преимущественно встраивается в импульсы рыночного роста, которые формируются не столько внутри страны, сколько за её пределами.

4. Основные этапы развития политики на основе поиска точек экономического роста

Практически до последнего времени большинство принимаемых решений в рамках экономической политики преимущественно базировались на попытках найти и активизировать точки роста в ущерб формированию драйверов роста. В зависимости от изменения приоритетов в рамках общей парадигмы можно выделить несколько основных направлений данной политики: привлечение прямых иностранных инвестиций, выделение отдельных территорий в качестве точек роста, реализация мегапроектов. В ходе реализации этих направлений достаточно успешно решался целый комплекс сопутствующих задач, постепенно улучшающих деловую среду в России, однако стратегическая цель – осуществление перехода к устойчивому качественному росту - оставалась недостижимой.

Точки роста и иностранные инвестиции

Достаточно долго основным приоритетом экономической политики выступало привлечение прямых иностранных инвестиций. На волне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры страна восстанавливалась от экономического спада и вступала в полосу экономической стабилизации. Однако опыт управления развитием экономики в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры был недостаточен, стратегические приоритеты развития были не очевидны, финансовые ресурсы были относительно невелики, а сама финансовая система находилась на начальной стадии становления. В этих условиях привлечение иностранных инвестиций должно было означать не только привлечение финансовых ресурсов, но и привлечение технологий и управленческого опыта.

Как известно, прямые иностранные инвестиции, поступившие в страну в период экономического роста 2000-2008 годов, направлялись преимущественно в сырьевой и финансовый сектора или в отвёрточную сборку. Надежды на запуск интеграционных механизмов и изменения качества экономического роста с помощью иностранных инвестиций в значительной мере не оправдались. Однако в ходе работы по привлечению зарубежных инвестиций параллельно были приобретены такие важнейшие навыки управления, как осуществление экспертизы возможностей и формирование отечественных компетенций в области подготовки инвестиционных проектов. Очень важно, что подобные навыки приобрела не только федеральная, но и региональная власть.

Точки роста и мегапроекты

Подходы к развитию России на основе формирования искусственных точек роста в условиях слабой связанности экономики существенно снижают эффективность от реализации мегапроектов.

Проведение Саммита АТЭС во Владивостоке и Олимпиады в Сочи, безусловно, рассматривались властями и как формирование точек роста, если не для всей экономики в целом, то, по крайней мере, для тех регионов, в которых эти мегапроекты реализовывались. Специальных исследований на данную тему практически нет - за исключением того, что в этом году опубликована первая российская монография по проблемам экономики Олимпийских игр (*Нуреев, 2015*), однако имеющиеся данные свидетельствуют о том, что экономический эффект от этих мероприятий оказался не столь значительным, как предполагалось (в отличие от политического и социального эффектов).

Так, например, предполагалось, что строительство объектов для саммита АТЭС подхлестнёт развитие цементной промышленности Дальнего Востока. Действительно, в регионе произошла определенная модернизация производства цемента и стройматериалов (*ДФОбзор, 2013*). Однако новых мощностей по производству цемента на Дальнем Востоке построено не было, а значительная часть резко возросшего спроса была удовлетворена за счёт Китая. По приблизительным расчётам, которые были сделаны по материалам дальневосточной прессы, китайские производители покрывали до 50 % потребности в цементе и строительных материалах, возникшей в ходе реализации данного мегапроекта (*Avtobeton.ru, 2015*). Это ещё раз отражает тот факт, что отсутствие драйверов, транслирующих импульсы расширяющегося спроса во внутреннее развитие, снижает мультипликационные эффекты от реализации мегапроектов. Поэтому далеко не очевидно, что спрос на цемент и другие строительные материалы, который будет неизбежно расширен при реализации еще одного инвестиционного мегапроекта – строительства космодрома «Восточный» - приведёт к развитию производства строительных материалов на Дальнем Востоке, а не будет подхлёстывать развитие соответствующих китайских отраслей.

Территории как точки роста

Учитывая пространственные особенности России, идея превращения отдельных регионов и территорий в точки экономического роста является актуальной. Достаточно долго в качестве механизма подобного превращения использовались особые экономические зоны (ОЭЗ): промышленно-производственные, технико-внедренческие, портовые и туристско-рекреационные. Согласно действующим нормам, особая экономическая зона – это ограниченная территория с особым юридическим статусом и льготными экономическими условиями для национальных или иностранных предпринимателей. Главная цель создания ОЭЗ – привлечение прямых иностранных инвестиций, передовых технологий производства товаров и услуг. Предполагалось, что ОЭЗ позволят решить задачи: создание новых рабочих мест для высококвалифицированного персонала; развитие экспортной базы; формирование базы импортозамещения; внедрение передовых методов менеджмента и организации труда.

В соответствии с Федеральным законом № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах» на территории Российской Федерации на 1 октября 2013 года было создано 27 ОЭЗ: из низ 6 - промышленно-производственного типа (Республики Татарстан, Липецкая, Самарская, Свердловская, Псковская, Калужской области; 5 - технико-внедренческого типа (города Томск, Санкт-Петербург, Зеленоград, Дубна, Республика Татарстан); 13 - туристско-рекреационного типа в Республиках Алтай и Бурятия, Алтайском крае и Приморском крае (остров Русский), в Иркутской области, а также на 8 территориях, входящих в Северо-Кавказский туристический кластер; 3 - портового типа в Хабаровском крае, Мурманской и Ульяновской области (на базе аэропорта «Ульяновск-Восточный»).

Несмотря на государственные вливания в развитие ОЭЗ, сколько-нибудь существенного эффекта для экономического развития они не имели. Счётная палата на основе изучения данных за период 2006-2012 годов отметила неэффективность туристско-рекреационных и портовых зон и отнесла существующие промышленно-производственные и технико-внедренческие зоны к категории условно-эффективных. При этом наиболее существенный эффект был достигнут в Татарстане и Липецкой области.

В общем объёме вложенных инвестиций резидентов ОЭЗ на 1 января 2013 года (69301,0 млн. рублей) объём вложений резидентов ОЭЗ в Республике Татарстан составил 37816,08 млн. рублей, или 54,5%, резидентов ОЭЗ в Липецкой области - 20481,51 млн. рублей, или 30 %. Объём инвестиций, направленных резидентами ОЭЗ на развитие ОЭЗ ППТ, в 2,2 раза превысил объём средств соответствующих бюджетов, направленных на строительство инфраструктуры ОЭЗ (*Audit.gov.ru, 2014*).

Недостаточная эффективность ОЭЗ породила поиски новых форм использования территорий в качестве точек роста. С 30 марта 2015 г. вступил в силу Федеральный закон № 473-ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации". Согласно данному закону в Восточной Сибири (включая Красноярский край и Хакасию) и на Дальнем Востоке могут создаваться зоны с особым статусом территорий опережающего развития (ТОР). Предполагается, что резиденты этих зон получат пятилетние налоговые каникулы; льготную ставку страховых взносов; упрощенные процедуры подключения к электросетям, прохождения таможни, получения разрешения на строительство. Возведение сопутствующей инфраструктуры будет вестись за счёт Фонда развития Дальнего Востока. Между тем сомнения в эффективности этих новых зон остаются, поскольку, по сути, ТОР мало чем отличаются от ОЭЗ. Возможно, последуют дальнейшие уточнения, но пока единственная существенная разница между ОЭЗ и ТОР – это срок функционирования: в первом случае – 20 лет, а во втором – 12 лет (*Жуков, 2014*).

5. Драйверы роста для России

По нашему мнению, обеспечение устойчивости экономического роста и существенное расширение его несырьевой составляющей предполагают не только поиск отраслевых и территориальных точек роста, но и выстраивание драйверов, способствующих трансляции внешних и внутренних импульсов роста в интегрированное развитие всей страны. Возможно также, что с учётом недостаточной эффективности применяемого ранее подхода к стимулированию экономического роста через активизацию точек роста в краткосрочном и среднесрочном периодах наиболее пристальное внимание следует уделить формированию драйверов экономического развития.

Представляется также, что основными драйверами для России могут быть развитие всех видов транспортно-логистической инфраструктуры; создание максимально благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса на территории всей страны, а не только в неких защищённых анклавах; развитие структур кластерного типа; аграрный сектор. Роль вспомогательных драйверов роста могут также сыграть внедрение в различные сферы жизнедеятельности коммуникационных и информационных технологий; подготовка трудовых ресурсов, обладающих соответствующей компетенцией и мотивацией; принятие целенаправленных мер по устранению зон упадка (территорий с высокой безработицей, падающим производством и т.д.). Следует отметить также значительную роль в экономическом развитии общества наличия социального капитала, качество которого на муниципальном и региональном уровнях является неравномерным на территории России, и в большинстве регионов в последнее время снижается.

Для развития социальных взаимодействий в обществе необходимо повышение степени информационной открытости власти на разных уровнях; создание возможностей постоянной коммуникации между населением, представителями бизнеса и властными структурами на базе развития социальных сетей; публичное обсуждение важных общественных проблем и участие всех субъектов общества в их решении; перестройка взаимоотношений между бизнесом и правовыми органами для повышения доверия представителей бизнеса государству; развитие социальной сферы: пенсионная реформа, здравоохранение, образование, рынок жилья, социальные гарантии; политическая конкуренция; решение проблемы коррупции, совершенствование судебной системы, упрощение бюрократических процедур и др.

Транспортная и логистическая инфраструктура как драйвер экономического роста

Развитие внутренних связей во многом ограничено состоянием транспортной инфраструктуры. Давно говорят о том, что хорошо развитая транспортная инфраструктура способна превратить географические особенности России в её конкурентное преимущество, и о том, что она способна обеспечить выход хозяйствующим субъектам на региональные и международные рынки и одновременно обеспечить предоставление инфраструктурных услуг мирового уровня. Представляется, что в настоящее время приоритетом развития инфраструктуры должно стать преодоление территориальной разобщенности страны, ограничивающей развитие внутренних хозяйственных связей и повышение мобильности населения (*Блинкин, 2011*).

Эксперты отмечают, что проблема территориальной разобщенности имеет

три ипостаси. Первая из них связана с дефицитом инфраструктуры сообщения, т. е. отсутствием выхода на сеть круглогодично эксплуатируемых автомобильных дорог и/или отсутствием в разумной близости от населённого места железнодорожных станций и аэродромов местных воздушных линий. Вторая ситуация характеризуется значительным и систематическим несоответствием спроса и предложения на транспортные услуги. Третья ситуация связана с отсутствием спроса из-за крайне слабых горизонтальных связей между городами и регионами страны.

Как известно, логистика представляет собой организацию рационального процесса продвижения товаров и услуг от поставщиков сырья к потребителям, включая инфраструктуру, обеспечивающую это продвижение (система складов, магазинов, перевалочных баз и т.д.). Несмотря на то, что Россия в определённом смысле продвинулась в направлении развития логистических услуг и соответствующей инфраструктуры, всё же её отставание от мирового уровня пока ещё очень существенно. В настоящее Россия находится в числе стран с одним из самых высоких уровней логистических издержек: 17% конечной стоимости продукции, в то время как в мире этот показатель равен 10,2% (*Мерешко, 2014*). Будучи направленной на оптимизацию издержек и рационализацию процесса производства, сбыта и сопутствующего сервиса, логистика, безусловно, оказывает существенное интеграционное воздействие на развитие внутреннего рынка страны, а также на общий уровень издержек, что весьма существенно с точки зрения обеспечения конкурентоспособности российских товаров как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

Малый и средний бизнес как драйвер экономического роста

На наш взгляд, России в своей экономической политике следует учитывать тот факт, что экономический рост имеет не только интенсивную, но и экстенсивную природу. Традиционно экстенсивный фактор трактуется как некий пережиток. Однако это не вполне справедливо, поскольку экстенсивный и интенсивный рост – это две взаимосвязанных ипостаси развития. Необходимость освоения и удерживания огромных пространств предполагает широкое присутствие и экстенсивных факторов роста в виде увеличения количества субъектов жизнеспособного малого и среднего бизнеса. И в этом смысле в России можно говорить о неких слоях или пространствах экономического роста, за счёт массированного объёма небольших инвестиций в отрасли частного бизнеса, обслуживающих спрос на уровне территории, региона или группы регионов. Однако, как известно, положение малого бизнеса в России является неудовлетворительным: его расширение практически прекратилось (*Ekomik.ru, 2013*). Между тем именно малый бизнес играет в экономике роль коммутанта, связывая её в единое целое. Создание условий для максимальной активизации частной инициативы, т.е. повсеместного развития малого и среднего бизнеса в России, вне зависимости от его отраслевой ориентации и территориальной привязки способно обеспечить определенную долю экономического роста и способствовать реализации точек роста на территориальном и региональном уровне, формированию внутренних связей.

Вместе с тем можно выделить ряд факторов, которые на протяжении последних лет неизменно негативно влияют на развитие малого бизнеса, в том числе отсутствие реальных конкурентных отношений; нехватка финансовых средств, сложные условия кредитования бизнеса; недостатки в системе налогообложения; недостаточная государственная поддержка предпринимательства; несовершенство законодательной базы; недостаточная материальная мотивация труда; неэффективное использование интеллектуального ресурса; недостаток доверия в обществе в целом и в предпринимательской среде, отсутствие партнерства, взаимопомощи, сплоченности, неблагоприятный морально-психологический климат и др. В качестве некоторых направлений необходимой

трансформации социальных институтов можно назвать создание и поддержание конкуренции, усиление антимонопольной деятельности; рост государственной поддержки бизнеса; принятие налоговых мер; совершенствование законодательства в целях сокращения неправомерных действий, оппортунистического поведения в предпринимательской среде; увеличение инвестирования в социальный капитал.

Кластерные структуры как драйверы экономического роста

Подход к развитию на основе формирования структур кластерного типа существенно отличается от того подхода, который лежит в основе действующих особых экономических зон или планируемых территорий опережающего развития. Приоритетной задачей особых экономических зон являлось привлечение частных инвестиций (и, прежде всего, прямых иностранных инвестиций). Внутренняя связанность резидентов ОЭЗ и повышение уровня локализации не формулировались как отдельные задачи, поскольку по умолчанию считалось, что всё это будет являться косвенным результатом деятельности развития ОЭЗ. В противовес данному подходу базовым принципом создания кластера – это именно формирование кооперационных связей между структурами, образующими его. Экономический кластер – сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных организаций: поставщиков продукции, комплектующих и специализированных услуг; инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Смещение приоритетов с привлечения прямых иностранных инвестиций в сторону формирования кооперационных связей и повышения уровня локализации за счет внедрения соответствующих стимулов и льгот способно оказать существенное воздействие на развитие внутрирегиональных и межрегиональных кооперационных связей.

Аграрный сектор как драйвер экономического роста

История знает примеры, когда благодаря принятию стратегических решений, направленных на реформирование аграрной сферы, страна начинала весьма существенно ускоряться в своем развитии. Экономический подъем в США в 60-90-е годы был во многом обусловлен тем, что в разгар Войны между Севером и Югом был принят Закон о гомстедах, который не только позволил удовлетворить спрос широких слоев населения на землю как производственный ресурс, но и запустил механизм развития американского внутреннего рынка. В основе этого механизма лежал устойчиво растущий спрос на промышленные изделия со стороны фермеров, получивших относительно большие участки земли (70 га на семью). В том же 1862 году в США был принят Закон Морилла, направленный на распространение промышленных и сельскохозяйственных знаний через систему колледжей. Согласно Закону в распоряжение штатов было предоставлено около 140 млн. акров земель из госфонда для основания и субсидирования сельскохозяйственных и технических колледжей (*Куропятник, 2005*). Практически безвозмездная передача земли в руки тех, кто стремился организовать на ней производственную деятельность[1], стимулировала спрос на машиностроительную продукцию не только со стороны фермеров, но и со стороны промышленников, которые в условиях сужающегося предложения наемного труда и, следовательно, роста заработной платы, были вынуждены механизировать свое производство. Освоение земель Дикого Запада и вывоз сельскохозяйственной продукции стимулировали развитие железнодорожного строительства и, соответственно, металлургии и транспортного машиностроения. В результате была построена транспортная инфраструктура, которая связала множество локальных рынков в единый ёмкий внутренний рынок, закрепив межотраслевую и межрегиональную специализацию (*Экономическая история*

[1] Требование закона относительно обязательности хозяйственной эксплуатации выделяемой земли в течение первых пяти лет существенно ограничивало возможности тех, кто занимался земельными спекуляциями.

капиталистических стран, 1986. С. 173). Всё это привело к тому, что к концу XIX века США из страны с относительно неустойчивой экономикой превратилась в мощнейшую экономику мира: её доля в мировом промышленном производстве с 1860 по 1900 годы выросла с 17% до 31%.

Несмотря на то, что опыт приватизации земельного фонда в США во второй половине XIX века очень трудно переложить на современную российскую действительность в связи с тем, что спрос на землю как производственный ресурс у широких слоев российского населения незначителен, сама по себе идея поиска механизма, запускающего экономический рост посредством сельскохозяйственного производства, может быть весьма перспективной, поскольку аграрная сфера обладает весьма серьёзным интеграционным потенциалом. Этот потенциал обусловлен структурой, характером и объёмом связей сельского хозяйства с другими отраслями и конечными потребителями. Как известно, сельское хозяйство, с одной стороны, формирует весьма объёмный спрос на продукцию сельскохозяйственного машиностроения, производство удобрений и средств защиты растений, услуги соответствующей инфраструктуры и логистики, транспортного машиностроения и т.д., а с другой стороны, сельское хозяйство создает предложение ресурсов для пищевой, текстильной, химической и фармацевтической промышленности, обслуживая тем самым интересы конечного потребителя. Интеграционные возможности аграрных отраслей – при соответствующем институциональном оформлении – позволяют рассматривать их в качестве одного из возможных драйверов развития российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахапкин Н. Ю. и *Иванова Л. Н.* (2014). Источники экономического роста в России: выбор приоритетов // *Вестник Института экономики РАН*, № 6.

Блинкин М. (2011). Идеология эпохи гужевого транспорта // *Ведомости*, 25 мая. (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/260851/ideologiya_epohi_guzhevogo_transporta - Дата обращения: 24.05.2015).

ДФОбзор (2013). «Востокцемент» выходит на «Восточный». (http://dfobzor.ru/«vostokczement»-vyixodit-na-«vostochnyij».html - Дата обращения: 24.05.2015).

Жуков И. (2014). Территории опережающего развития: четвертая попытка русского Гонконга // *Клуб регионов*, 21 февраля. (http://club-rf.ru/theme/327 - Дата обращения: 21.02.2014).

Ивантер А. (2014). Качественный рост с опорой на институты // *Эксперт*, № 21 (900). (http://expert.ru/expert/2014/21/kachestvennyij-rost-s-oporoj-na-institutyi/ - Дата обращения: 24.05.2015).

Карпова Н. (2014). От революции сланцевой к революции на Украине // *Эксперт*, № 14 (893). (http://expert.ru/expert/2014/14/ot-revolyutsii-slantsevoj-k-revolyutsii-na-ukraine/ - Дата обращения: 24.05.2015).

Куропятник Г. П. (2005). Гомстед-акт и сельское хозяйство в годы войны с Югом, 1861-1865 // *Американский ежегодник*. (http://america-xix.org.ru/library/kuropiatnik-land/3.html - Дата обращения: 11.09.2014).

Лядова В. А. (2012). К проблеме прогнозной оценки прироста демографических ресурсов и эффективности их трансформации в используемые трудовые ресурсы // *Российское предпринимательство*, № 3 (201). (http://old.creativeconomy.ru/articles/18344/ - Дата обращения: 24.05.2015).

Мерешко Н. (2014). Урок французской логистики // *Эксперт*, № 18-19 (897). (http://expert.ru/expert/2014/19/urok-frantsuzskoj-logistiki/ - Дата обращения: 24.05.2015).

Нуреев Р. М. (2015). Экономика Олимпийских игр: монография / Р. М. Нуреев, Е. В. Маркин. М.: Норма, ИНФРА-М.

Орлов А. (2014). Россия ищет точки роста // *Газета.RU*, 17.02. (http://www.gazeta.ru/business/2014/02/13/5905469.shtml - Дата обращения: 24.05.2015).

Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных средств, направленных на создание и развитие особых экономических зон» (2014) // *Бюллетень Счетной палаты*, №3 (март). (http://audit.gov.ru/activities/bulleten/755/16710/ - Дата обращения: 11.09.2014).

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве // Библиотека Якова Кротова. (http://krotov.info/history/18/1710/pososhkov_00.htm. - Дата обращения: 30.05.2015).

Терская Г. А. (2014). Роль государства в изменении институциональной среды бизнеса // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы международной научной конференции / под ред. Р. М. Нуреева, М. Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет.

Шохина Е. (2014). ЖКХ как драйвер экономического роста // *Expert Online*, 25 апреля. (http://expert.ru/2014/04/25/zhkh-kak-drajver-ekonomicheskogo-rosta/ - Дата обращения: 24.05.2015).

Шумпетер Й. (1982). Теория экономического развития. М.: Прогресс.

Шумпетер Й. (1995). Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика.

Экономическая история капиталистических стран / Под ред. Ф. Я. Полянского, В. А. Жамина. М.: Издательство Московского университета, 1986.

Яковец Ю. В. (2004). Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика.

Avtobeton.ru (2015). (http://www.avtobeton.ru/news/na-dalnem-vostoke-zafiksirovano-rezkoe-uvelichenie-importa-i-potrebleniya-cementa.html - Дата обращения: 24.05.2015).

Ekomik.ru (2013). (http://ekomik.ru/magazine/others/10517-malyj-i-srednij-biznes-v-rf-2013-nalogi-rastut-v-mode-byudzhetnyj-biznes-predprinimateli-umneyut.html - Дата обращения: 21.02.2014).

Ereport.ru. Мировая экономика (2015). (http://www.ereport.ru - Дата обращения: 24.05.2015).

REFERENCES

Akhapkin N. Y. and *Ivanova L. N.* (2014). Sources of economic growth in Russia: the choice of priorities. *Bulletin of the Institute of Economics RAS*, no. 6. (In Russian).

Avtobeton.ru (2015). (http://www.avtobeton.ru/news/na-dalnem-vostoke-zafiksirovano-rezkoe-uvelichenie-importa-i-potrebleniya-cementa.html - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Blinkin M. (2011). The ideology of the era of horse-drawn transport. *Vedomosti*, May 25. (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/260851/ ideologiya_epohi_guzhevogo_transporta - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

DFObzor (2013). "Vostokcement" goes to the «East». (http://dfobzor.ru/«vostokczement»-vyixodit-na-«vostochnyij».html - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Ekomik.ru (2013). (http://ekomik.ru/magazine/others/10517-malyj-i-srednij-biznes-v-rf-2013-nalogi-rastut-v-mode-byudzhetnyj-biznes-predprinimateli-umneyut.html - Access Date: 21.02.2014). (In Russian).

Ereport.ru. The World Economy (2015). (http://www.ereport.ru - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Ivanter A. (2014). Qualitative growth relying on institutions. *Expert*, no. 21 (900). (http://expert.ru/expert/2014/21/kachestvennyij-rost-s-oporoj-na-institutyi/ - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Karpov N. (2014). From the Revolution to the shale revolution in Ukraine. *Expert*, no. 14 (893). (http://expert.ru/expert/2014/14/ot-revolyutsii-slantsevoj-k-revolyutsii-na-ukraine/ - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Kuropyatnik G. P. (2005). Homestead Act, and agriculture during the war with the South, 1861-1865. *American Yearbook*. (http://america-xix.org.ru/library/kuropiatnik-land/3.html - Access Date: 11.09.2014). (In Russian).

Liadova V. A. (2012). On the problem of population growth forecast evaluation of

resources and efficiency of their transformation in the labor force used. *Russian Entrepreneurship*, no. 3 (201). (http://old.creativeconomy.ru/articles/18344/ - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Mereshko N. (2014). The lesson of the French logistics. *Expert*, no. 18-19 (897). (http://expert.ru/expert/2014/19/urok-frantsuzskoj-logistiki/ - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Nureev R. M. (2015). Economy Olympics: monograph / R. M. Nureev, E. V. Markin. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (In Russian).

Orlov A. (2014). Russia is looking for in terms of growth. *Gazeta.ru*, 17.02. (http://www.gazeta.ru/business/2014/02/13/5905469.shtml - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Pososhkov I. T. Book on Poverty and Wealth // Library Yakov Krotov. (http://krotov.info/history/18/1710/pososhkov_00.htm. - Access Date: 30.05.2015). (In Russian).

Report on the Results of "Performance Audit of Public Funds Aimed at the Creation And Development of Special Economic Zones" (2014). *The Bulletin of the Accounts Chamber*, no. 3 (March). (http://audit.gov.ru/activities/bulleten/755/16710/ - Access Date: 11.09.2014). (In Russian).

Schumpeter J. (1982). The Theory of Economic Development. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

Schumpeter J. (1995). Capitalism, Socialism and Democracy. Moscow, Economics [Ekonomika] Publ. (In Russian).

Shokhina E. (2014). Utilities as a driver of economic growth. *Expert Online*, April 25th. (http://expert.ru/2014/04/25/zhkh-kak-drajver-ekonomicheskogo-rosta/ - Access Date: 24.05.2015). (In Russian).

Terskaya G. A. (2014). The state's role in changing the institutional environment of business // Modern Problems of the Global Economy: the Triumph of the Ideas of Liberalism to the New "Old" Economic Science: Proceedings of the International Conference / Ed. by R. M. Nureev, M. L. Alpidovskaya. Moscow, Publ. House of Finance University. (In Russian).

The Economic History of Capitalist Countries (1986) / Ed. by F. Y. Polanskiy, V. A. Jamin. Moscow, Publ. House of the Moscow University, 1986. (In Russian).

Yakovets Y. (2004). Epochal innovations of the XXI century. Moscow, Economics [Ekonomika] Publ. (In Russian).

Zhukov I. (2014). The territories of priority development: the fourth attempt to Hong Kong. *Russian Club in the Area*, 21 February. (http://club-rf.ru/theme/327 - Access Date: 21.02.2014). (In Russian).

Финансовый университет при Правительстве РФ
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Приглашаем Вас принять участие в работе
IV Международной научно-практической конференции
«Великие экономисты и великие реформы»

«Упущенный шанс или последний клапан?»

(К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.).
Москва, Финансовый университет, 23-24 сентября 2015 г.

Конференция будет посвящена 50-летию «косыгинских» реформ, направленных на повышение экономической самостоятельности в рамках социалистической хозяйственной системы.

Настоящая конференция является IV-ой международной научно-практической конференцией в Финансовом университете из цикла «Великие экономисты и великие реформы». Самая первая конференция этого цикла была проведена осенью 2013 г. и посвящена 80-летию реформ Ф.Д. Рузвельта, вторая и третья прошли в 2014 г. и посвящены соответственно 290-летию «Книги о скудости и богатстве» первого российского экономиста И.Т. Посошкова и 110-летию со дня рождения китайского реформатора Дэн Сяопина.

Цель конференции – анализ советского и постсоветского опыта проведения социально-экономических реформ, выявление институциональных ловушек, тормозящих развитие. Обсуждение судьбы реформ 1965 г. выводит на обсуждение общие проблемы развития советской модели экономики и формирования в постсоветский период эффективной российской экономической модели. Задача конференции – выявление идеи и мнений по поводу выше обозначенной проблемы, обсуждение неясных и спорных моментов, связанных с протекающим сегодня в мире глобальным экономическим системным кризисом.

В сентябре 1965 г. Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин объявил об официальной государственной реформе. Главными идеями этой реформы, концепцию которой разработал харьковский экономист Евсей Либерман, были хозрасчетные «3 С» – самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление. Однако уже через несколько лет после введения реформы некоторые внесенные в нее изменения существенно изменили и выхолостили ее общий пафос. Неудача «косыгинских» реформ привела к тому, что в последнее 20-летие своего существования советская экономика функционировала в режиме преимущественно экстенсивного экономического роста, проигрывая конкуренцию с развитыми странами Запада.

Конференция будет проходить **23-24 сентября 2015 г.** в ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» по адресу: г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

К участию в конференции приглашаются научные работники, преподаватели, аспиранты, а также все лица, проявляющие интерес к

рассматриваемым проблемам.

Рабочие языки конференции: русский, английский.

УСЛОВИЯ УЧАСТИЯ:

Очное - непосредственное участие в работе конференции и публикация материалов.

Внимание!!! Для участия в конференции необходимо:

- **Заявку на участие в конференции (см. приложение 1) и тезисы доклада объемом не более 20 000 знаков необходимо направить до 1 мая 2015 г.**
- **Результаты конкурсного отбора будут сообщены не позднее 1 июля 2015 г.**
- **После подтверждения получения заявки участникам направляются программа конференции и персональные приглашения.**
- **Представление документов в оргкомитет конференции: по электронной почте economtheory2015@mail.ru Ефимова Ольга Николаевна *+7-910-458-95-74.***

Благодарим за проявленный интерес и желаем творческих успехов!

С уважением, оргкомитет конференции.

Приложение 1.

Заявка на участие

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Место работы, название организации, город (без сокращений)	
Должность, ученая степень, ученое звание	
Название темы выступления	
Контактный телефон	
E-mail	
Гостиница (*при необходимости*), тип размещения, даты	□ **одноместный номер** □ **двухместный номер** □ **п/люкс**
Участие в банкете (1000 руб/чел)	

Экономический факультет

Южный федеральный университет

Международная научно-практическая конференция

«Институты и политика модернизации экономики»

12–14 ноября 2015 г.
Ростов-на-Дону

Уважаемые коллеги!

Южный федеральный университет и экономический факультет ЮФУ приглашают Вас принять участие в работе конференции. Целью конференции является обсуждение актуальных проблем современной экономики сквозь призму институциональной экономической теории, тенденций российского и мирового экономического развития с привлечением ведущих российских ученых, представителей бизнеса и государственных структур, зарубежных участников. Конференция состоится в форме пленарного и секционных заседаний, круглых столов.

Расписание работы конференции:

12 ноября	Экономический факультет, ул. М. Горького, 88	9:00 – 10:00 регистрация 10:00 – 13:00 пленарное заседание 14:00 – 17:00 панельная дискуссия
13 ноября	Экономический факультет, ул. М. Горького, 88	10:00 – 17:00 работа секций, круглых столов 17:00 – 18:00 закрытие
14 ноября		Культурная программа

Тематические направления:

1. Институциональная экономика: современная методологическая дискуссия и проблемы преподавания
2. Модернизация институциональной структуры образования
3. Традиционный и новый институционализм в истории экономической мысли
4. Институциональная среда в российской экономике: тенденции развития, соотношение национального и глобального
5. Финансовые институты и экономическое развитие региона
6. Институциональное развитие в контексте международного опыта
7. Бизнес-практики и наука: институциональные основы взаимодействия
8. Институты рынка труда

Организационный комитет:

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Южного федерального университета, Россия
Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Дементьев В.В., доктор экономических наук, профессор, Донецкий национальный технический университет, Украина
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Барсукова С.Ю., доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия
Кирдина С.Г., доктор социологических наук, профессор, Институт экономики Российской Академии наук, Россия
Латов Ю.В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия
Левин С.Н., доктор экономических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Россия
Розмаинский И.В., кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», филиал в городе Санкт-Петербург, Россия
Оганесян А.А., кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия

Для регистрации в качестве участника конференции необходимо:

- Заполнить заявку на участие в конференции (по форме Приложения 1 к настоящему информационному письму) и направить в оргкомитет до 1 сентября 2015 года.
- Оформить тексты докладов выступления (в соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям Журналом институциональных исследований http://hjournal.ru/avtoram.html) и направить в оргкомитет до 15 сентября 2015 года.
- Подтвердить участие до 1 октября 2015 года.
- Оплатить организационный взнос в размере 1500 рублей за участие в конференции по реквизитам, указанным в Приложении 2 к настоящему информационному письму.
- Для сотрудников Южного федерального университета при условии своевременной регистрации участие в конференции бесплатное.

Заявку на участие, тезисы, копию квитанции об оплате высылать на адрес оргкомитета конференции:
aaoganesyan@sfedu.ru

Зарегистрированные участники будут включены в программу конференции, им предоставляется возможность выступить по заявленной тематике, принять участие в дискуссиях и круглых столах.

С подробной информацией о конференции можно ознакомиться на сайте экономического факультета http://www.econ.sfedu.ru.

Контактная информация:

Экономический факультет
Южного федерального университета,
344002, Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 312

Ответственная за организацию конференции – Анна Оганесян,
тел. +79185383333, e-mail: aaoganesyan@sfedu.ru

Приложение 1

Заявка на участие в работе конференции

ФИО участника		
Место работы		
Должность		
ВУЗ, факультет, кафедра		
Ученая степень, ученое звание		
Почтовый адрес для отправки сборника		
Участие (очное/заочное)		
Телефоны	Мобильный	Рабочий /Домашний
E-mail		
Тема выступления		
Аннотация (1000–1500 зн.)		

Приложение 2

Реквизиты для оплаты

ИНН 6163027810, **КПП** 616301001
Южный федеральный университет
Р.сч. **405 038 107 0000 0 0000 01**
В ОАО КБ «ЦЕНТР-ИНВЕСТ» Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ
БИК 046015762, Кор.счет 30101810100000000762

ПОДПИСКА-2015

НА ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Institutional Studies

(«Журнал институциональных исследований»)

по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Подписной индекс 82295

Условия оформления подписки *(аннотация, индекс(ы), стоимость)*
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

ПОДПИСКА-2015

НА ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Economic Regulation

(«Вопросы регулирования экономики»)

по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

Подписной индекс ***42503***

Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES

(Журнал институциональных исследований)

Том 7, № 2. 2015

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Учредитель и издатель: ООО «Гуманитарные перспективы».
Адрес редакции и издателя: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-13. **E-mail:** hp@donpac.ru; info@hjournal.ru.
Сайт: http://www.hjournal.ru

Индекс журнала: в Объединенном каталоге «Пресса России» 82295.
Свободная цена.

Сдано в набор 10.06.2015.
Подписано в печать 22.06.2015.
Тираж: 500 экз. **Заказ** № 158.

Отпечатано в Издательстве Фонда «Содействие—XXI век».
Адрес типографии: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 9.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-14. **Сайт:** http://www.fund21.ru

---